

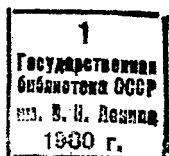
С. П. ПОЛЯКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ХОЗЯЙСТВО
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Допущено Министерством
высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов вузов,
обучающихся по специальности
«История»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1980

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:
кафедра этнографии и антропологии
Ленинградского университета имени А. А. Жданова,
кандидат исторических наук М. Н. Губогло

Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. Учеб. пособие. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980 г., с.

Впервые в нашей исторической литературе дается обзор основных процессов хозяйственной деятельности оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого населения Средней Азии и Казахстана. Рассматриваются социальные отношения и этногенетические процессы у коренных народов региона до вхождения Средней Азии и Казахстана в состав России. Используются новейшие археологические, этнографические и естественнонаучные данные.

2004127389

П $\frac{10602-084}{077(02)-80}$ 59 — 80 0508000000

© Издательство Московского университета, 1980 г.

ВВЕДЕНИЕ

Успехи национально-государственного строительства в СССР, явившиеся результатом ленинской национальной политики КПСС, развитие экономики и культуры нашей многонациональной страны нашли яркое выражение в этнических процессах. «Как отметил XXIV съезд КПСС, у нас утвердилась, стала реальной действительностью **новая историческая общность людей — советский народ.**

Эта общность основывается на глубоких объективных изменениях в жизни страны как материального, так и духовного порядка, на возникновении и развитии в нашей стране социалистических наций, между которыми сложились отношения нового типа.

Экономика Советского Союза — это не сумма экономик отдельных республик и областей. Это уже давно единый хозяйственный организм, сложившийся на основе общих экономических целей и интересов всех наций и народностей»¹.

Основанные на глубоком изучении достижений общественно-научных наук, эти положения раскрывают главное и определяющее условие складывания этнических общностей. В условиях единого государства и единой экономической системы наряду с национальными традициями все смелее заявляют о себе общие черты, объединяющие народы Советского Союза и создающие советский образ жизни, который не представляет простое сочетание образов жизни различных народов. Советский образ жизни — принципиально новое явление, компоненты которого складывались также на определенных исторических этапах развития того или иного народа и именно тогда, когда создавалась необходимая экономическая и территориальная общность.

Изучение образа жизни народов Средней Азии необходимо не только с научной точки зрения; оно обусловлено практическими задачами. Мы не имеем права и не должны утерять

---

¹ Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. — В кн.: Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 4. М., 1975, с. 57—58.

все лучшее и полезное, что создано на протяжении многовековой истории среднеазиатских народов. Но понять и сохранить все достижения культурной и хозяйственной жизни можно, лишь изучив процессы и те условия, при которых проходило формирование образа жизни того или иного народа Средней Азии. Раскрытию этих процессов и посвящено настоящее учебное пособие.

Изложение материала доведено до времени включения Средней Азии в состав Российской империи. Этот процесс не был одноактным, различные территории присоединялись в разное время. Большая часть современного Казахстана раньше других среднеазиатских областей вошла в состав России, что и определило исследование материала по казахской этнографии до XVIII в., в то время как этнография других регионов рассматривается до XIX в., а в отдельных случаях, как, например, этнография Восточной Бухары, и до позднего времени.

Этнографию Средней Азии второй половины XIX — начала XX в., а Казахстана XVIII — начала XX в. предполагается дать во второй части учебного пособия. Большой объем и разнообразие источников и материалов, относящихся к концу XIX — началу XX в., невозможно вместить в ограниченные рамки одного учебного пособия. Этим обстоятельством и объясняется их раздельная публикация.

В первой части пособия акцент сделан на главные, определяющие стороны образа жизни народов — хозяйство и социальную структуру общества, которые существенно влияют на этнические процессы и этнические особенности среднеазиатских народов.

Материал, изложенный в пособии, предполагает знакомство читателя с историей народов Средней Азии и знание соответствующих социально-экономических дисциплин. Автор счел возможным сократить описательный фактический материал, который полно изложен в рекомендуемой литературе.

Географическое понятие «Средняя Азия» на различных исторических этапах было неодинаковым. Оно менялось вместе с накоплением знаний об Азиатском материке. Первоначально часть Евразии, которую мы называем Средняя Азия, включалась в более широкую область, обозначаемую в географической литературе термином «Центральная Азия». С накоплением конкретного материала по географии, геологии, ботанике и другим наукам о земле Центральную Азию, простиравшуюся от Каспийского моря до восточных границ Монголии, географы стали делить на несколько самостоятельных регионов. Для одного из них, ограниченного на севере Аральским морем, на юге — горными системами Копетдага и Гиндукуша, на западе — Каспийским морем, а на востоке — Памиром, утвердился термин «Средняя Азия». Этот термин вошел в рус-

скую географическую науку в первой четверти XIX в. В официальных государственных документах понятие «Среднеазиатские владения» появилось значительно позднее, после присоединения Средней Азии к России. В западноевропейской литературе употреблялся и употребляется термин «Центральная Азия», понимаемый различными исследователями далеко не однозначно.

В исторической науке термин «Средняя Азия» утвердился в самом начале XX в., после опубликования работ выдающегося русского востоковеда академика В. В. Бартольда. Им же впервые было обосновано включение в эту область и обширных казахских степей, исторические судьбы населения которых были неразрывно связаны с политической и этнической историей южных областей Средней Азии. Последующие работы русских и советских ученых подтвердили правомерность выделения Средней Азии в самостоятельную историко-культурную область, которая сложилась в результате многовекового совместного проживания населения на одной территории, большой этнической близости, тесных хозяйственных и культурных контактов. Единство материальной и духовной культуры, быта и общественной жизни населения этой обширной части Азиатского материка позволяет назвать Среднюю Азию и историко-этнографической областью.

География Средней Азии

Пять союзных республик Средней Азии занимают площадь в 4 млн. кв. км — от Западной Сибири и отрогов Урала на севере до государственной границы СССР с Демократической Республикой Афганистан и Исламской Республикой Иран на юге. С запада ее территория ограничена Каспийским морем и на востоке — границей СССР с Китаем.

Средняя Азия — страна контрастов. Здесь расположены самая высокая точка СССР — пик Коммунизма (7495 м над уровнем моря) и самая низкая точка — впадина Карагие (132 м от уровня моря). Безводные пустыни Каракумы и Кызылкумы почти вплотную подступают к заболоченным дельтам рек. Самые высокие в стране температуры соседствуют с холодом высокогорных ледников. Также контрастны здесь суточные и сезонные температуры.

Большую часть поверхности Средней Азии занимают степи, полупустыни и пустыни, переходящие на юге и юго-востоке страны в мощные горные массивы.

Степная зона располагается в северной части, и ее южная граница проходит по 50° с. ш. Здесь выпадает достаточное количество осадков, зима холодная (—20°) и умеренно жаркое лето (+21°). Среднегодовая температура от 0° до +5°. До освоения целинных земель степная зона представляла

собой прекрасные пастбища с богатым травяным покровом.

К югу от степей начинается зона полупустынь, где климат значительно суровее. Летние температуры достигают $+32^{\circ}$, а зимние — минус 18° . Среднегодовая температура $+2$ — $+4,5^{\circ}$. Осадки (до 270 мм) выпадают равномерно, в течение всего года, что создает незначительный снежный покров и дает возможность использовать пастбища круглый год.

Наибольшую площадь равнинной части Средней Азии занимают пустыни с жарким и сухим резко континентальным климатом. Летние температуры доходят до $+50^{\circ}$, а в зимние месяцы столбик термометра опускается в отдельные годы до отметки -30° . Распределение осадков в пустынной зоне чрезвычайно неравномерно. Например, в Центральных Каракумах выпадает менее 75 мм осадков, в то время как в Южной Туркмении годовое количество осадков достигает 200—300 мм.

Пустыни в Средней Азии неодинаковы, прежде всего по почвенному покрову — пески, лёсс, глина, коренные породы. Это обстоятельство, наряду со степенью увлажнения, определяет животный мир и растительность отдельных пустынных районов. Больше всего растительности в песчаных пустынях, где в отличие от глинистых пустынь больше влаги и меньше засоленность почвы. Песчаные пустыни представляют собой хорошие пастбища, особенно в зимнее время, на которое приходится наибольшее количество осадков в виде дождя. Снежный покров в пустынях практически отсутствует.

Равнинная часть Средней Азии очень бедна лесом. Только в северной части, в степной зоне, расположены небольшие леса.

Животный мир на равнине, особенно пустынной зоны, разнообразен. Здесь обитают кулан, сайга и джейран, волк, лисица, камышовый кот, дикобраз, пустынная рысь. Очень много грызунов, птиц, пресмыкающихся и насекомых, среди которых немало ядовитых.

На юге и северо-востоке Средней Азии расположены горные системы. Они начинаются небольшими Балханскими горами на западе Туркмении, которые переходят в Копетдаг и продолжаются вдоль южной границы СССР, переходя в Тянь-Шаньскую и Памирскую системы. В северо-восточной части Казахстана расположены Алтайские горы, а в Центральном Казахстане — казахский мелкосопочник.

Климатические зоны горной части Средней Азии очень разнообразны. Характер климатических вертикальных поясов, расположенных на одной высоте над уровнем моря, в различных горных системах далеко не одинаков. Климатические пояса наряду с другими факторами определяются и местом расположения самой горной системы. Например, на Алтае леса с великолепными лугами поднимаются до высоты 2000—

2500 м, в то время как в Копетдаге пустыня поднимается до 1000 м и ее сменяют сухие степи, доходящие до отметки 1800 м над уровнем моря.

Разнообразные ландшафты вертикальных поясов гор Средней Азии использовались человеком очень дифференцированно: одни — преимущественно для скотоводческого хозяйства, другие — для своеобразного горного земледелия. Животный мир гор очень разнообразен. Здесь водятся крупные хищники: леопард, пантера, гепард, снежный барс, волк, лиса; различные виды горных козлов и баранов, грызунов. Много в горах ядовитых змей и птиц, в том числе и хищных.

В настоящее время горы Средней Азии, за небольшим исключением (часть Тянь-Шаня и Алтай), как и равнинная часть, бедны лесом. Но так было не всегда. Еще античные авторы сообщали, например, о Копетдаге как о горах, покрытых лесами. В результате человеческой деятельности (вырубка и выпас скота) большинство лесов в горах было уничтожено. Это обстоятельство имело очень серьезные последствия для населения — многие горные речки и ручьи, которые давали влагу подгорной части, пересохли.

Горы Средней Азии, а особенно ледники, расположенные на Памире и Тянь-Шане, являются местом, откуда начинаются все реки этой жаркой и сухой страны.

Большинство рек Средней Азии не имеет стока в Мировой акваторий. Две самые крупные реки — Амударья и Сырдарья — впадают в Аральское море, Каратал и Или — в Балхаш, Урал и Эмба — в Каспийское море, которое, как и Аральское, является громадным озером. Только реки северной части степной зоны — Тобол, Ишим и Иртыш — несут свои воды в Мировой океан. Остальные реки, в том числе и такие крупные, как Зеравшан, Теджен, Мургаб, Чу и целый ряд более мелких рек, вообще в настоящее время не имеют стока. Они или полностью используются на орошение полей, или текут в песках.

В долинах и дельтах рек расположены оазисы — природно-хозяйственные зоны, возникшие в результате человеческой деятельности. Они не имеют себе аналогов в природе. В результате деятельности человека здесь сложились особая растительность и почвы. Наиболее крупные оазисы Средней Азии расположены в ее южной части. Это Ферганская долина, орошаемая водами Сырдарьи и многочисленных горных рек, долина р. Зеравшана (Бухарский и Самаркандский оазисы), Ташкентский оазис, орошаемый водами рек Чирчика и Ангрена, Мургабский, Тедженский — вдоль рек Мургаба и Теджена. Ахальский и Атекский оазисы, расположенные в подгорной части Копетдага, орошаются небольшими речками, стекающими с гор. Значительные площади орошены человеком

вдоль среднего течения Амударьи, вверх по течению от г. Чарджоу.

На многие километры к северу от этого зеленого пояса, по обоим берегам Амударьи, к югу от Аральского моря, находится Хорезмский оазис — зеленый изумруд в золотой оправе безводных Каракумов и Кызылкумов. Много орошаемых земель в Семиречье и на юге Средней Азии. Множество небольших оазисов расположено в горных долинах.

Места и территории оазисов не постоянны. На протяжении многовековой и сложной истории Средней Азии оазисы неоднократно меняли свои очертания, места, изменялось значение того или иного оазиса в общей экологической системе какого-либо района страны. Одни оазисы, как например, на западе Туркмении Мешедмисарианский, прекратили свое существование в средние века (конец XV в.), другие возникли в наше время в Голодной степи и вдоль Каракумского канала им. В. И. Ленина, третьи, как Хорезмский, на протяжении времени резко меняли свои границы. Еще 15—20 лет тому назад — в 50-х годах нашего столетия — существовал специальный термин «земли древнего орошения», т. е. земли, заброшенные в разное время.

Различны и многочисленны причины, влияющие на размеры оазисов и объясняющие сам факт их существования. Можно выделить две группы причин. К первой относятся факторы, обусловленные деятельностью человека, ко второй — природные факторы, связанные с изменением климата. Влияние каждой группы факторов недостаточно исследовано. Наиболее изучены вопросы, относящиеся к первой группе. В первой группе причин следует выделить два направления: хозяйственную деятельность людей и политические ситуации, возникающие в том или ином регионе.

Размеры оазиса зависят в первую очередь от количества воды, которую можно использовать на орошение пригодных для земледелия участков. При этом первостепенное значение имеет уровень развития производительных сил на определенной стадии развития общества. На ранних этапах человеческой истории (подробнее об этом будет сказано ниже) люди могли использовать воду небольших речек и ручьев, так как технические возможности были небольшими. С развитием общества совершенствовалась и оросительная система и одновременно усиливалось влияние человека на экологию. Применительно к Средней Азии неразумное использование лесных запасов существенно повлияло на характер и размещение производительных сил больших районов. Например, вырубка леса в Копетдаге повлекла за собой высыхание или значительное сокращение дебита воды в реках, орошавших поля в Ахальском оазисе на юге Туркмении. Аналогичное положение сложилось и на территории древней Уструшаны (Север-

ный Таджикистан). Грабительские войны, походы завоевателей, разрушавших ирригационные системы и уничтожавших население, превращали цветущие оазисы в пустыню. Во многих местах после таких катастроф, как монгольское нашествие, жизнь вообще не возобновлялась в сколько-нибудь заметных размерах.

Вторая группа причин, влияющих на размещение и размеры оазисов, — климатические условия в конкретно-историческую эпоху. Среди географов и историков нет единства взглядов. Существо разногласий сводится к признанию или отрицанию «усыхания» Средней Азии, т. е. сокращение водных ресурсов, которые может использовать человек в хозяйственной деятельности. Во многих случаях мы пока не можем найти убедительных объяснений изменений русла рек, количества в них воды. Во всяком случае достоверно известно, что некоторые реки в недалеком прошлом были значительно полноводнее, а потом без видимых причин к нашему времени значительно сократилось количество воды, а большие оазисы (например, Геоксюрский в низовьях Теджена) вообще перестали существовать. Если бы процесс «усыхания» прослеживался только в «культурной зоне», т. е. там, где деятельность человека наиболее активна, можно было бы в большей мере настаивать на ведущей роли социальных причин. Однако этот процесс очень четко виден и на примере степной и пустынной зон Средней Азии. Археологами обнаружены многие стоянки неолита и бронзового века, расположенные в ныне абсолютно безводных районах. Есть свидетельства и более близкого времени: многие скотоводы покидали прекрасные пастбища из-за засоления или высыхания колодцев.

После установления Советской власти в Средней Азии созданы новые оазисы в Каршинской степи, освоены громадные площади пустыни вдоль Каракумского канала им. В. И. Ленина, обводнена Голодная и Дальверзинская степи. Орошены большие площади на юге Таджикистана. В Средней Азии практически не осталось неосвоенных «земель древнего орошения». Все это находится в прямой зависимости от общего подъема и развития производительных сил общества.

Современное население

Современное население Средней Азии составляют две большие группы народов. К первой группе относятся народы, чей этногенез и история формирования связаны с территорией Средней Азии, — это узбеки (12 млн. 456 тыс. человек), казахи (6 млн. 556 тыс. человек), таджики (2 млн. 898 тыс. человек, включая ягнобцев и припамирские народы), туркмены (2 млн. 28 тыс. человек), киргизы (1 млн. 906 тыс. человек), каракалпаки (303 тыс. человек), уйгуры (211 тыс. человек).

Вторую группу составляют народы, переселившиеся в разное время в Среднюю Азию. Этногенез и формирование антропологического типа, а также материальной и духовной культуры этих народов происходили за пределами Средней Азии.

Переселение этих народов в Среднюю Азию проходило в несколько этапов и в разное время. Наиболее ранние переселенцы — ирани (28 тыс. человек), среднеазиатские евреи (20 тыс. человек) и курды (ок. 20 тыс. человек). Русские (9 млн. 313 тыс. человек), украинцы (1 млн. 194 тыс. человек), белорусы (181 тыс. человек), дунгане (52 тыс. человек) и небольшая группа немцев начали переселяться в Среднюю Азию уже после вхождения ее в состав России. Раньше здесь появились группы среднеазиатских арабов (XVII в.), белуджи и цыгане. Еще до присоединения Средней Азии к Российской империи здесь поселялись небольшие группы армян и татар

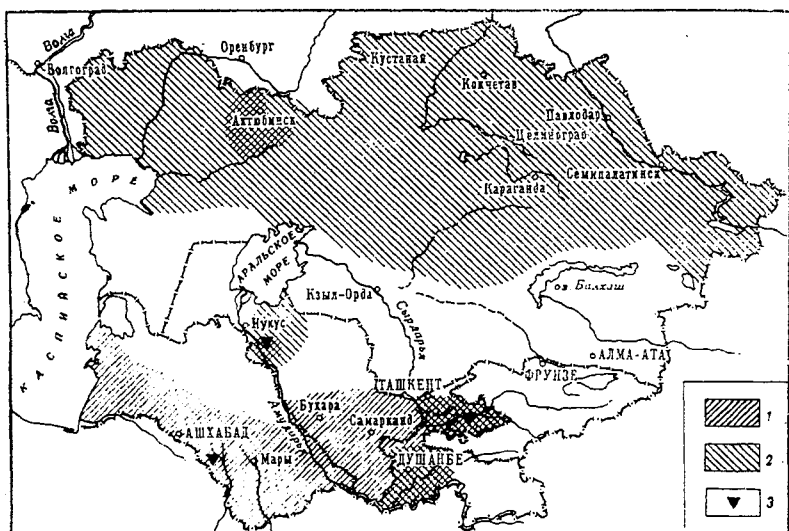

Рис. 1. Антропологические зоны Средней Азии в эпохи неолита и бронзы
1 — средиземноморская раса; 2 — протоевропейская раса; 3 — элементы экваториальной расы

Поволжья, основная масса которых расселилась в различных районах Средней Азии уже в конце XIX и в XX в. В наши дни татар насчитывается здесь больше 1 млн. человек. После установления Советской власти в Средней Азии туда стали переселяться жители из разных районов Советского Союза. Особенно пестрая этническая картина сложилась в северных степных районах — в зоне освоения целинных и залежных зе-

мель, где живут представители десятков национальностей нашей страны.

Не считая вышеперечисленных народов; наиболее крупные группы составляют немцы (более 2-х млн. человек) и корейцы (195 тыс. человек).

Антропологическая классификация современного населения Средней Азии еще далека от совершенства; среди антропологов (особенно при оценке последних данных) нет единства мнений. И это понятно, ибо формирование антропологических типов, учитывая сложную этническую и политическую историю этой страны, происходит вплоть до наших дней, когда в различные миграционные процессы вовлечены значительные группы коренных народов Средней Азии. Об антропологическом типе переселенческого населения региона не приходится говорить, его изучают в тех областях, где проживает основная масса нового населения.

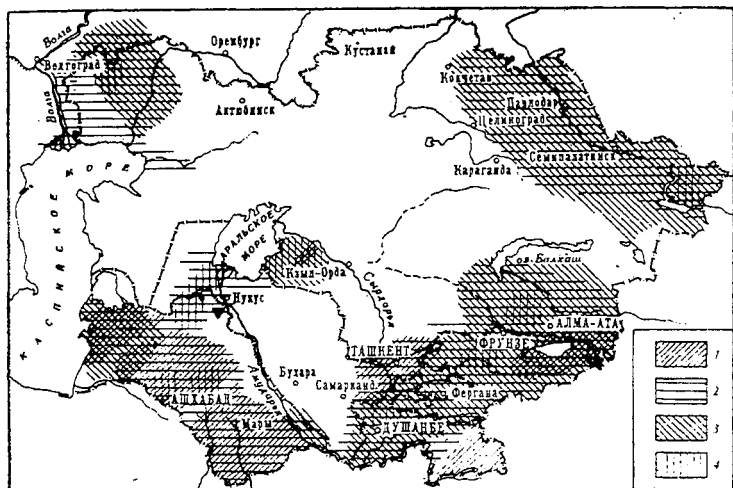

Рис. 2. Расовый состав населения Средней Азии в эпоху античности
 1 — средиземноморская раса; 2 — раса Среднеазиатского междуречья; 3 — протоевропейская раса; 4 — примесь монголоидной расы

Среди народов, этногенез которых проходил на рассматриваемой территории, антропологи выделяют представителей двух рас первого порядка: европеоидной и монголоидной. Нарастание монголоидных черт происходит с запада на восток. Наиболее ярко монголоидные черты проявляются у киргизов.

Сложнее с определением антропологического типа казахов. Занимая всю северную часть региона, казахи постепенно, с востока на запад, теряют монголоидные черты, и западные казахи весьма условно (как, впрочем, и жители центральных районов Казахстана) могут быть отнесены к монголоидам. В специальной литературе для обозначения антропологического типа казахов и киргизов часто применяется термин «южносибирская» раса второго порядка, сочетающая в себе как монголоидные, так и европеоидные черты. Часто ее называют «контактной» расой, имея в виду промежуточное положение между монголоидами и европеоидами. К южносибирской расе относят по антропологическим признакам и каракалпаков.

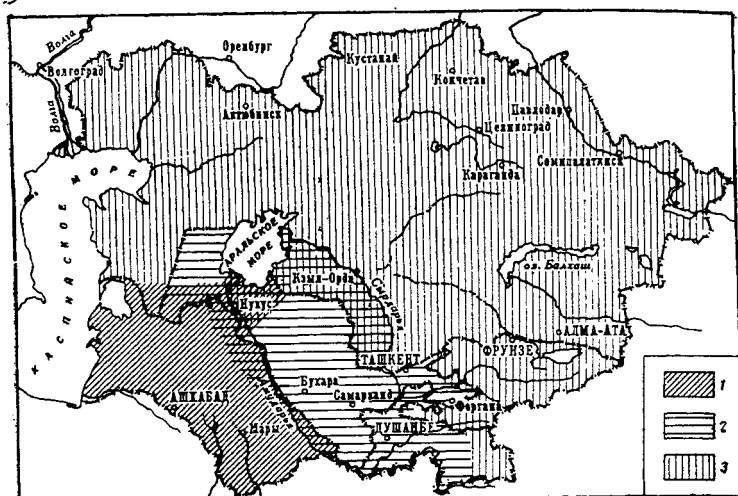
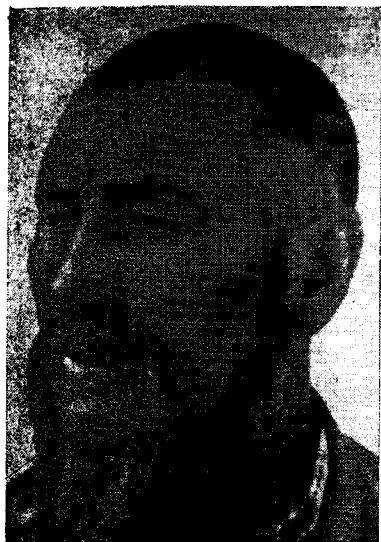

Рис. 3. Три современные антропологические зоны Средней Азии и их расы

1 — юго-западная средиземноморская раса; 2 — раса Среднеазиатского междуречья; 3 — северо-восточная южносибирская раса

Представители южносибирской расы отличаются средним ростом, брахикранией, широким уплощенным лицом с выступающими скулами и темной пигментацией волос и глаз. Волосяной покров на лице и теле развит слабо. Часто встречается эпикантус.

Европеоидная большая раса представлена в Средней Азии двумя типами: расой Среднеазиатского междуречья и одной из разновидностей средиземноморской расы. К первой относят узбеков и таджиков, ко второй — туркмен. Такая группировка

1.

2.

3.

Рис. 4. Антропологические типы

1 — туркмен; 2 — таджик; 3 — киргиз

Классификация антропологических типов населения очень условна и базируется на устаревших исследованиях, когда выводы делались на основе обследования небольших групп населения.

В действительности, картина значительно сложнее. Например, среди таджиков четко выделяют два типа: южный и северный, различающиеся степенью монголоидной примеси (она значительно больше у северных групп). В свою очередь, население Северного Таджикистана далеко не однородно в антропологическом отношении. Еще сложнее обстоит дело с антропологическим типом узбеков, которые составляют смешанные типы — от сильно монголизированных до «чистых» европеоидов, причем представители различных антропологических типов редко составляют большие массивы. Как правило, различные антропологические типы «расселены» чересполосно.

Антропологический тип Среднеазиатского междуречья, во всем его многообразии, принято характеризовать средним ростом, брахикефалией, нешироким лицом со значительно выступающим узким носом, темной пигментацией волос и глаз. Волосяной покров лица сильно развит.

Больше двадцати лет идет в науке спор об антропологическом типе туркмен. Как было отмечено выше, туркмены представляют в Средней Азии особый европеоидный «закаспийский» тип средиземноморской расы, который характеризуется ростом выше среднего, темной пигментацией волос и глаз, выступающим носом и достаточно развитой растительностью на лице. Основанием для выделения его в самостоятельный тип послужила форма черепной коробки — долихоцефалия. Однако последние антропологические обследования туркмен не подтверждают это положение. Вероятно, так называемая туркменская долихоцефалия является не чем иным, как результатом искусственной деформации черепа, полученной при помощи платка, специальным способом повязанного детям. При существующей классификации антропологических типов упускается очень важное обстоятельство — в антропологическом отношении туркмены также неодинаковы, как таджики и узбеки. В то же время в трудах антропологов уделяется большое внимание поискам различий между антропологическими типами современных народов, а не выявлению их общих черт.

Языковая классификация

Коренное население Средней Азии в настоящее время говорит на языках, входящих в две большие языковые семьи: алтайскую (тюркские языки) и индо-европейскую (иранские языки).

На тюркских языках говорят узбеки, уйгуры, казахи, каракалпаки, туркмены и киргизы. На территории Средней Азии представлены обе большие группы тюркских языков — восточная и западная.

Узбекский язык относится к карлукской группе западной ветви тюркских языков и распадается на две группы диалектов: среднеузбекские «окающие» — диалекты населения Ташкента, Самарканда, Бухары, Карши, Ферганской долины и «акающие» — на которых говорят узбеки Хорезма, долины Кашкадарьи, отдельных районов Самаркандской области и узбеки, живущие в южных районах Казахстана (районы Туркестана, Чимкента и т. д.).

К этой же карлукской группе относится уйгурский язык, который в настоящее время представлен двумя литературными языками: литературным языком советских уйгуров с письменностью на основе русской графики и литературным языком уйгуров Синьцзяна. Современный народный язык распадается на четыре группы диалектов.

Казахский язык относится к кыпчакской группе западно-тюркских языков. В нем выделяются три основных диалекта: северо-восточный, южный и западный.

К этой же, кыпчакской, группе относится каракалпакский язык, представленный двумя диалектами, — северо-восточным и юго-западным.

В западную группу входит и туркменский язык. В нем весьма заметны различия между общетуркменским литературным языком и множеством диалектов разговорного языка, отражающие существовавшее до установления Советской власти племенное деление туркмен.

Восточная группа тюркских языков представлена в Средней Азии киргизским языком. Две группы диалектов — северная и южная — различаются значительным влиянием на последнюю узбекского языка.

На иранских языках в Средней Азии говорят таджик⁴и, ягнобцы, припамирские народы, среднеазиатские евреи, часть среднеазиатских арабов, живущие в Средней Азии цыгане, белуджи и курды.

Таджикский язык, на котором говорит подавляющее большинство коренного ираноязычного населения, относится к западной группе иранских языков. В настоящее время лингвисты не выделяют в таджикском языке диалектов, подразделяя его лишь на 4 группы говоров: северную, центральную, южную и юго-восточную.

К северо-западной группе принадлежат языки белуджей (белуджи Таджикистана говорят на таджикском языке) и курдов.

Восточноиранская группа представлена в Средней Азии языком ягнобцев, являющимся потомком одного из согдийских диалектов, и памирскими языками.

К памирским языкам относятся шугано-рушанская группа диалектов (шуганский, рушанский, бартангский и орошорский), язгулемский, ишкашимский и ваханский языки.

После присоединения Средней Азии к России языковая ситуация стала существенно изменяться. Появились новые языки переселенцев. В настоящее время языком межнационального общения стал русский. В районах со смешанным населением: таджико-узбекским, узбеко-казахским и узбеко-киргизским, туркмено-узбекским и наблюдается двух- и трехязычие. Например, таджикское и узбекское население многих городов и поселков Ферганской долины в одинаковой степени владеет таджикским и узбекским языками. Многие из них достаточно свободно владеют русским.

Политико-административное деление Средней Азии

До Октябрьской революции большая, южная, часть Средней Азии была в составе Туркестанского генерал-губернаторства, поделенного на 5 областей и 1 отдел. На меньшей части ее территории размещались два государства: Хивинское ханство и Бухарский эмират — вассалы царской России.

В 1918 г. на V съезде Советов Туркестанского края была провозглашена Туркестанская АССР, вошедшая в состав РСФСР. В 1920 г. была образована Казахская АССР (до 1925 г. она называлась Киргизская АССР), и, после победы революций в Хиве и Бухаре были провозглашены Хорезмская и Бухарская советские народные республики. В 1922 г. Туркестанская АССР была принята в состав СССР. В 1924 г. после большой подготовительной работы, в которой активное участие принимали этнографы, было проведено национально-государственное размежевание.

В конце 1924 г. были образованы Туркестанская Советская Социалистическая Республика и Узбекская Советская Социалистическая Республика с вошедшей в нее Таджикской АССР. Каракалпаки, объединенные в Каракалпакскую АО, были включены сначала в РСФСР, а впоследствии в Казахскую АССР.

Кара-Киргизская АО была в составе РСФСР; в 1926 г. она была преобразована в Киргизскую АССР.

К 1936 г. сложилось существующее в настоящее время политико-административное деление Средней Азии. В 1926 г. Таджикская АССР была преобразована в союзную республику. В 1925 г. в нее вошла Горно-Бадахшанская АО. В 1936 г. союзными республиками стали Киргизия и Казахстан. С 1936 г. Каракалпакская АССР (1932 г.) вошла в состав Узбекской ССР. В настоящее время советские союзные республики Средней Азии — Казахская, Узбекская, Таджикская и Киргизская — национальные суверенные государственные образования в составе СССР. При численном преобладании коренных ведущих национальностей население всех

республик многонационально. Наряду с древним населением Средней Азии на их территории живут и трудятся в единой семье советского народа большие группы других народов нашей страны.

За годы Советской власти в корне изменилась экономика Среднеазиатских республик. Современное сельское хозяйство, где основу составляют хлопководство, производство зерна и животноводство, сочетается с развитой промышленностью. Создана своя энергетическая база.

История изучения

История изучения народов, населявших Среднюю Азию, насчитывает много столетий. Уже в сочинениях греческих и римских историков, географов и философов содержатся ценнейшие сведения о народах и событиях этого края. За исключением участников походов Александра Македонского, никто из авторов античного мира не был очевидцем описываемых событий. На берега Средиземного моря сведения доходили через третьи руки, обрастая небылицами, и представления греков и римлян о народах Средней Азии не всегда отражали реальную действительность.

Первыми историками, в сочинениях которых упоминаются народы Средней Азии, были Геродот и Ксенофонт, чьи труды относятся к V в. до н. э. События, имеющие отношения к этим народам, описывают также Полибий (II в. до н. э.), Диодор (I в. до н. э.), а также авторы, жившие в начале нашей эры, — Страбон, Плутарх, Арриан и др. Есть сведения в китайских династических хрониках и записках Ханьского посла Чжан-Цяня. Исторические события в Средней Азии III—V вв. н. э. освещаются в сочинениях Аммиана Марцелина, Прокопия Кесарийского, Моисея Хоренского, Егише Вардапета и целого ряда других хронистов.

С образованием Арабского халифата монополия на передачу и трактовку истории народов Средней Азии переходит к персам, арабоязычным авторам. Среднеазиатские народы описываются на страницах «всемирных историй» историков IX в. Якуби, Табари и Белазури. Плеяда географов IX—X вв. также оставила любопытные и ценные свидетельства о населении этой страны. Ибн-Хордабех, Ибн-Фадлан, Ибн-Хаукаль, Масуди и Макдиси дополнили описание политической истории сведениями о хозяйстве, климатических и природных особенностях страны. С пристальным вниманием описывают Среднюю Азию этого времени и китайские хроники.

Предмонгольский период — XI—XII вв. — нашел свое отражение в сочинениях Бейхаки, Гардизи, Нершахи, Махмуда Кашгарского и др. Значительное место бурным событиям XI—XII вв. уделено в трудах авторов XIII в. Якута и Бекрана.

Интересное анонимное сочинение «Худут ал-Алам» было написано на персидском (дари) языке.

Абсолютное большинство всех сведений, содержащихся в трудах арабоязычных авторов IX — начала XIII в., относится к жителям оседло-земледельческих оазисов. Исключение составляет лишь труд Юсуфа Баласагунского (XI в.). Население степей в лучшем случае только упоминается. Важно и другое обстоятельство: средневековые хронисты, хотя и сообщают о современных этнонимах — туркменах и таджиках, но совершенно не ясно, что это — этноним, название профессиональной, территориальной, социальной или религиозной группы.

После монгольского нашествия ориентация средневековых хронистов изменилась. В сочинениях Ибн ал-Асира, Несеви, Джувейни главное внимание уделяется уже кочевым скотоводам. История монголов и их соседей была в центре внимания сочинения Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих». Этим же сюжетам посвящены сочинения Вассафа, Казвини и др. «Степное» направление превалировало и в работах историков тимуридской эпохи — Низам ад-Дина Шами, Хафиз-и Аbru, Мирхонда, Хондемира и ряда других. События XV—XVI вв. наиболее полно изложены в «Бабур-наме» Бабура и в сочинении Васифи.

С XIII в. сведения о народах Средней Азии стали появляться в сочинениях европейцев — «Истории монголов» Плано Карпини и в записках Виллема Рубрука и его путешествиях в восточные страны. Не потеряла значения до сего дня и книга венецианца Марко Поло. К XV в. представление о среднеазиатских народах стало складываться у европейцев на основе довольно широкого круга сочинений Клавихо, Барбаро и других путешественников и очевидцев событий.

В XVI—XVIII вв. политическая и экономическая ситуация в Средней Азии не способствовала развитию научных знаний. Бесконечные войны, засилье церковников во всех сторонах жизни общества отрицательно сказались на развитии культуры вообще. Большинство исторических сочинений имеет компилятивный характер. Не все авторы тщательно и добросовестно проверяют достоверность используемого фактического материала. Много внимания уделяют хронисты историям узбекских династий. Некоторые сочинения, такие, как «Убейдаллах-наме» Мухаммада Амин-и Бухари, продолжают традиции детального описания событий без их критического комментария. Несмотря на многочисленность различных сочинений, относящихся к этому периоду, их авторы не смогли подняться до уровня обобщений историков домонгольского и тимуридского времени. Тогдашняя Европа все больше и больше получает сведения о восточных народах из сочинений европейских авторов, основанных на их личных наблюдениях.

Торговые связи Русского государства с народами Средней Азии, установившиеся с конца XVI в., сыграли заметную роль в возбуждении интереса к этой стране. Продвижение русских в Сибирь и включение обширных пространств в состав России потребовали более детального изучения южных соседей. Эпизодические поездки и посольства русских должностных и частных лиц не могли создать достоверной картины об экономическом и военном потенциале среднеазиатских государств и немного добавляли к знаниям о народах, их населяющих. Занятое внутренними делами и борьбой с интервенцией, Русское государство в XVII в. мало внимания уделяло всестороннему изучению Средней Азии. Интерес к этим странам значительно усилился с начала XVIII в., когда Россия стала в один ряд с ведущими европейскими державами. Уже при Петре I снаряжается несколько экспедиций в Среднюю Азию, которые, однако, не дали желаемого результата.

Первым исследованием в России, посвященным народам Средней Азии, стала книга П. И. Рычкова «Топография Оренбургская» (1762 г.). Написанная с передовых, демократических позиций, она познакомила русское общество с туркменами, различными группами узбеков, каракалпаками и казахами. Значительные сведения о народах Средней Азии были собраны экспедицией 1768—1774 гг. под руководством Петра Паласса. Особенно интересны работы участника экспедиции И. И. Лепехина, которые были посвящены населению Оренбургской губернии. В 1780 г. выходит «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» И. Г. Георги. Русский читатель знакомится с бухарцами, хивинцами, казахами и киргизами. Несколько позднее появляется книга Филиппа Ефремова о его 9-летнем странствовании по странам Средней и Южной Азии.

С особой активностью изучение народов Средней Азии началось в XIX в. В первой трети XIX столетия многочисленные посольства и экспедиции в среднеазиатские государства и экспедиции в степные районы и по Каспийскому морю дали большой фактический материал. Публикуются работы Саввы Большого, Н. Н. Муравьева, А. И. Левшина, Ф. Назарова, И. Ф. Бларамберга и др. В ряде работ, как например, А. И. Левшина, делаются серьезные обобщения собранного ранее материала.

В 40-х годах появляются работы Н. В. Ханыкова, посвященные описанию Бухарского ханства, где он побывал в составе русской миссии. Ценное описание Хивинского ханства дал подполковник Г. И. Данилевский. В это же время выходят сочинения А. И. Макшеева по географии, этнографии и

экономике Средней Азии. На 50-е годы приходится самый активный период творчества выдающегося казахского ученого-этнографа Ч. Ч. Валиханова.

В 1860-х годах активно изучает население Средней Азии известный востоковед В. В. Радлов. Его работы по языковедению и истории в большей мере определили направление последующих исследований. В это же время предпринимаются поездки в юго-восточные районы. В числе участников этих экспедиций были М. И. Венюков и П. И. Пашино.

Характерной чертой, определившей цели столь быстрого накопления знаний о народах Средней Азии, была «государственность» исследований. Большая часть сведений добывалась по заданию русского правительства, которое проводило активную политику в Среднеазиатском регионе. Широкую научную деятельность по изучению страны развернуло Русское Географическое общество.

Мало изменился характер исследований и в 70—80-х годах. В присоединенных районах этнографические исследования проводились по заданию государственных учреждений или частными лицами на средства казны. Интерес к образу жизни местного населения проявляли не только интеллигенция и средние чиновники, но и высокопоставленные лица царской администрации. Интересные исследования принадлежат перу генерал-губернатора Сырдарьинской области Н. И. Гродекову, командующему войсками Куропаткину. Основная часть работ, выполненных в это время А. В. Каульбарсом, А. П. Хорошкиным, Г. А. Арандаренко, Н. П. Остроумовым и др., освещала современное им состояние Средней Азии. Работ, посвященных хотя бы недалекому прошлому среднеазиатских народов, было ничтожно мало. Еще не были введены в научный оборот труды средневековых историков. В это же время начинаются археологические раскопки, которые проводились на чрезвычайно низком методическом уровне и не выходили за рамки поисков сокровищ.

Последнее десятилетие XIX в. знаменуется выходом в свет целого ряда исследований, основанных на результатах многолетних наблюдений русских людей, долго живущих в Средней Азии. Активизация этнографического и географического изучения страны выразилась и в открытии в 1897 г. в Ташкенте Туркестанского отдела РГО. Однако, деятельность его в дальнейшем не имела существенного влияния на этнографические работы. Большинство членов общества, принадлежали к дворянско-помещичьему классу, и демократические течения не получили развития. Наиболее заметные исследования проводятся помимо Туркестанского отдела РГО.

В этот период выходят великолепные труды М. В. и В. М. Наливкиных, начинают работу известные исследователи истории и этнографии народов Средней Азии А. А. Семенов и М. С. Ан-

древ. Продолжается этнографическое изучение населения и государственными чиновниками Д. Н. Логофетом, Н. С. Лыкошиным и др. Организуются специальные экспедиции в труднодоступные районы страны. Поездки А. А. Семенова, М. С. Андреева, А. А. Бобринского, А. А. Половцева и других исследователей, в том числе и географов, дали ценнейший материал, который не потерял своего значения и по сей день.

Конец XIX — начало XX в. замечателен в изучении Средней Азии появлением крупных обобщающих работ, основанных не только на личных наблюдениях, но и на использовании работ средневековых авторов. Большой вклад внесли книги А. Н. Харузина и Н. А. Аристова.

Особое место в ряду исследователей истории народов Средней Азии занимает выдающийся востоковед В. В. Бартольд. Его труды по средневековой истории и исторической этнографии среднеазиатских народов создали эпоху в науке. Значение его работ еще не до конца изучено и оценено. Практически нет ни одной стороны жизни средневекового общества Средней Азии, которая бы не была затронута в его сочинениях. Широчайшая эрудиция, блестящее знание восточных и западных языков позволили В. В. Бартольду ввести в научный оборот громадное количество фактического материала. Его исследования и в наши дни во многом являются образцом историкоэтнографического анализа.

В первые годы после установления Советской власти в Средней Азии этнографические исследования были целиком подчинены интересам восстановления народного хозяйства и созданию национальных государств. Ученые-этнографы проделали большую работу по определению национальных границ, участвовали в подготовках и проведении различных переписей. В 30-х годах XX в. оформилось то направление в изучении народов Средней Азии, которое на несколько десятилетий определило этнографические исследования. В советском среднеазиатоведении был принят комплексный подход — совместные работы антропологов, этнографов и археологов. Эти исследования проводились на больших территориях и охватывали широкий круг проблем. Возглавляли работы известные советские ученые разных поколений: М. С. Андреев, Б. Г. Гафуров, Я. Г. Гулямов, Г. Ф. Дебец, И. М. Дьяконов, М. Е. Массон, В. Г. Машкова, А. А. Семенов, С. П. Толстов, А. Ю. Якубовский и целый ряд других историков, археологов, этнографов и антропологов. Под их руководством в 40—50-х годах работали большие научные коллективы — Хорезмская, Южно-туркменистанская, Таджикская и Киргизская экспедиции. Именно усилиями этих коллективов были открыты цивилизации неолитического и бронзового времени на юге Средней Азии и в Хорезме, воссоздана история и показана роль Средней Азии в мировой истории. Исследовался сложный период

среднеазиатской истории в средние века, изучалась культура этих народов. Опираясь на марксистскую методологию, советские ученые проделали большую работу по выяснению характера социально-экономических отношений населения Среднеазиатского региона. Начиная с 50-х годов XX в. активно развернули работу республиканские академии наук. Ими детально изучаются отдельные стороны жизни народов Средней Азии.

Но основные исследования по этнографии Средней Азии были проведены после 50-х годов нашего столетия. Накопленный большой фактический материал позволил по-новому трактовать и решать ряд важнейших проблем хозяйственной, социальной и культурной жизни. Принципиально иную оценку получили социально-экономические отношения, сложившиеся в кочевом скотоводческом обществе, наметились новые направления в трактовке социальной структуры населения земледельческих районов.

Новейшие материалы заставляют пересматривать старые схемы этногенетических процессов, внося существенные коррективы, а порой и опровергают сложившиеся представления и концепции. Значение ряда исследований по этнографии народов Средней Азии далеко выходит за рамки этого региона и помогает понять процессы, которые происходили или происходят и в других частях мира.

В то же время ощущается большая специализация исследований и разъединяются усилия археологов, этнографов и антропологов в изучении этногенетических процессов. Это обстоятельство в какой-то мере определило некоторый спад в изучении этнической истории, что дало толчок к оживлению в завуалированном виде концепций 30—40-годов XX в., в которых главное внимание уделялось «древности» народов, автохтонности и прямолинейности развития и формирования современных среднеазиатских наций. Этногенез каждого народа часто рассматривается изолированно от общих процессов внутри региона.

ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Хозяйственная деятельность населения Средней Азии чрезвычайно разнообразна и во многом определена природными особенностями климатических зон. Чем дальше отстоит та или иная эпоха от наших дней, тем эта зависимость выражена более четко. Ученые выделяют три ведущих исторически сложившихся в Средней Азии хозяйственно-культурных типа для периода XVIII — начала XX в.

I — оседлые земледельцы. Основу их хозяйства составляет плужное земледелие, базирующееся на искусственном орошении².

II — кочевые скотоводы. Источником их существования является скот, содержащийся круглый год на пастбищах.

III — полусоседное хозяйство, сочетающее в себе одновременно орошаемое или богарное земледелие с подвижным (ко-

---

² Орошение — это искусственное управление водой для увлажнения почвы. В странах с сухим климатом без искусственного орошения невозможно выращивать сельскохозяйственные культуры. Искусственное орошение дает положительный результат только в том случае, если количество воды, поступающей на тот или иной участок, соответствует возделываемой культуре и правильно подготовленной почве.

Необходимое количество воды определяется также климатом — количеством влаги в воздухе, силой испарения, временем года, качеством грунта (почвы), уклоном местности и зависит от способа орошения. Большое значение имеют температура и химический состав воды.

Выделяется три типа орошения по характеру подачи в почву воды.

1. Обводнение — почва впитывает влагу через берега канала. В этом случае уровень воды не требуется поднимать выше уровня берега канала.

2. Лиманное орошение — вся орошаемая площадь заливается водой на необходимое для увлажнения почвы время. Для преждевременного стока воды орошаемая площадь огораживается земляными валиками.

Наиболее примитивный тип лиманного орошения характеризуется свободным, нерегулярным затоплением орошаемой площади.

3. Ирригация — при этом виде орошения необходимо, чтобы уровень воды в каналах и арыках (небольшой водоводный канал) был выше уровня орошаемого поля. Вода при помощи системы каналов, арыков и бороздок подается на поля и, переливаясь через края водоводов, орошает почву.

чевым или отгонным) скотоводством или, значительно реже, рыболовством.

Внутри каждого типа выделяются подтипы, в которых можно отметить многочисленные варианты, обусловленные конкретной средой обитания той или иной группы населения. Все виды хозяйственной деятельности населения Средней Азии складывались на протяжении многих столетий, а соотношение между тремя ведущими типами в различные периоды истории было неодинаковым.

Уже в неолитическую эпоху на обширных просторах Средней Азии исследователи выделяют две большие хозяйственно-культурные зоны — зону оседлых земледельческо-скотоводческих племен юго-запада Средней Азии (подгорная полоса современной Туркмении) и зону остальной части страны, где господствовали племена охотников и собирателей.

В начале эпохи бронзы в Средней Азии произошло первое крупное общественное разделение труда и из земледельческо-скотоводческих племен выделились пастушеские племена. К этому же времени относится распространение земледелия по всей стране, и на территории Средней Азии как части более обширной области складывается устойчивое комплексное хозяйство, носителями которого были племена «горно-степной» бронзы. Земледелие и скотоводство в хозяйственной деятельности людей имели одинаковое значение и в зависимости от природных условий той или иной местности преобладало или земледелие, или скотоводство. Население вело довольно оседлый образ жизни, а в оазисах подгорной зоны подвижность населения (имеется в виду хозяйственная деятельность) была минимальной.

Конец эпохи бронзы (рубеж II и I тыс. до н. э.) знаменуется усилением в степной зоне скотоводческой доли в хозяйстве и одновременно увеличением подвижности населения. Эти тенденции привели к складыванию в начале I тыс. до н. э. на территории Средней Азии хозяйственного типа кочевых скотоводов.

К несколько более раннему времени относится обособление (в наиболее благоприятных для орошаемого земледелия регионах) земледелия от «классического» комплексного хозяйства, и земледелие к I-ой пол. I тыс. до н. э. достигло очень высокого уровня. С этого времени, вероятно, можно говорить о той хозяйственно-культурной классификации, которой придерживаются историки Средней Азии, характеризуя период XIX — начала XX в.

Первые письменные источники, в которых в той или иной мере освещены политические события, происходящие в державе Ахеменидов, и более поздние — греческие, в которых упоминается о народах Средней Азии, постоянно отмечают важность взаимного «противостояния» оседлых земледельцев

и кочевников-скотоводов. Иными словами, взаимодействие групп населения, ведущих оседлое земледельческое хозяйство, с одной стороны, и кочевническое скотоводческое — с другой, являлось на протяжении многих столетий истории Средней Азии основой не только хозяйственной, но и всей социальной жизни населения.

Земледелие

В настоящее время большинство исследователей выделяют в Средней Азии три типа земледелия.

1. Орошаемое земледелие.
2. Горное земледелие.
3. Богарное земледелие.

Орошаемое земледелие

В VI тыс. до н. э. в Средней Азии сложилась одна из древнейших земледельческих культур, известная под названием джейтунская. В подгорной полосе Копетдага люди использовали для увлажнения полей воду небольших ручьев, стекающих с гор. Орошение этих небольших участков земли было одноактным, т. е. во время паводка в дельте ручья обводнялся небольшой участок земли, на котором первые земледельцы высаживали зерна. Первые земледельцы целиком зависели от капризов ручья или какого-то другого водного русла и меняли свои поля в зависимости от направления потока воды. Собственно орошения, в полном смысле этого слова, еще не было, как не было и оросительной системы. Они появились значительно позднее. Вид земледелия, применяемый первыми земледельцами (культура Анау) подгорной полосы Копетдага, получил в науке название «лиманный». Основными выращиваемыми культурами были ячмень и пшеница.

С ростом населения земледельцы осваивали новые территории и проникали далеко на восток — в дельту Теджена, где создали в IV — начале III тыс. до н. э. Геоксюрский оазис. Здесь для использования воды сравнительно крупной реки нужны были новые приемы земледелия. Геоксюрцы научились делать каналы — подводить воду к полям. Длина этих древнейших, обнаруженных археологами, искусственных русел достигала 3 км. Это был принципиально новый шаг в развитии земледелия. Земледелец уже не ходил с семенами растений за водой, а подгонял воду к тем местам, где ему было наиболее удобно заниматься хлебопашеством. Это дало возможность значительно расширить и сами засеваемые участки земли.

Большая «оседлость» полей потребовала, в свою очередь, выработки новых навыков в сохранении плодородия почвы,

так как на значительное время посе́вы оставались на одном месте, а строительство новых каналов требовало больших затрат человеческого труда.

К III—II тыс. до н. э. земледелие, как отмечалось, распространилось по всей Средней Азии (имеются в виду те районы, где оно было тогда возможно). При вспашке полей стала использоваться тягловая сила домашних животных. Осваивается дельта такой крупной реки, как Зеравшан. Земледельческие культуры середины II тыс. до н. э. открыты археологами в Хорезме, а к концу II — началу I тыс. до н. э. земледельцы осваивают жемчужину Средней Азии — Ферганскую долину, используя для орошения полей воду небольших горных речек.

В то же время бурное развитие земледельческих общин в Южной и Юго-Западной Туркмении сменяется в начале III тыс. до н. э. резким упадком хозяйственной деятельности и сокращением численности населения, о чем неопровержимо свидетельствуют археологические материалы. Причины этого явления еще недостаточно ясны.

В I тыс. до н. э. земледелие из среднеазиатской колыбели перемещается на север (Хорезм), восток (Мургабский оазис) и запад (Мешедмиссарианская равнина). Подгорной полосе Копетдага отводится второстепенное место.

Начало первого тысячелетия (IX—VII вв. до н. э.) знаменуется сооружением больших каналов в дельте Мургаба, а несколько позднее здесь же сооружается и водохранилище с запасом воды для полива полей в сухое время года. В юго-западной части Средней Азии, в Прикаспийской низменности, на базе воды р. Атрека создается Мешедмиссарианский оазис, воду на поля которого подают каналы протяженностью до 60 км.

Особенно бурно развивается орошаемое земледелие в Средней Азии во второй половине I тыс. до н. э. В цветущие оазисы превращается Фергана и долина Зеравшана. Значительно меньше других археологами исследованы восточные районы Южного Казахстана, что не исключает открытия и здесь довольно ранних земледельческих культур.

На вторую половину I тыс. до н. э. приходится период орошения наибольших площадей в Хорезмском оазисе, которые орошались водой из древнего русла Сырдарьи — Жаныдарьи и в меньшей степени водами Амударьи.

Использование земледельцами Средней Азии железных орудий позволило значительно увеличить производительность земледельческого труда, что создало возможность сооружения ирригационных систем — комплексов, состоящих из магистральных каналов, по которым вода подводится к полям, и более мелких каналов и арыков, по которым вода подается на поля. Оросительные системы, сложившиеся во второй поло-

вине I тыс. до н. э., сохранились и часто служили земледельцам в последующие периоды. Вместе с оросительной системой складывалась и вся система земледелия, явившаяся основой всей хозяйственной жизни оседлого населения Средней Азии.

Кардинальные изменения в способе ведения земледельческого хозяйства привели к очень заметному увеличению прибавочного продукта, что, в свою очередь, создало наряду с другими факторами условия для перехода от раннегосударственных образований эпохи бронзы (наиболее четко они зафиксированы археологами в III тыс. до н. э. в подгорной полосе Копетдага) к государствам античного времени — Греко-Бактрии, Парфии, Хорезму и Кушанской империи.

Дорогой ценой платили земледельцы за хлеб. Сооружение крупных оросительных систем требовало колоссальных затрат ручного труда *больших организованных коллективов людей*. Этим организатором ирригационных работ в Средней Азии стала централизованная власть «восточных деспотий». При мощной централизованной власти независимо от типа формации оросительные системы совершенствовались и процветали оазисы, и, наоборот, плохое состояние ирригации — свидетельство слабости центральной государственной власти. В условиях Средней Азии развитая ирригационная система не могла существовать независимо от политической власти. По этому поводу К. Маркс писал: «Климатические условия... сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия... Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ. Такая система искусственного повышения плодородия почвы, зависевшая от центрального правительства и немедленно приходившая в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно возделанными...»³.

Но не только сооружение оросительной системы требовало большого труда. За небольшим исключением, оросительные системы быстро заиливались, и поддержание их в порядке (очистка и ремонт головных сооружений, каналов и арыков) требовало организованных усилий коллективов людей. На больших каналах и арыках это было заботой центральной власти. Более мелкие водные артерии, имеющие локальное значение, сооружались и содержались в порядке силами мест-

---

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 132.

ных общин. Центральная власть, как правило, мало заботилась об оросительной системе конкретного сельского поселения.

Для ранних этапов становления орошаемого земледелия — от зарождения до античного времени — были характерны не только выработка основных навыков сооружения оросительных систем, но и развитие земледелия вширь. Сама техника строительства, насколько позволяет судить фактический материал, оставалась прежней.

Иначе обстоит дело в средние века. Вероятно, к середине I тыс. н. э. население Средней Азии освоило подавляющее большинство годных для земледелия территорий (имеются в виду земли, орошение которых было возможным при тогдашнем уровне развития производительных сил), и развитие зем-

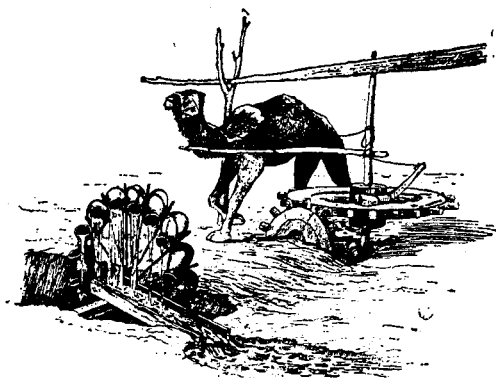

Рис. 5. Чигирь

леделия пошло уже не «вширь», как в античную эпоху, а «вглубь», т. е. больше стала совершенствоваться техника сооружения ирригационных систем. Совершеннее стали головные устройства магистральных каналов, выводящих воду из рек, широко используется чигирь — приспособление для поднятия воды из канала на поля, расположенные выше уровня тока воды. Чигири приводились в движение при помощи рабочего домашнего скота — верблюдов, быков, лошадей и ослов.

Сооружение каналов стало более рациональным и совершенным. Примером может служить канал, проведенный в Вахшской долине (Южный Таджикистан), который и в наши дни поражает своей грандиозностью и совершенством прокладки трассы. Средневековые источники содержат упоминание и о строительстве дренажных систем, которые значительно уве-

личили плодородные почвы⁴. Разнообразнее стал набор возделываемых сельскохозяйственных культур, их сорта.

Совершенствование системы орошаемого земледелия наряду с другими последствиями (о которых речь пойдет ниже) повлекло за собой во многих крупных оазисах сокращение орошаемых площадей, что, однако, не вызвало уменьшение получаемой продукции, но снизило затраты труда на поддержание в порядке оросительной системы. Например, в Хорезмском оазисе орошаемые площади сократились к XII в. почти в два раза по сравнению с концом I тыс. до н. э., но в то же время там значительно увеличилась численность и плотность населения. Хорезм вышел на первое место как политическая сила в Средней Азии.

К началу II тыс. н. э. орошаемое земледелие достигло своего наивысшего расцвета, конец которому положила величайшая трагедия — монгольское завоевание. С XIII в. и вплоть до социалистической индустриализации сельского хозяйства Среднеазиатских республик орошаемое земледелие не могло достичь уровня XII в.

Много оазисов (например, упоминавшийся Миссарианский) заглохло, так и не оправившись от разорения, а в остальных к XIX — началу XX в. оросительная система была восстановлена лишь частично.

Наметившаяся к третьей четверти XIX в. активизация ирригационного строительства в Хивинском и Кокандском ханствах не могла полностью обеспечить водой все пригодные земли и была в значительной мере остановлена политическими событиями, проходившими в это время в Средней Азии.

Ирригационные системы к концу XVIII — началу XX в. на территории Средней Азии были далеко не одинаковыми. Наиболее мощные, использующие воду крупных рек, были в Хорезмском оазисе, в Ташкентском, вдоль среднего течения Зеравшана и в Ферганской долине. Мощность (имеется в виду количество орошаемой земли) и надежность оросительной системы определялись не только географическими условиями. Большое значение имели трудовые навыки населения, время сооружения системы, политическая ситуация и т. п.

По орошаемой площади и совершенству сооружений, источникам воды оросительные системы Средней Азии, с известной долей условности, можно объединить в несколько групп.

---

⁴ Дренажная система — это канал, или комплекс каналов, куда стекает «отработанная» во время полива вода. Как правило, дренажные каналы выводят использованную воду в реку. Если условия не позволяют спустить воду в реку, то ее выводят на неосвоенные участки земли, которые часто заболачиваются и засаливаются. От совершенства дренажной системы зависит степень засоленности полей, влияющая на урожайность сельскохозяйственных культур. Чем совершеннее дренажная система, тем лучше качество поля.

I. Древние оросительные системы, использующие воду больших водных артерий. Как правило, при прочих благоприятных обстоятельствах такие системы функционируют даже при частичном изменении русла реки и прекращают свое существование (как это было в правобережном Хорезме после прекращения тока по Жанадарье) с исчезновением источника воды. Примером этой группы ирригационных систем может служить оросительная сеть, сооруженная в окрестностях Самарканда. В литературе ее часто называют Даргомской (по имени главного канала Даргом, который является ее стержнем).

Уже в X—XII вв., как свидетельствуют письменные источники, вода забиралась из Зеравшана при помощи головной плотины, расположенной в местности Варгсар, и поступала в Даргом, который делился на 4 протока. Каждый из этих протоков представлял собой магистральный канал длиной в несколько километров. Например, один из них — Чакардиза был протяженностью 17 240 газдов (около 11 км) и на нем было устроено 59 плотин. В общем же оросительная система Самарканда X—XII вв. и его окрестностей состояла из 8 больших каналов, на которых было сооружено 680 плотин.

В XVIII—XIX вв. оросительная система Даргома продолжала функционировать. За тысячу лет она мало изменилась. Головная плотина сооружалась на том же месте, что и в средние века (сейчас там сооружен Первомайский гидроузел), и представляла собой барьер длиной от 5 до 7 км, который складывали из бревен, камней, хвороста и дерна. При громадных затратах, уходивших на ее устройство, плотина часто полностью разрушалась водами Зеравшана. Бывали годы, когда вода разрушала плотину несколько раз за сезон. Мало что изменилось и к началу XX в.

На восстановлении плотины только в 1914 г. трудилось 10 дней почти полторы тысячи рабочих и было истрачено 53 837 снопов хвороста и 13 837 снопов соломы. Кроме авральных работ земледельцы, чьи поля орошались водой из Даргома, ежегодно должны были выставлять для ремонта плотины на 15 дней более 850 рабочих. Из Даргома в начале XX в. выходили 112 отводов, на которых было устроено много водонапорных сооружений, вододелителей и водосборов.

Крупные оросительные системы в других районах Средней Азии сооружались по такому же принципу. Различия были в строительных (технических) приемах, определявшихся наличием тех или иных видов строительного материала. Важная особенность таких систем состояла в том, что земледельцы умели брать воду из русла большой реки. Как правило, в возможной зоне действия таких крупных систем свободной, необработанной земли было (при стабильной политической обстановке) мало, и плотность населения была очень высокой. Одно-

временно большое количество людей было обязательным условием нормального функционирования крупной ирригационной сети. Небольшие коллективы людей не смогли бы поддерживать ее в порядке. Крупные оросительные системы «привязывали» людей к сельскому хозяйству, к деревне, не создавая излишка в людской силе, и в то же время, как увидим ниже, далеко не всегда в условиях классового антагонистического общества обеспечивали всех необходимым продуктом.

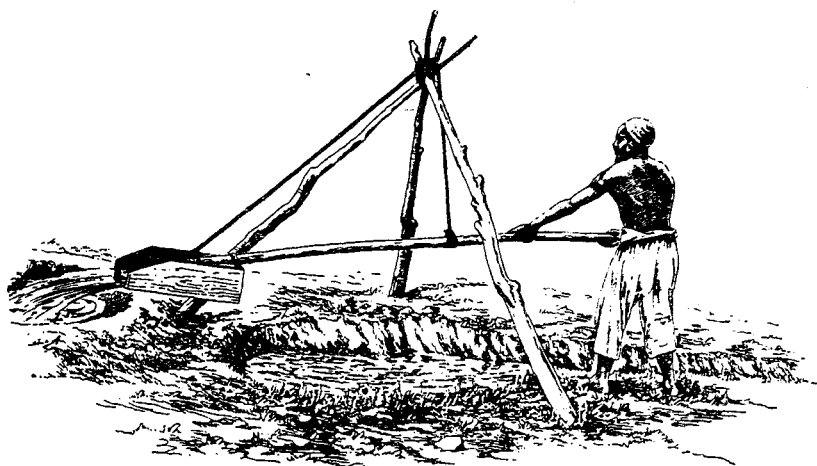

Рис. 6. Старинное каракалпакское водоподъемное сооружение «кол-серп»

II. Другая группа ирригационных систем, широко распространенная в Средней Азии, основывается на сравнительно небольших реках. Примером может служить сеть оросительных каналов, сооруженных в дельте р. Теджена. В низовье река была перегорожена плотиной Карры-бент, которая поднимала уровень воды в реке. По обеим сторонам русла, от плотины для удержания паводковых вод и спасения посевов делались земляные дамбы и водоотводные каналы, по которым сбрасывались излишки воды.

Из водохранилища, образованного плотиной, вода через несложные водорегулирующие устройства поступала в пять каналов. В конце каждого канала сооружалась небольшая плотина, поднимающая уровень воды в канале, что позволяло воду самотеком подводить по большим арыкам к полям.

Такого типа оросительные системы широко применялись и в подгорных районах Ферганы, юга Таджикистана и восточных районах Узбекистана. Они требовали значительно меньших, по сравнению с первым видом, затрат труда, но и ороша-

ли значительно меньшие земельные площади. Воды на орошение всех пригодных (в округе) для земледелия участков, как правило, не хватало, что и явилось главной причиной широко распространенной переложной системы обработки полей.

Наличие свободных земельных участков непосредственно вблизи поселений создало условия для содержания значительного количества скота, и животноводство в таких районах было более развито по сравнению с районами, где орошались большие массивы земли и где не было свободных от посевов участков. В большинстве оазисы, основанные на небольших реках, представляли собой узкие полоски земли, протянувшиеся вдоль магистральных каналов и больших арыков.

III. Особую группу составляют ирригационные системы, сооружаемые «недавно» осевшими на землю кочевниками-скотоводами. В крупных оазисах они обычно селились по краям освоенной зоны в концах арыков, на наименее удобных землях. В этих случаях они по своим возможностям удлиняли каналы и арыки, включаясь в существующую ирригационную сеть.

Совершенно иначе выглядела оросительная система осевших скотоводов тогда, когда им приходилось осваивать новые, не всегда удобные (не следует путать с непригодными) земли. Очень показателен в этом плане пример оросительной системы, сооруженной туркменами, осевшими по берегам среднего течения Амударьи.

Жители выводили воду на поля из боковых протоков Амударьи и очень редко из самой реки. Головных заборных сооружений не было, а если они и делались, то на очень низком техническом уровне. Профилировка каналов была несовершенной, они быстро запливались, и ток воды прекращался. Требовались большие усилия для очистки оросительной системы. Приспособлений, регулирующих уровень воды в каналах, в таких системах не было. С изменением уровня воды и русла протока каналы, на рытье которых было затрачено много труда, забрасывались, и земледельцы вынуждены были проводить новые каналы и арыки. В таких условиях роль скотоводства неизмеримо возрастала, так как земледелие не всегда обеспечивало необходимыми средствами существования.

Очень примитивное земледелие, основанное на лиманном орошении паводковыми, реже — ключевыми водами, практиковалось скотоводческими группами в различных районах Средней Азии. Оно мало чем отличалось от первобытного лиманного земледелия. Земля увлажнялась один раз в год — перед посевом. Никакого другого ухода за посевами не было, и, как следствие, урожаи были непостоянны.

Помимо воды рек, ручьев и родников население Средней Азии издавна научилось использовать для орошения полей, расположенных в подгорных зонах, подземные воды, выводя

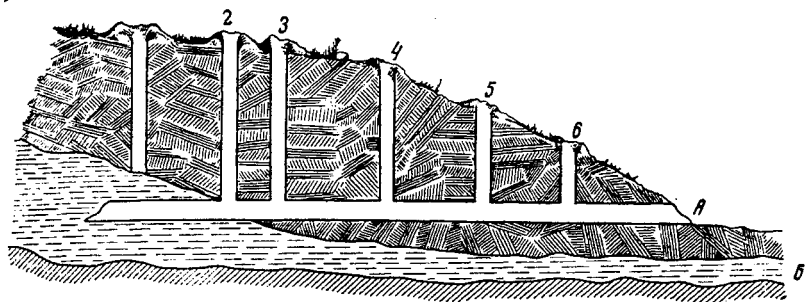

Рис. 7. Схема кяриза

их на поверхность при помощи системы глубоких колодцев и подземных галерей — кяризов. Кяризы порой были единственными источниками влаги. Крупных оросительных систем на базе кяризных вод сложиться не могло по причине небольшого количества воды, даваемого одним кяризом. Тем не менее при наличии большого числа кяризов орошались значительные площади в Ахальском оазисе, в северных предгорьях Туркестанского хребта, у подножия Нуратинских гор и в других, сходных по природным условиям местах.

Высокогорное земледелие

Второй тип земледелия, распространенный в Средней Азии, в специальной литературе получил название «горно-ручейковый», или «высокогорный». До 60-х годов этот тип земледелия называли еще просто «горное земледелие», что вносило много путаницы в описание и анализ хозяйственной деятельности жителей гор. В понятие «горное земледелие» должны включаться все виды земледелия, известные в горах, т. е. и земледелие в больших горных долинах, где оно мало чем отличается от равнинного, и богарное (о нем см. ниже), и собственно «горное», т. е. высокогорное, земледелие.

Вопрос о происхождении высокогорного земледелия до сих пор остается открытым. Одни исследователи считают, что оно имеет очень большую древность и развивалось самостоятельно чуть ли не с эпохи бронзы. Другая группа ученых полагает, что этот вид земледельческого хозяйства был привнесен в горы с равнины и здесь приобрел специфические черты.

Высокогорное земледелие — орошаемое. Его отличие от равнинного, ирригационного, заключается в первую очередь в меньших размерах ирригационных сооружений и источников воды. В горах, где воду мало-мальски крупной реки забрать можно только в очень немногих местах, для орошения полей и

садов используют влагу ручьев и родников. Это, в свою очередь, определило и инженерные решения оросительной системы, когда воду приходилось подводить к полям по скалистым обрывам, сооружая порой висячие водоводы, делать специальные отстойники и оригинальные водосливы.

Горное земледелие еще в большей мере, чем равнинное, с несовершенной ирригацией связано со скотоводством, так как оно не могло в полной мере удовлетворить потребности населения в продовольствии.

И, наконец, горное земледелие давало мизерный прибавочный продукт из-за ограниченности посевных площадей и отсутствия возможности расширенного воспроизводства. Это в конечном счете определило весь образ жизни горцев и их социально-экономический уклад. При этом следует учитывать, что сооружение оросительных, пусть и не столь грандиозных, как на равнине, систем, требовало большого труда.

Горцы выработали своеобразные приемы планировки полей и очень высокую культуру полива, сокращающую до минимума смыв почвы и разрушение ее структуры. Это достигается при помощи ежегодного проведения дополнительных арыков, устройства водосливов и т. п. Набор и сорта сельскохозяйственных культур очень хорошо приспособлены к высокогорным условиям. При крайне ограниченных земельных площадях жители гор сооружали искусственные поля, которые легко разрушались паводками и обвалами.

Богарное земледелие

Третий тип земледелия, широко применяемый населением Средней Азии, называется богарным. Его генезис еще неясен. Достоверно известно, что богарные посевы были уже в пору развитого средневековья — X—XII вв.

Богарные поля (богара, ляльми) засеваются под дождь, без искусственного орошения. Богарное земледелие в условиях Средней Азии возможно только в предгорных районах и на плоскогорьях, где весной выпадает достаточное для роста растений количество влаги. Набор зерновых культур, высеваемых на богарных полях, очень ограничен. Подавляющее большинство таких площадей засевается яровой пшеницей. Для отдельных районов — области Самарканда, Ходжента (Ленинабад), некоторые горные долины Копетдага, верховья Сурхоба (Кызылсу) — богарные посевы имели очень большое значение и составляли в XIX в. до 1/2 всех посевных площадей, а порой, особенно на горных плато, были единственными посевами зерновых.

Богарное земледелие по сравнению с орошаемым имело очень существенное преимущество — не надо было затрачивать громадные усилия на сооружение и восстановление оро-

сительных систем, разрушенных в период опустошительных войн. Богарное земледелие в условиях Средней Азии не нуждается в организованных усилиях коллектива.

На богаре урожай, помимо естественного плодородия почвы, зависит только от количества влаги, выпавшей в тот или иной год, и от качества обработки почвы, проведенной конкретным, одним землепашцем. При удачном (хорошо увлажненном) сезоне стоимость зерна на богаре по количеству затраченного труда была значительно ниже, чем на равнине при орошаемом земледелии. В то же время богарное земледелие в значительно большей мере зависит от погодных условий. Бывают годы, когда земледелец не собирает даже посеянного количества зерна. Поэтому богарное земледелие практически везде сочеталось со скотоводством различных типов, которое в районах с преобладанием богары занимало в хозяйстве жителей видное, а порой и ведущее место. Этому способствовало и то обстоятельство, что в предгорных районах было много свободной от посевов земли, расположенной неподалеку от жилья, которая использовалась под пастбища. Богарой занимались главным образом состоятельные скотоводческие хозяйства.

* * *

В различных оазисах Средней Азии, несмотря на громадные расстояния, их разделяющие, сложилась в принципе одинаковая система земледелия, т. е. одинаковые методы обработки почвы и выращивания растений, включая полив, внесение удобрений и т. п.

Вся обрабатываемая земля делилась, как уже отмечалось, на богарную и поливную, которая, в свою очередь, подразделялась на полевою (наибольшие площади), садовую и огородную.

До конца XIX в. основными зерновыми культурами, выращиваемыми в Средней Азии, были пшеница и ячмень. В связи с крайним малоземельем приходилось ежегодно сеять одинаковые культуры на одних и тех же полях, что очень сильно истощало почву. Восстановление плодородия проходило за счет наноса водой ила во время поливов, внесения навоза и земли из старых построек, которая богата селитрой. Однако не во всех местах Средней Азии земледелец был заинтересован в улучшении качества почвы, хотя вынужден был это делать ежегодно для получения мало-мальски достаточного количества зерна. Дело в том, что в большей части оазисов Средней Азии (о них будет речь ниже) существовала община с обязательным ежегодным или более редким переделом земельных участков. Земледелец, зная, что на будущий год он получит новый участок, стремил-

ся «выжать» из земли максимум, мало заботясь о плодородии на будущие годы. В крупных оазисах, где воду на поля подвозили издалека и где малоземелье было особенно острым, чаще применяли двупольную систему — одна часть поля отдыхает, находится под паром, а другая засеивается. В местах, как, например, в Тедженском оазисе, где свободной земли было много, в течение нескольких лет зерновые сеяли подряд на одном участке, после чего это поле забрасывали, а воду при помощи нового арыка выводили на неистощенную целину. Через какой-то промежуток времени (обычно 4—5 лет) земледельцы возвращались на старые, «отдохнувшие» поля. Оставленную под паром или целинную (свободную) землю осенью вспахивали минимум два раза — вдоль и поперек поля. В некоторых местах практиковали вспашку до 4—5 раз, постоянно меняя направление борозды. Вспаханная осенью земля лучше набирала за зиму влагу. Практиковался и зимний полив, когда поле на зиму заливалось водой и на нем образовывалась довольно толстая ледяная корка, которая весной, постепенно тая, напитывала почву влагой. Перед посевом поле опять вспахивали на глубину 10—15 см (не больше), засеивали и после появления всходов поливали. Второй полив производился перед наливанием колосьев.

В равнинной части Средней Азии для полива зерновых и вообще полевых культур применялся лиманный способ полива (не следует путать с лиманным способом орошения), когда вода из арыка заливала все поле. Что же касается высокогорного (горно-ручейкового) земледелия, то здесь система полива, как отмечалось, была приспособлена к полям, имеющим значительный уклон. Применялись два способа: валиковый, когда поле или сад невысокими земляными валиками делилось на участки шириной от 50 до 150 см и протяженностью, как правило, 10—20 (иногда и больше) метров. Все зависело от рельефа местности. Вода, заполняя делянки, насыщала почву влагой и одновременно не смывала плодородный слой. Второй способ — струйчато-бороздковый: поле, сад, огород делились узкими бороздками, по которым текла вода, поливая равномерно посевы или деревья.

На обширных пространствах Средней Азии в зависимости от качества почвы, количества воды, характера ирригационной системы и традиции выработались свои приемы полива, отличающиеся теми или иными деталями. В условиях засушливого климата правильный полив был основным условием получения хорошего урожая и сохранением плодородия почвы. Малое количество воды на полях замедляло рост растений и снижало урожай; избыток влаги вызывал засоление почвы, и требовалось много труда для восстановления плодородия — неоднократная промывка верхнего слоя почвы в холодное время года (вода

растворяет соль и уносит ее с поля). Поэтому полив полей проводился всегда под наблюдением самых опытных земледельцев, а количество воды, подаваемое в тот или иной арык, определял специальный человек — мираб. Роль мираба различных рангов была далеко не одинаковой. Главные мирабы, ведавшие «большой водой», практически в поливе не участвовали. Это были крупные чиновники. Зато общинные мирабы были наиболее опытными хранителями земли и воды.

На богарных полях удобрения не применяли. Восстановления плодородия почвы там добивались самым простым путем — оставлением земли под паром.

В высшей степени отрицательно сказалась на земледелии вырубка лесов в Средней Азии. Помимо нарушения водного режима отсутствие леса усилило эрозию почвы, образование в предгорьях оврагов и лишило поля земледельцев единственно постоянного в условиях того времени удобрения — навоза, который в равнинной части (не везде составляют исключение и горы) почти исключительно шел на топливо и на поля попадал в малом количестве.

Поля пахали повсеместно в Средней Азии деревянным орудием с железным или чугунным наконечником — омач, сипор. При вспашке земли омачем верхний слой земли не переворачивали, а только разрыхляли. Поэтому, как отмечалось выше, поле под посев пахали несколько раз. Конструкция пахотного орудия во всех районах принципиально одинаковая, и существуют лишь небольшие различия в устройстве деталей. Эти различия не совпадают с этническими территориями.

В горных районах для вспашки земли на крутых склонах применялся тот же омач, но меньшего размера. В омач запрягали быков, лошадей и на окраинах оазисов, где земледелие сочеталось с полукочевым скотоводством, — верблюдов.

В земледельческих районах равнинной и предгорной зон Средней Азии очень большое значение во всей хозяйственной жизни населения имел кетмень — вид мотыги с широкой рабочей частью и длинной ручкой. Кетменем рыли каналы и арыки, рыхлили почву, он был незаменимым орудием при поливах, строительстве зданий и т. п. работах. Значительно меньше распространен кетмень в районах с каменистой почвой, где его применение не дает столь высокого эффекта.

Широко использовались при земляных работах различные виды лопат. В горах для устройства поливальных бороздок на полях применялись деревянные лопаты, которые не повреждали всходы.

На территории Средней Азии этнографами выделяются несколько вариантов кетменей, лопат, но они, как и в случае с омачем, не имеют принципиальных различий и отражают региональные, а не этнические особенности. Сеяли вручную. После посева боронили землю омачем, повернутым на бок. Ис-

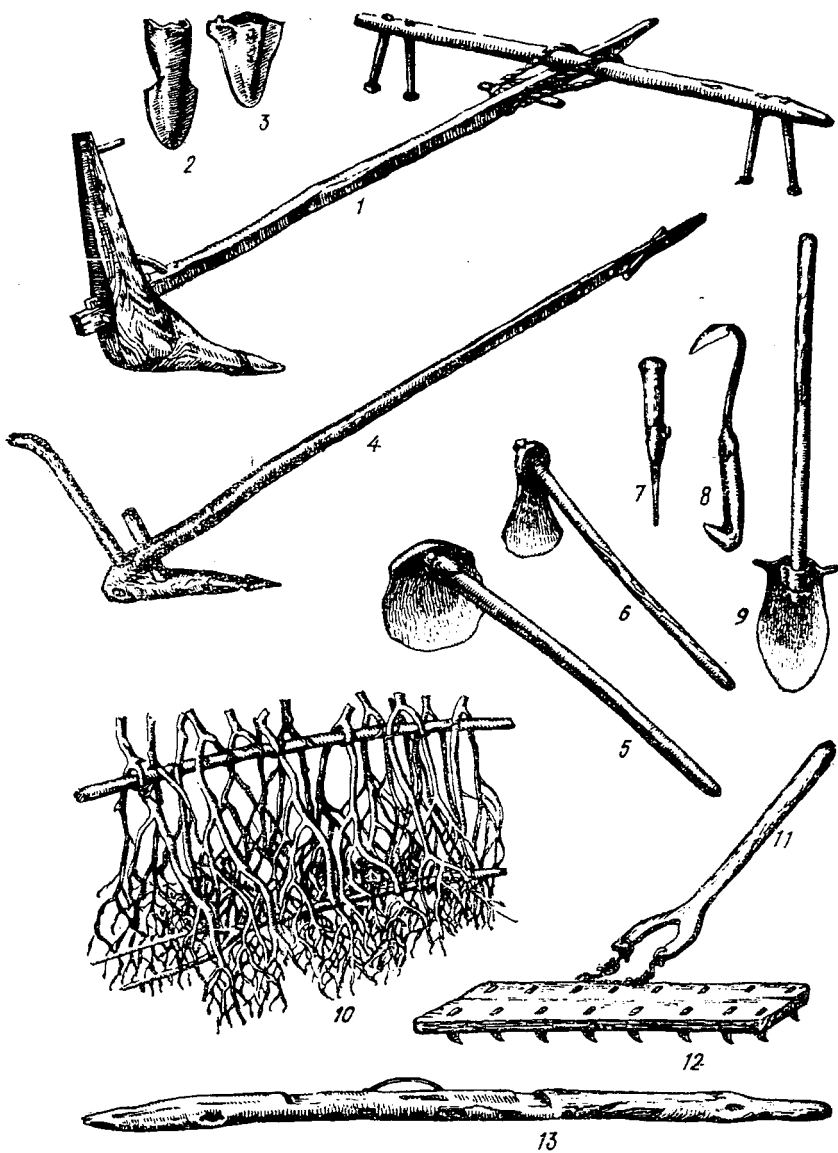
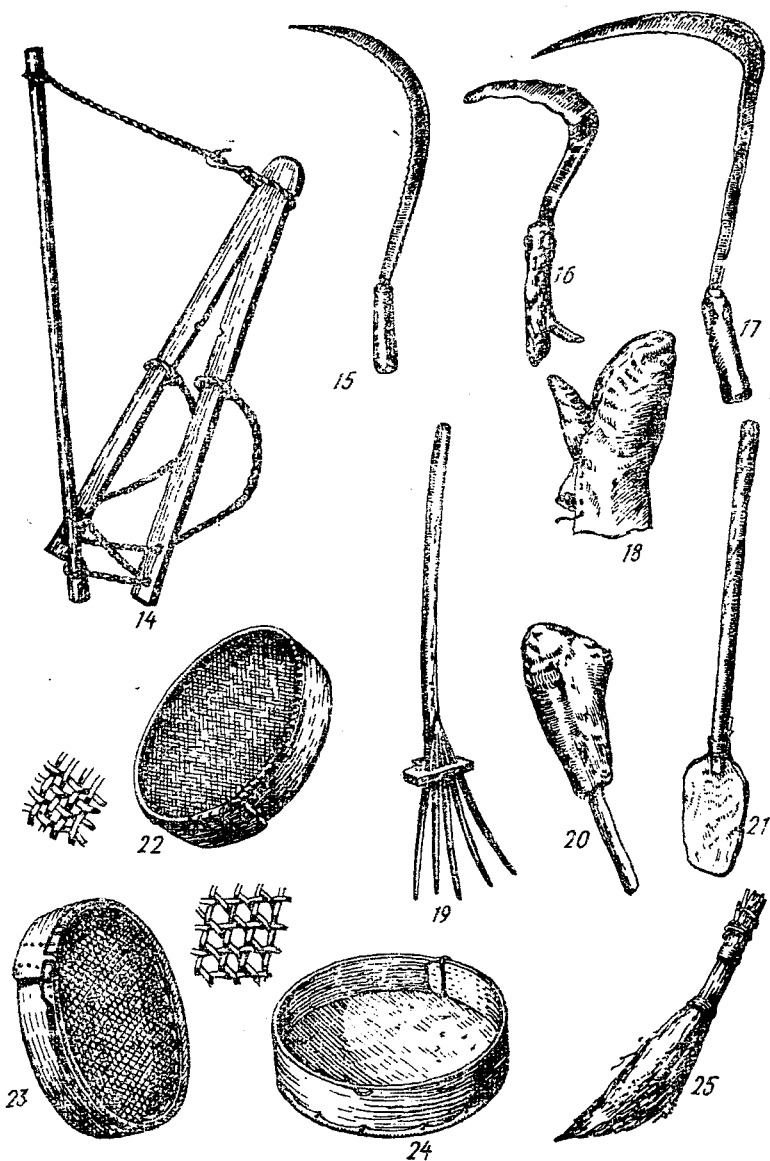

Рис. 8. Сельскохозяйственные орудия народов Средней Азии:
 1, 4 — пахотные орудия («омач» — 1 и «озал» — 4); 2, 3 — лемеха; 5 — кер-
 мень; 6 — мотыга для огородных работ; 7, 8 — инструменты для прополки
 посевов; 9 — лопата; 10, 11, 12, 13 — типы борон; 14 — приспособление для
 переноски снопов на спине; 15, 16, 17 — виды серпов; 18 — рукавица на ле-

вую руку для жатвы серпом; 19 — деревянные вилы; 20 — деревянная колотушка для обмолота зерновых; 21 — деревянная лопата для веяния зерна; 22, 23 — сито; 24 — сосуд для просеивания зерна с дном из кожи; 25 — веник для подметания тока

пользовали бороны двух типов — толстую доску с каменными или железными зубьями и деревянную раму, заплетенную ветками деревьев.

В отдельных районах, например в горном Таджикистане, до 30-х годов нашего столетия сохранялся способ сева, при котором зерно сначала разбрасывали на поле и потом начинали пахоту.

Зерновые жали серпами с гладкими, без зазубрин, лезвиями. Формы серпов различались по областям. Обмолот зерна производился на току, путем прогона лошадей, волов или ослов. Веяли сначала деревянными небольшими вилами, а потом — деревянной лопатой.

Данные археологии и свидетельства письменных источников дают возможность утверждать, что орудия сельского хозяйства населения Средней Азии XIX в. практически не изменились за последнюю тысячу, а возможно, и больше лет. Застойность, рутинность сельскохозяйственных орудий наряду с социальными факторами во многом определили и весь застойный характер среднеазиатского полеводства — ведущей и главной отрасли земледелия.

Урожайность зерновых культур в XVIII—XIX вв. была невысокой. С поливных земель собирали по 90—120 пудов с десятины (14,5—19 ц), а на богарных землях в хорошие годы — всего 30—40 пуд. Большие урожаи давали ячмень (100—140 п.) и сорго (150—180 п.).

Высоко ценился рис, возделывание которого требовало большого труда и большого количества воды. По урожайности рис занимал одно из первых мест, давая с десятины 120—160 п. Выращивали также просо различных видов.

Из технических культур ведущее место занимали масличные растения и хлопок. Производство хлопка, по сравнению с зерновыми культурами, требовало в два раза больше времени и труда. При этом урожаи были низкими, а если учесть особенность среднеазиатского сорта хлопчатника — он в момент созревания не раскрывает коробочек и для извлечения волокна требуются дополнительные усилия, — то станет понятной причина неразвитости хлопководства в Средней Азии до конца XIX в. До присоединения Средней Азии к России под эту культуру были заняты незначительные земельные площади. Выращивали также лен, кунжут и сафлор.

Большое место в среднеазиатском земледелии занимало огородничество и бахчеводство. Еще средневековые источники сообщают о различных сортах овощей, арбузов и дынь. Уже с X в. есть свидетельства о высоком качестве овощей и бахчевых, выращенных в той или иной области. Славилась, например, баклажаны Нисы (Ахальский оазис), дыни Хорезма и т. п.

Важное значение в земледельческом хозяйстве имело садоводство и виноградарство. О выращивании плодовых деревьев в Средней Азии мы имеем свидетельства эпохи бронзы.

Предки современных народов Средней Азии проделали громадную селекционную работу, создав разнообразные сорта плодовых деревьев, хорошо приспособленных к местным условиям. Великолепны сорта урюка, персиков, яблок, груш и т. п. Путешественники, посетившие Среднюю Азию в различные исторические периоды и оставившие нам свои записи, единодушно отмечают отлично налаженное садовое хозяйство и хорошее качество фруктов, которые занимали очень заметное место в пищевом рационе (особенно сушеные) земледельцев. О высокой культуре садоводства свидетельствуют специальные приемы полива садов, посев между деревьями люцерны, которая сохраняет влагу в почве, подвивка растений и т. п.

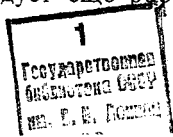
Особо следует отметить значение садоводства в горах Средней Азии. Выше уже отмечалось, что в горных местностях было мало удобной для выращивания зерновых земли. Горцы на крутых склонах высаживали фруктовые деревья. В некоторых районах Памира сушеные фрукты и ягоды тутовника были едва ли не главной пищей, так как хлеба хватало лишь на несколько месяцев. Существенным подспорьем для жителей гор было собирательство диких плодов и особенно орехов.

Не меньшее развитие получило виноградарство, первые свидетельства (добытые археологами) о котором также восходят к эпохе бронзы. Еще большее место виноградарство в хозяйстве жителей Средней Азии занимало в античное время. Местные виноградари вывели очень много сортов этой чудесной ягоды, хорошо приспособленные и учитывающие локальные особенности климата и почв каждой области. В каждом крупном оазисе существуют свои, особые, столовые и изюмные сорта. Винные сорта винограда в Средней Азии выращивались до установления Советской власти в очень небольшом количестве. Но так было не всегда. До распространения и укрепления ислама виноделие было высокоразвитой отраслью сельского хозяйства.

В большой зависимости от садоводства, в частности и от земледелия вообще, находилось широко распространенное в оазисах Средней Азии шелководство. Для выкармливания шелковичного червя необходимы листья тутовых деревьев, которые, как правило, высаживались вдоль арыков и в отдельных местах занимали значительные площади орошаемой земли.

* *
*

Оценивая в целом характер среднеазиатского земледелия, следует еще раз подчеркнуть очень важное обстоятельство,

отличающее среднеазиатское земледелие от земледелия умеренного пояса, например земледелия Восточной и Центральной Европы. Если в европейских странах для земледельческого хозяйства главную ценность представляла земля как основное условие для земледелия, то в Средней Азии и аналогичных по климатическим условиям регионах этого недостаточно. В условиях аридной зоны необходим помимо земли второй компонент — вода, и не просто вода, а еще и возможность (в зависимости от технического потенциала общества) использовать ее для орошения. В этом случае ценность приобретает только та земля, которая пригодна для орошения. Такой земли в большинстве районов Средней Азии было немало, но возможность использовать эту землю могла быть реализована только при наличии «орошаемой» (полезной) воды, какой, как об этом свидетельствует многовековая история Средней Азии, хватало далеко не всегда и не во всех районах. Поэтому в первую очередь в земледельческих районах ценилась вода, которая могла орошать землю, а не абстрактные понятия «земля» (ее было в избытке) и «вода».

В этой же связи следует отметить и другой важный момент — незаметную на первый взгляд, но реально существующую большую зависимость орошаемого, а не только богарного земледелия от конкретных погодных условий. Водный режим — количество воды в реках в тот или иной период года — целиком зависит от количества снега и дождя, выпавших зимой и весной в горах, и от летних температур, вызывающих таяние ледников и снежного покрова. Быстрое таяние ледников и снега вызывали бурные паводки, разрушавшие ирригационные сооружения, а малоснежье и прохладное лето резко снижали уровень воды в реках. И то и другое вело к нехватке воды в оросительной системе и часто к катастрофическому сокращению урожая. Орошаемое земледелие к эпохе позднего средневековья уже полностью исчерпало свои возможности развития (как это было и в античную эпоху, когда оно развивалось «вширь»), которые оно имело в условиях среднеазиатского средневекового общества, и из интенсивного хозяйства, каким оно было до эпохи развитого средневековья включительно, превратилось в застойное, рутинное, с примитивными орудиями труда и архаической системой земледелия. При чрезвычайно высоких затратах труда оно давало очень низкий прибавочный продукт. Для того чтобы оно поднялось на следующую, более высокую ступень, необходима была смена всего социально-экономического уклада среднеазиатского общества. После присоединения Средней Азии к Российской империи часть ее районов была взята в общую систему российского капитализма, что повлекло к резкому изменению всего направления земледелия. Хлопок стал занимать первое место, вытесняя зерновые культуры, увеличивая тем самым и без того

большой дефицит пищевых продуктов у беднейших слоев населения.

Сокращение посевов зерновых практически не компенсировалось привозным хлебом. Мало что было сделано царской администрацией и для улучшения ирригационных систем. В то же время присоединение Средней Азии к России способствовало совершенствованию сельскохозяйственных орудий. Появились металлические плуги, бороны, косилки, сеялки, молотилки и другой сельскохозяйственный инвентарь фабричного производства. Однако приобретение этого инвентаря было доступно очень незначительному числу зажиточных крестьянских хозяйств. Основная масса населения продолжала вести земледелие по-старому. Положение усугублялось тем обстоятельством, что большое число крестьянских хозяйств вообще не имело сельскохозяйственных орудий — ни традиционных, ни тем более фабричного производства.

Скотоводство

В отличие от земледельческого хозяйства, история развития и становления скотоводства на территории Средней Азии изучена несколько меньше. В этом в первую очередь «повинны» сами скотоводы, которые оставили сравнительно небольшое количество археологических памятников, отражающих хозяйственную деятельность. Что же касается письменных источников, то они освещают в лучшем случае, лишь политическую историю и очень мало сообщают о хозяйственной деятельности скотоводческих народов. Большинство сведений относятся к сравнительно позднему времени и неравномерно освещают различные области Средней Азии. По отдельным регионам письменные источники вообще отсутствуют.

Следствием слабой освещенности письменными источниками истории скотоводческих народов и недостаточной изученности археологических памятников (в подавляющем большинстве это могильники) явились многочисленные концепции (часто исключаящие друг друга), интерпретирующие различные стороны функционирования скотоводческих обществ. В то же время проблема кочевничества для Средней Азии имеет первостепенную важность. Как свидетельствуют новейшие археологические исследования, здесь, одновременно с Передней Азией, проходило одомашнивание животных и очень рано сложилось кочевничество как вид хозяйственной деятельности больших коллективов людей.

Только в самое последнее время появились комплексные исследования, основанные на широком круге источников, помогающие понять историческое значение скотоводческих народов в общей системе хозяйственной деятельности людей вообще и населения Средней Азии в частности.

В настоящее время этнографы выделяют у народов Средней Азии три исторически сложившихся типа скотоводческого хозяйства: 1) кочевничество, 2) отгонное скотоводство и 3) стойловое скотоводство.

Кочевничество

Под кочевничеством понимается такой вид скотоводческого хозяйства, когда основу существования какого-либо народа или части народа составляет экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевков. В кочевническом хозяйстве народов Средней Азии выделяются два вида:

- 1) кочевое хозяйство и
- 2) полукочевое.

Основанием для такого разграничения служит степень занятия земледелием. В полукочевом хозяйстве роль земледелия весьма заметна, в то время как кочевники земледелием почти не занимались, а если и были у них посевы, то очень небольшие и техника выращивания растений мало отличалась от первобытной.

Кочевое хозяйство. Начиная с XVIII в. (по более ранним периодам нет сведений) в Средней Азии можно выделить три способа кочевания: «меридиональный», «вертикальный» и «стационарный». В настоящее время еще нельзя сказать, какой из них наиболее древний. Наряду с социальными факторами громадное, а часто и решающее значение имеет среда обитания, т. е. географические условия, в которых находится та или иная группа населения.

Способ кочевания — это не что иное, как система сезонного использования пастбищ в зависимости от природных условий и политической ситуации, сложившихся на той или иной территории.

Меридиональное кочевание. Это способ перекочевков наиболее широко применялся в центральной и северных степных частях современного Казахстана и на юго-западе Туркмении. Достоверные сведения о нем, применительно к Средней Азии, мы имеем только с XVIII в. Суть его состоит в следующем. Зимние кочевья скотоводов располагались в возможно самых южных районах той области, где они обитали. С наступлением весны и появлением молодой травы скотоводы начинали продвижение на север вслед за теплой погодой и новой травой. Так они продвигались на север до летних пастбищ, где в течение всего лета находился скот. Но и на летних пастбищах скот не находился подчас постоянно. По мере истощения запасов травы его перегоняли на новые пастбища, и скотоводы меняли места стойбищ. Так, например, некоторые группы казахов, зимовавших в Центральном Казахстане, перегоняли на лето

свои стада на север, в лесостепные районы, на расстояния, превышающие 800 и более километров.

На летних пастбищах кочевья скотоводов располагались на значительном расстоянии друг от друга, так как необходим большой пастбищный простор. Скот набирает летом в весе, жиреет. С приближением осени начиналось движение к зимовкам, где скотоводы собираются в более или менее крупные стойбища, неподалеку от которых пасется их скот. При меридиональном кочевании кормов на зиму запасали очень немного. Вероятно, только под влиянием русских переселенцев в конце XIX в. кочевники стали заготавливать в Казахстане небольшое количество сена для подкорма животных в зимние месяцы.

Маршруты передвижения скотоводов регулировались в первую очередь расположением водных источников (колодцев, рек, озер и т. п.), используемых для водопоя скота во время перекочевок. Известны случаи, когда традиционные маршруты менялись из-за изменения водного режима в том или ином районе.

Для меридионального кочевания, как правило, необходимы два обстоятельства: стабильная политическая обстановка на обширной территории, которая позволяет скотоводам безбоязненно передвигаться на большие расстояния, и наличие в хозяйствах большого количества скота. С маленькими стадами такой способ кочевания теряет смысл, так как для небольшого стада корма хватает и на ограниченной территории. Меридиональное кочевание требует и особого вида домашних животных в стаде, полностью исключая крупный рогатый скот, который не приспособлен к длительным перекочевкам, и, наоборот, обязательно большое количество вьючных, транспортных животных — верблюдов и лошадей.

Вертикальное кочевание. Этот способ кочевания применяется скотоводами в горных местностях. Наиболее ярко он выражен в Киргизии и на Алтае — в северо-восточной части Казахстана.

Зиму скотоводы проводили в горных долинах, где люди и скот защищены от холодных ветров и где находились, в зависимости от достатка хозяйств, загоны для зимнего содержания скота. Богатые скотоводы строили большие каменные или глинобитные загоны, а бедняки часто довольствовались естественными укрытиями, которые могли защитить небольшое количество скота от непогоды.

Скот пастся на пастбищах около зимовки и на ночь подгонялся вплотную к жилищу. С конца XIX в. у скотоводов, применявших вертикальный способ кочевания, зафиксированы наряду с переносными жилищами и стационарные постройки на зимниках.

С наступлением весны скот выгоняют на весенние пастбища — на южные склоны гор, где снег тает быстрее и появляется молодая трава. Так постепенно скотоводы поднимались вверх, в горы. Лето скотоводы проводили со стадами высоко в горах на альпийских лугах. С приближением зимы скот перегоняли вниз, на осенние пастбища, которые часто совпадали с весенними и на которых за лето восстанавливался травяной покров. К зиме возвращались на зимовье.

Как и при меридиональном, так и при вертикальном способах кочевания особой заботой скотоводов были зимние пастбища, на которых скот проводил самые тяжелые месяцы. Их тщательно охраняли от потравы в другое время года.

При вертикальном кочевании протяженность перекочевков была не столь велика, как при меридиональном. Это обстоятельство отразилось на составе стад. В них меньше верблюдов и много крупного рогатого скота (коров, в Киргизии яков), отсутствующего в стадах скотоводов, применяющих меридиональный способ кочевания.

Пути перекочевков в горных районах целиком определялись природными условиями — естественными проходами в горах — и в значительно меньшей мере зависели от водных источников для водопоя скота, так как воды в горах значительно больше, нежели в степях.

Много сил при кочевании в степных и пустынных районах отнимало у скотоводов сооружение колодцев. При вертикальном кочевании, когда естественных водных источников было достаточно, большой труд вкладывался в улучшение естественных дорог и строительство мостов через горные реки, так как часто перегон стад вброд был невозможен.

При вертикальном кочевании стада находились в движении значительно меньше времени, чем при меридиональном.

Стационарное кочевание. Этот вид кочевания больше всего был распространен в западных и центральных районах Средней Азии — на территории Туркмении, на полуострове Мангышлак и в южных районах Узбекистана, т. е. в наиболее засушливой ее части. От предыдущих способов кочевания его отличает прежде всего меньшая подвижность скотоводов. Расстояние между сезонными пастбищами в этом случае сравнительно небольшое и редко превышает 50—60 км.

При стационарном кочевании зиму скотоводы проводили в песках или горных долинах, где снежный покров практически отсутствует. Там было достаточно корма для скота, много дров для топлива и можно было укрыть между барханами или в лощинах скот от холодных ветров. С наступлением весны скот перегоняли на весенние пастбища. С высыханием травы и водоемов, оставшихся после таяния снега и весенних дождей, скотоводы перекочевывали на летние пастбища, где проводили лето и большую часть осени.

В условиях жаркого и сухого климата летние пастбища, обеспеченные водными источниками, являлись при этом способом кочевания наиболее ценными. И вот почему. Если при меридиональном и вертикальном кочеваниях ценность представляла сама земля, так как в силу географических условий пастбища достаточно обводнены и много естественных источников воды, то в засушливом климате пустынь, полупустынь и очень сухих степей, где плотность скотоводческого населения чрезвычайно низкая, сама земля для кочевника-скотовода ценности не представляла. Ее было много. Ценность представляли только обводненные пастбища, а обводнение их возможно только при помощи колодцев или каких-либо других (например, кяризов) искусственных водных источников, которые можно использовать для водопоя скота. Сооружение таких водных источников требовало большого количества квалифицированного труда.

Скотоводы, применявшие стационарный метод кочевания, летом собирались на пастбищах около колодцев, где на это время создавались сравнительно многочисленные кочевья. Скот в непосредственной близости от колодцев, как правило, не пасли, а отгоняли на небольшие расстояния, не превышавшие одного дня пути стада с тем расчетом, чтобы его можно было не реже чем 1 раз в 2—3 дня, а в особо жаркое лето и чаще пригонять на водопой к колодцу.

Осенние пастбища при стационарном кочевании были только у некоторых групп скотоводов. В большинстве случаев (по материалам конца XIX в.) осенью стада паслись на летних пастбищах и с приближением холодов откочевывали на зимники. Большие кочевья распадались, и скотоводы проводили зиму небольшими по числу хозяйств группами, так как зимой стада были почти неподвижны и паслись на очень ограниченной территории, которая не могла обеспечить кормами большое количество скота.

Стадо у скотоводов, применяющих стационарное кочевание, отличается от стад при меридиональном и вертикальном кочеваниях; их стада состояли исключительно из овец и верблюдов. Коз было очень немного. К концу XIX в. значительно сократилось поголовье верблюдов, которые по численности в конце XVIII — начале XIX в. мало уступали овцам. При стационарном кочевании, распространенном преимущественно в засушливых районах, практически не разводили крупный рогатый скот и очень мало держали лошадей, которые использовались только для верховой езды.

Системы выпаса. Системы выпаса скота в различных частях Средней Азии были неодинаковы и целиком зависели от конкретных природных условий и состава стада. При разнородном составе стада (а стало быть, и при разном способе кочевания), когда в нем были лошади, крупный и мелкий рогатый

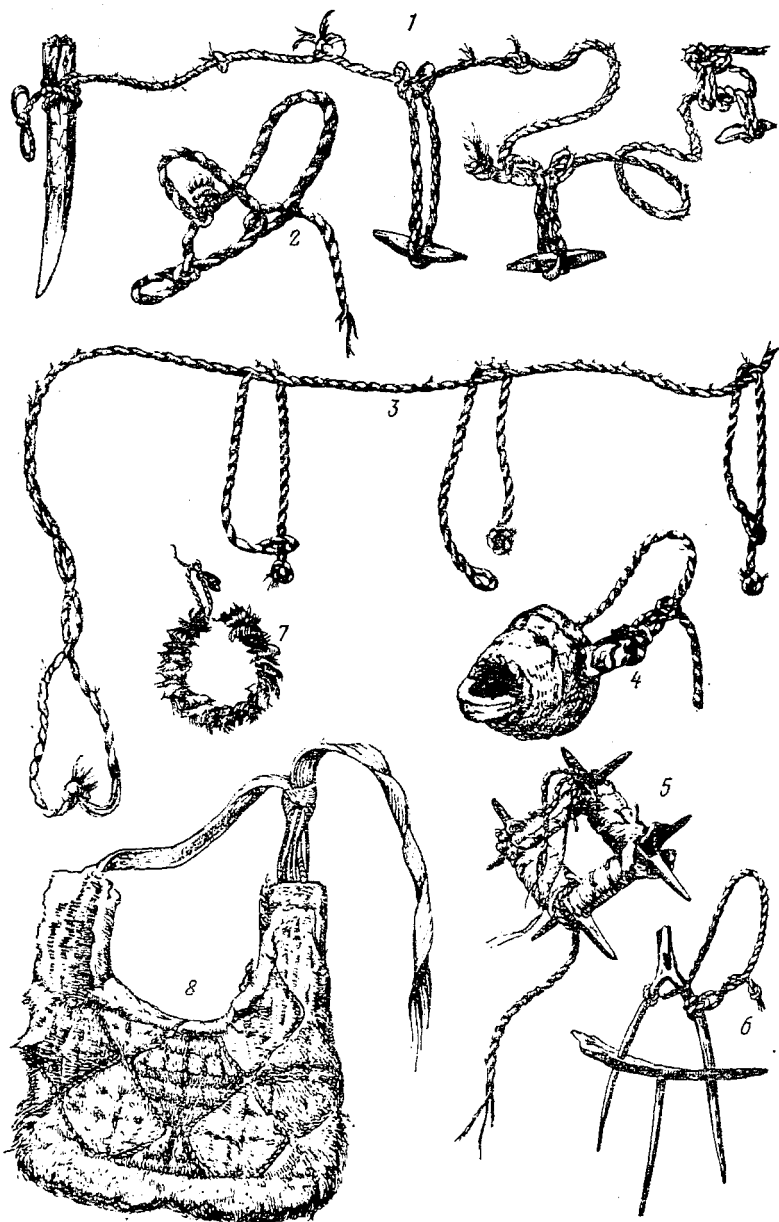
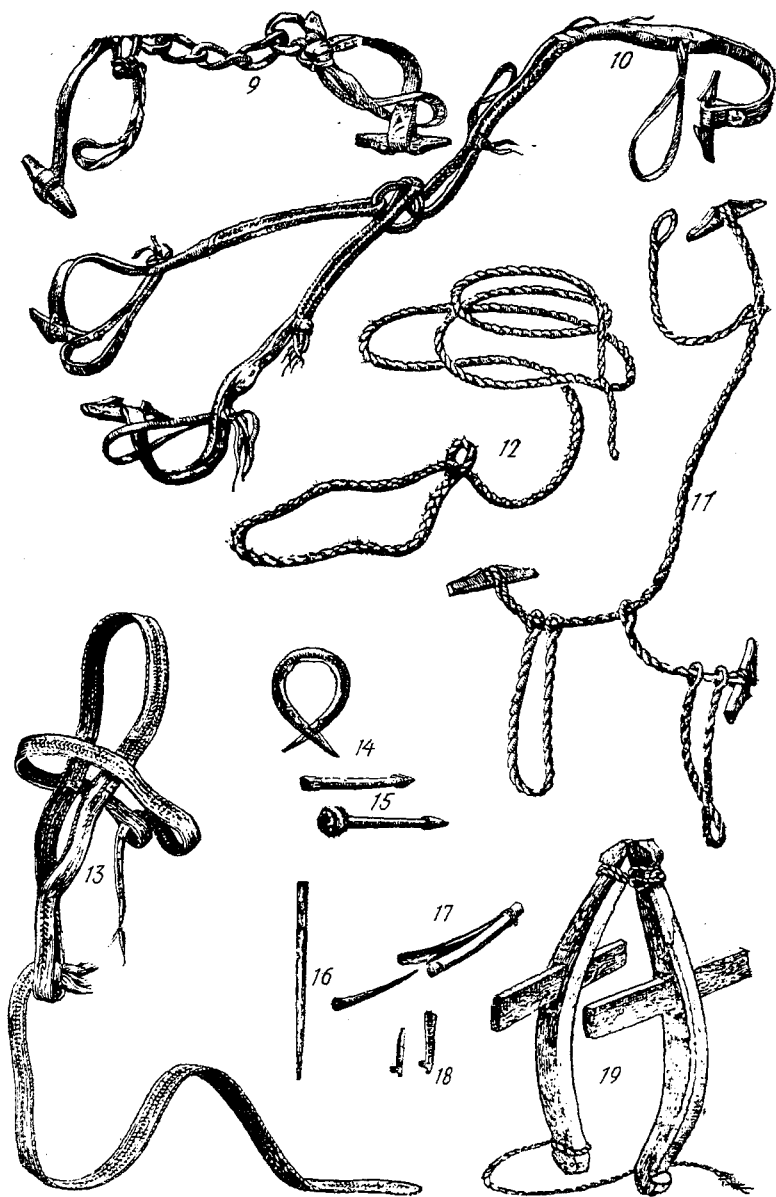

Рис. 9. Предметы, связанные с животноводством у казахов и киргизов: 1 — привязь для жеребят; 2 — оброть для жеребенка; 3 — привязь для ягнят и козлят; 4, 5, 6 — намордники для телят; 7 — связка меток овец (срезы с ушей); 8 — войлочный передник для барана, препятствующий несвоевременной случке; 9, 10, 11 — конские путы; 12 — аркан; 13 — оброть для

верблюда; 14 — деревянное кольцо, продеваемое в носовую перегородку быка; 15 — деревянные стержни, продеваемые в носовую перегородку верблюда; 16 — деревянная палочка для чистки ран овец; 17 — инструмент для кастрации молодых жеребцов; 18 — инструмент для кровопускания животным; 19 — деревянное приспособление, надеваемое на шею лошади для предохранения от расчесывания ран

скот, верблюды, каждый вид скота выпасался преимущественно отдельно. В горных местностях Киргизии, например, овец пасли зимой на тех склонах гор, где не было снега, а лошади паслись на заснеженных пастбищах. Они разрыхляли копытами снег и доставали траву. Если же обстоятельства заставляли держать скот на заснеженном пастбище, то сначала пускали лошадей, за ними шел крупный рогатый скот и только потом, по разрыхленному снегу и открытой траве, пускали овец.

В пустынях Туркмении верблюды паслись самостоятельно, без присмотра пастуха, приходя летом к колодцу на водопой, и не требовали особых забот скотоводов.

Зимой, наоборот, скотоводам, разводившим верблюдов, приходилось уделять им больше внимания, особенно в снежные зимы, когда животные не могли доставать корм из-под снега.

В этой связи особо следует подчеркнуть пагубные последствия, которые имели для скотоводческого хозяйства джуты, когда зимние пастбища покрывались коркой льда и скот не мог достать из-под нее корм. Особенно страдали овцы и верблюды, в меньшей степени лошади и крупный рогатый скот. В отдельные «джутовые» годы (например, 1892 г. в Казахстане) поголовье скота сократилось почти вдвое. Особенно страдали от джутов бедняцкие и середняцкие хозяйства, остававшиеся после джутов без средств к существованию.

Породы скота у кочевников-скотоводов были, как правило, малопродуктивными, особенно в засушливых районах. Тем не менее они были хорошо приспособлены к местным условиям. Особенно это заметно применительно к породам овец — их районирование строго соответствовало конкретным климатическим условиям, а стало быть, и способу кочевания.

Аналогичное положение было и с другими видами скота. Верблюдов, например, в более северных районах Казахстана разводили только двугорбых, хорошо переносящих холода и мало приспособленных к жаркому климату Каракумов и Кызылкумов, где держали только одногорбых, отлично приспособленных к высоким температурам. То же самое можно сказать и о лошадях. Туркмены в «степи» разводили иомутскую породу лошадей, легко преодолевавшую десятки километров по пескам, а в местах ближе к оазисам, где больше хорошего корма, разводили быстрых, но менее выносливых ахалтекинцев. В целом состав стада, как и способ кочевания определялся природными условиями и не имел выраженной «этнической» специфики.

Скотоводы Средней Азии проводили целенаправленную селекционную работу по улучшению тех или иных свойств скота, получая животных с нужными им качествами. Западные туркмены, например, путем скрещивания одногорбого и двугорбого верблюдов получали сильный и выносливый гибрид, высоко

ценившийся на перевозке грузов. Однако в условиях кочевого быта, отсутствия стабильного кормового запаса возможности селекции были ограничены.

Хотя скотоводами и были выработаны некоторые приемы в лечении больных животных, эпизоотии уносили много скота, и люди были бессильны с ними бороться. «Помощь» скоту оказывалась путем различных магических приемов и обрядов, как, например, прогоном стада между двух костров.

Орудия труда кочевников-скотоводов были немногочисленны. Это арканы, уздечки, вьючные и верховые седла, путы, ножницы для стрижки, приспособления для поднятия воды из колодцев — кожаные ведра, веревки, примитивные подъемные приспособления и каменные корыта для водопоя скота. Сам характер этих орудий и способ ведения хозяйства — экстенсивное кочевое скотоводство — не создавали ни условий, ни стимула для их совершенствования, и к концу XVIII — началу XIX в. они практически не отличались от средневековых.

Высокопродуктивный скот у кочевников-скотоводов был только в районах, хорошо обеспеченных кормами, как, например, в Северном Казахстане.

Самым напряженным временем в скотоводческом хозяйстве были весенние месяцы, когда появлялся молодняк. Многовековая практика научила скотоводов регулировать время рождения приплода таким образом, чтобы молодняк не появлялся на свет сразу в большом количестве, и в то же время не растягивать этот процесс на большое время, дабы не задержать перекочевку на летние пастбища.

Отгонное скотоводство

В отличие от кочевого скотоводческого хозяйства, отгонное скотоводство в Средней Азии в XIX в. не было самостоятельным хозяйственным типом и всегда сочеталось с земледелием. Удельный вес отгонного скотоводства в различных частях был неодинаков. Особенно большое значение оно имело в горных районах, где земледелие, как уже отмечалось, не могло полностью обеспечить потребности общества.

Меньший удельный вес отгонное скотоводство (по сравнению с горами) имело в долинах с развитым земледелием. Во всяком случае земледелие при отгонном скотоводстве всегда играло главную роль в хозяйстве жителей Средней Азии.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют с необходимой достоверностью проследить время возникновения и становления этого вида скотоводства. Не исключено, что оно имеет большую древность и уходит своими корнями в эпоху поздней бронзы — к пастушеским племенам.

Внешне, по приемам выпаса скота и сезонным использованиям пастбищ, отгонное скотоводство имеет много общего с ко-

чевым скотоводством, применяющим вертикальный способ кочевания. Схожи и природные условия бытования этих видов скотоводческого хозяйства — предгорные и горные районы Средней Азии.

Суть отгонного скотоводства состоит в том, что земледельцы на лето, после расплода скота весной, перегоняют свои стада на горные пастбища. В отличие от кочевничества, со стадами на летовки отправлялись с пастухами только женщины и подростки. Там, в летний сезон дойки скота, они заготавливали молочные продукты — масло и сыр на зиму. На летовках, как правило, стационарные дома не строились, и люди жили в шалашах и временных жилищах. Более или менее постоянными сооружениями были загоны для скота, куда стадо помещалось на ночь.

Мужчины оставались в селениях и ухаживали за посевами, время от времени посещая летовки, привозя с собой продовольствие и топливо.

Ближе к осени, после уборки урожая, стада постепенно спускаются в долины и пасутся по стерне. В холодные зимние месяцы скот пасся поблизости от селений, а на ночь загонялся в хлева. Проведя зиму в селении, на лето стада опять выгонялись на летовки. Такая система (порядок) выпаса скота, во-первых, обеспечивала сохранность посевов от погравы и, во-вторых, давала возможность использовать отдаленные пастбища, так как земля около селений была занята под пашни и других мест для выпаса скота в летнее время не было. На лето оставалось минимальное количество молочного скота, обеспечивавшего потребности в молоке оставшегося населения.

Особой заботой земледельцев был рабочий скот — быки, которых после весенних полевых работ также отгоняли на летние пастбища, где их старались пасти на лучших участках. Лучший корм они получали и в зимние месяцы.

Во время нахождения стад на летовках в долинах заготавливали сено для скота на зимние месяцы, так как зимние пастбища около селений не обеспечивали полностью кормами животных. Сено ценилось очень высоко, и значительные площади орошаемой земли были заняты в районах с отгонным скотоводством под люцерну.

Заготовка кормов в незначительном количестве практиковалась и при вертикальном кочевании, однако при отгонном скотоводстве количество запасенного корма принципиально меняет дело. В первом случае скот целиком зависит от состояния пастбищ в зимнее время, а во втором — при отгонном скотоводстве — эта зависимость сводилась к минимуму. Скотоводство при этом способе ведения хозяйства было более стабильным и в значительно меньшей мере зависело от природных условий, нежели кочевничество.

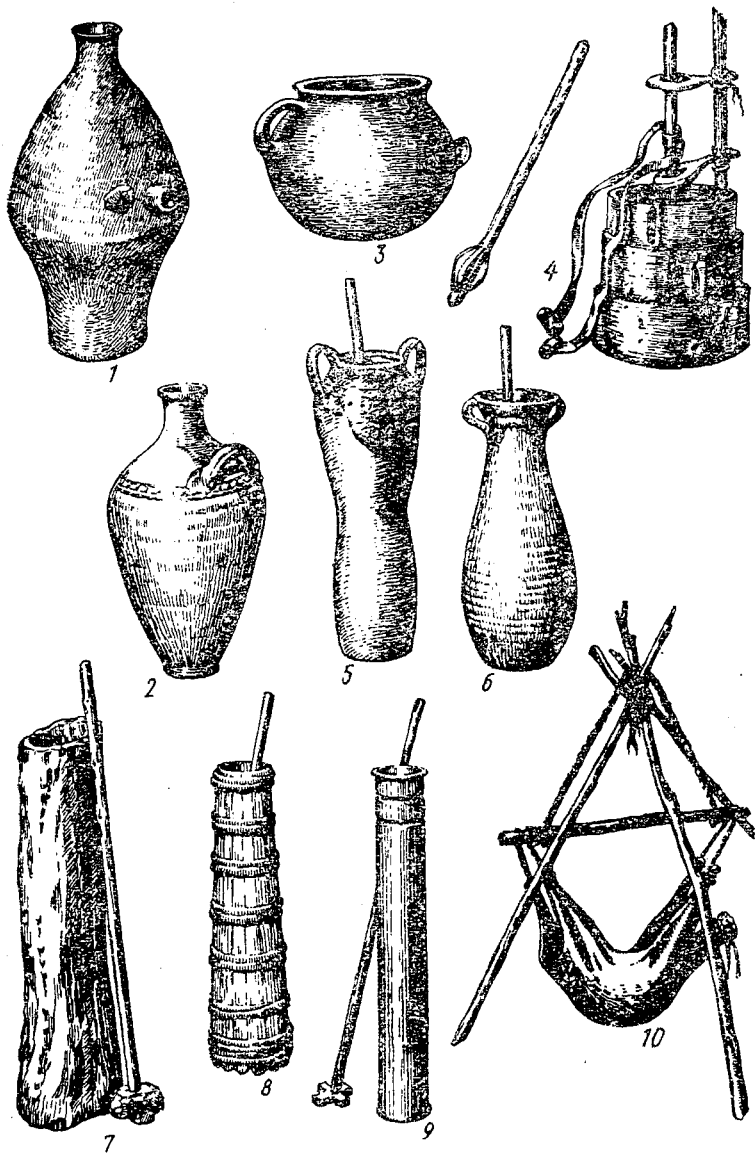

Рис. 10. Типы маслоек

1, 2, 4, 7 — у таджиков; 3, 6, 10 — у узбеков; 5 — у таджиков и узбеков; 8 — у казахов; 9 — у таджиков и киргизов

Состав стада при отгонном скотоводстве отличался от кочевнического прежде всего очень незначительным количеством транспортного скота и большим удельным весом рабочего.

Численно преобладали овцы. Много было коз и коров. Количество крупного рогатого скота определялось местными конкретными условиями и хозяйственными традициями той или иной группы населения. Например, сравнительно недавно осевшие узбеки — кочевники юга Таджикистана и Узбекистана, практиковавшие отгонное скотоводство, больше разводили овец и немного крупного рогатого скота. В то же время живущее в непосредственном соседстве, но «выше» в горах в прошлом тюркоязычное население разводило очень много крупного молочного скота.

Стойловое скотоводство

Третий, последний вид скотоводства, известный населению Средней Азии, — стойловое содержание скота. Этот вид скотоводческого хозяйства всегда был подсобным для земледельцев и никогда не являлся сколько-нибудь самостоятельным видом хозяйства. Стойловое скотоводство всегда и непосредственно обслуживало потребности земледелия. Наиболее широко оно было распространено в крупных оазисах, где большие площади заняты пашнями и садами и где не было поблизости от жилья хороших пастбищ.

При стойловом содержании скота из-за его малочисленности говорить о составе стада не приходится. Количество скота, по сравнению с другими видами скотоводческого хозяйства, было небольшое. Основные животные, содержащиеся в хозяйстве земледельцев, — это рабочий скот, необходимый при сельскохозяйственных работах, и скот, обеспечивающий повседневные потребности в молоке. В тех районах, где скотоводство существовало в стойловом варианте, животные практически (за исключением стерни после уборки урожая) на пастбища не выгонялись.

На мясо держали небольшое количество скота. Его откармливали в стойлах в течение лета и забивали с наступлением холодов. Как правило, земледельцы сами скота разводили мало и покупали животных у скотоводов.

* *
*

В литературе часто быт скотоводов представляли как постоянный праздник. Эта тенденция сохранилась частично и в литературе 30-х и 40-х годов нашего столетия. Однако дело обстояло далеко не так, ибо труд скотоводов был очень тяжелым. Сезонные перекочевки при кочевничестве, перегон стада на летовки и обратно в селения при отгонном скотоводстве и летняя переработка сразу большого количества молока, окрота стада, стрижка овец, подъем воды из колодцев во время

водопоя скота в условиях пустынь и сухих степей требовали больших трудовых затрат. В отличие от земледельцев, у скотоводов не было сезонных перерывов в работе. Скот требовал постоянного приложения труда, который достигал наивысшего напряжения весной — во время расплода скота.

Постоянное, ежедневное приложение труда скотовода в условиях Средней Азии давало если и не большой, по сравнению с земледелием, прибавочный продукт, то его получение было значительно быстрее, что и определило большие возможности накопления богатств в виде скота. Несколько благоприятных в климатическом отношении лет создавали возможность для быстрого увеличения стада при сравнительно с ирригационным земледелием меньшим количеством труда. В то же время, как отмечалось, скотоводческое хозяйство в несравненно большей степени зависело от погодных условий. В засухливые годы и в снежные зимы скот погибал от бескормицы, и многие скотоводы разорялись. Это было одной из главных причин перехода кочевников к оседлости и земледелию.

Не менее важное влияние на скотоводческое хозяйство (особенно хорошо это видно применительно к кочевничеству) оказывали социальные факторы. Как и земледельческое хозяйство, скотоводство во всех своих видах могло существовать только при условии стабильной политической обстановки. Войны на скотоводческом хозяйстве отражались так же пагубно, как и на земледелии.

В специальной литературе историками различных специальностей акцентировалось внимание на «военном промысле» скотоводческих народов. На многочисленных примерах показывалось, а порой и показывается война как один из источников обогащения (особенно в кочевом скотоводческом обществе). Другая сторона этого «промысла» остается, за исключением ряда самых последних исследований, менее освещенной.

На самом деле, если в комплексе посмотреть на скотоводческое хозяйство, войны отрывали от хозяйственной деятельности большое количество людей. Пагубные последствия этого процесса сказывались не сразу. Некоторое время скотоводческие общества существовали за счет запасенного в виде скота прибавочного продукта. В условиях же экстенсивного кочевнического хозяйства, которое в очень большой мере зависит от множества случайных факторов, этот прибавочный продукт быстро исчезал, и при неудачных военных действиях (а это было часто), когда не было богатой добычи, кочевое общество в экономическом отношении оказывалось отброшенным назад. Такие коллективы кочевников становились легкой добычей соседних племен или земледельческих государств. Процесс разорения скотоводческого общества в результате войны хорошо виден на примере завоевания монголами Средней Азии и Восточной Европы. Отрыв большого количества рабочих рук от

хозяйственной деятельности резко подорвал экономику самой Монголии.

Аналогичные ситуации неоднократно складывались в различных частях Средней Азии. Ослабленные военными действиями скотоводческие хозяйства не могли обеспечить скотоводов необходимым для жизни продуктом, и кочевники вынуждены были оседать и переходить к земледелию.

Полуоседлое хозяйство

Полуоседлое хозяйство — третий крупный тип хозяйственной деятельности, известный народам Средней Азии⁵. Такой разноречивой и неопределенностью в терминологии не случайны, так как под этими названиями объединяются различные виды хозяйственной деятельности, имеющие разное происхождение. В то же время полуоседлое, или комплексное, хозяйство нельзя рассматривать как простое механическое объединение двух или трех хозяйственных типов. Это органическое соединение скотоводства с другими типами хозяйственной деятельности, вызванное социальными и экономическими причинами. У населения, ведущего такое хозяйство, сложились свои, отличные от земледельцев и кочевников социальные отношения и образ жизни в целом.

В полуоседлом хозяйстве именно скотоводство является основным занятием населения. К концу XIX в. в полуоседлом хозяйстве Средней Азии выделяются (по видам скотоводства, сочетающимся с земледелием), по крайней мере, два подтипа.

Первый подтип — сочетание кочевого скотоводства с различными видами хозяйства. Внутри этого подтипа, в зависимости от конкретных природных условий и хозяйственных традиций населения, выделяются следующие варианты.

1. Кочевое скотоводство со «стационарным» способом кочевания объединено с орошаемым земледелием. Каждое хозяйство, которое имело землю и скот, запахивало свой или арендованный участок, выполняло все необходимые ирригационные работы и выращивало тот или иной вид злаковых растений. В период вегетации, когда в условиях орошаемого земледелия требовался постоянный уход за посевами, скот пасся на близлежащих пастбищах. Как только урожай был собран, хозяйства со скотом откочевывали на пастбища, расположенные в стороне от полей, и совершали обычный цикл кочевания. Население, ведущее такое хозяйство, при выращивании растений или использовало для орошения полей им самим заново сооруженную оросительную систему, или восстанавливало ста-

---

⁵ В специальной литературе полуоседлое хозяйство часто называют комплексным.

рую систему каналов и арыков. Наряду с использованием высокоорганизованной оросительной системы, там, где были условия, для увлажнения полей применялся лиманный, более примитивный способ.

Что же касается скотоводства, то, наряду с настоящим кочеванием, оно часто (в рассматриваемое время) просто имитировалось. Хозяйства с небольшими стадами, по сообщениям русских наблюдателей, перекочевывали от своих полей на небольшие расстояния, порой не превышающие одного километра. Этот вариант полукочевого хозяйства широко был представлен у населения, жившего на окраинах больших оазисов, таких, как Хорезмский, Бухарский и Мервский и им подобные, или в оазисах, протянувшихся узкой полосой вдоль гор или какой-либо водной артерии, равнинной части Средней Азии. Здесь в непосредственной близости от орошаемых участков земли находились обширные пастбища, такие, как Ахальский оазис или оазис вдоль течения Теджена (исключая его низовья). В меньшей степени это сочетание встречалось в предгорных районах, где возникало полуоседлое хозяйство с измененным лишь способом кочевания. Примером могут служить киргизы, живущие в предгорных районах восточной части Ферганской долины. Их полуоседлое хозяйство отличалось от равнинного только «вертикальным» способом кочевания. Реже кочевание сочеталось с богарным земледелием.

2. Второй вид деятельности рассматриваемого подтипа полуоседлого хозяйства Средней Азии был представлен у населения, жившего по берегам Каспийского и Аральского морей и крупных, богатых рыбой озер, как, например, Балхаш. Здесь скотоводство совмещалось с рыболовством. Как правило, в таких случаях подвижность стад была небольшой, и перекочевки регулировались путиной, на время которой хозяйства должны были находиться на побережье.

3. Своеобразное хозяйство сложилось в Западной Туркмении. Здесь туркмены, живущие на побережье Каспийского моря, одновременно с кочевым скотоводством вели кустарную добычу нефти и занимались рыболовством.

Для всех перечисленных видов деятельности первого подтипа резко заметно влияние имущественной дифференциации на соотношение кочевничества и «оседлой» доли хозяйственной деятельности. Чем богаче семья, т. е. чем больше у нее скота, тем больше она кочует. Это в полной мере относилось и к семьям, владевшим большими земельными наделами. Весь избыточный прибавочный продукт они переводили в скот, землю сдавали в аренду, а сами со стадами кочевали. Только середняцкие семьи занимались земледелием в равной мере со скотоводством, а бедняцкие — в преобладающей. Богатые семьи скотоводов практически земледелием не занимались.

Особой неустойчивостью полуоседлое хозяйство отличалось там, где не было развитой ирригационной системы, сооружение которой требовало больших усилий и очень значительного времени — жизни нескольких поколений. Осевшие же кочевники, как отмечалось, не имея навыков, плохо строили каналы и арыки, что делало земледелие малопродуктивным и нестабильным.

В тех местах, где кочевники оседали на действующей оросительной системе, земледельческая часть хозяйства была более рентабельной, и полуоседлое хозяйство здесь было стабильнее.

Второй подтип — сочетание отгонного скотоводства с земледелием. В этом случае, как уже отмечалось в разделе «скотоводство», подвижность стад и населения была значительно меньше, нежели при кочевническом виде скотоводства. В этом подтипе не было такого разнообразия вариантов, как в первом. Отгонное скотоводство совмещалось только с земледелием и ни с каким другим видом хозяйственной деятельности. Значительно чаще отгонное скотоводство сопровождалось богарным земледелием.

Ведущая роль земледелия и стабильность хозяйства второго подтипа отличали его от первого. Какое бы количество скота при отгонном скотоводстве хозяйства не накапливали, к кочевничеству они не переходили. При полуоседлом хозяйстве второго подтипа, даже при больших стадах, их владельцы в том или ином виде сохраняли участие в земледельческих работах. В этой связи следует и по-разному рассматривать генезис этих подтипов хозяйств.

Первый подтип, скорее всего, явился результатом оседания кочевников на землю, вызванного неблагоприятными для кочевания условиями. Распространен был он там, где условия для возвращения к кочеванию (в частности, наличие свободных и пригодных под пастбища степных пространств) реально продолжали существовать. Время возникновения этого подтипа полуоседлого хозяйства следует, по всей вероятности, относить ко времени появления кочевничества как типа хозяйства. Материалы, которыми располагает наука, показывают, что процесс оседания кочевников-скотоводов начался уже много столетий назад и продолжался в Средней Азии до 30-х годов нашего столетия. Одновременно шел и обратный процесс — возвращение от полуоседлости к кочеванию.

Происхождение второго подтипа полуоседлого хозяйства следует вести от комплексного хозяйства эпохи бронзы, которое было повсеместно ведущим в Средней Азии в ту отдаленную эпоху. Длительное бытование этого типа хозяйства не означает, что он не претерпел существенных изменений за многовековую историю своего существования. Менялось и совер-

шенствовало земледелие — на смену мотыжному пришло плужное.

Наряду с лиманным орошением широкое распространение получили оросительные системы. Менялись характер скотоводства, степень его подвижности. Не было стабильным соотношение земледелия и скотоводства в разных частях Средней Азии и у разных групп населения, ведущих комплексное полупоселое хозяйство. В зависимости от конкретных социальных ситуаций и природных условий преобладал тот или иной вид занятий.

По сравнению с двумя другими хозяйственными типами — кочевничеством и земледелием — полупоселое хозяйство было в значительно меньшей степени специализировано. Оно, как правило, полностью удовлетворяло потребности населения в продуктах скотоводства и земледелия. Это внешнее благополучие скрывало главную слабость полупоселого хозяйства — его относительную самостоятельность и, стало быть, замкнутость, хозяйственную и торговую изоляцию от «внешнего мира». Практически каждое большое селение или группа селений, базирующихся в большинстве случаев на каком-то одном источнике (свой магистральный канал, небольшая речка и т. п.), представляли замкнутый хозяйственный мир, внутри которого консервировались и социальные отношения. Очень медленно развивались товарно-денежные отношения. При этом следует учитывать, что полупоселое хозяйство не было избавлено от «пороков» кочевничества и земледелия. В засушливые годы, например, несовершенные оросительные системы не могли обеспечить необходимый урожай зерна, а для скота не хватало кормов.

Домашние промыслы и ремесло

Одной из важнейших составных частей производственной деятельности населения Средней Азии наряду с земледелием и скотоводством были домашние промыслы и ремесло. Археологические материалы дают достаточно полное представление о развитии этих видов занятий.

Исследователи выделяют три этапа в становлении домашних промыслов и ремесленного производства для земледельческо-скотоводческих народов⁶.

На первом этапе (по материалам раскопок джейтунской культуры) производство необходимых вещей сосредоточивалось внутри каждой семьи. С развитием хозяйства, его спе-

---

⁶ Имеется в виду период, начинающийся с неолита земледельческого населения Средней Азии, когда археологический материал, бесспорно, свидетельствует о «домашнем промысле» того или другого вида предметов, а не о изготовлении предметов вообще.

циализации усложняются изделия (орудия труда, предметы быта и пр.), изготавливаемые теми или иными людьми.

Производство разнообразных и усложненных, необходимых обществу изделий требует уже определенных навыков. Наступает второй этап, когда в среде общины появляются мастера-профессионалы, специализирующиеся в каком-то виде производства и обслуживающие членов своей (а возможно, и соседней) общины. Поскольку эти мастера большое время заняты работой на общинников, то последние и содержат их, снабжая мастеров взамен изготовленных ими орудий труда, керамики и тому подобных вещей продуктами сельского хозяйства. Скорее всего, эти общинные мастера еще не в полной мере оставили занятие сельским хозяйством, так как их «несельскохозяйственная» деятельность не была настолько регулярной, чтобы в полной мере обеспечить себя необходимым продуктом.

К эпохе развитой бронзы (Намазга IV и V вв.) на территории Южной Туркмении складываются экономические и социальные условия, позволившие этому виду хозяйственной деятельности выделиться в самостоятельное производство — ремесло, т. е. наступил третий период; или, говоря словами Ф. Энгельса, «произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия»⁷.

Становление ремесла как самостоятельного производства резко повысило прибавочный продукт общества, дало новый толчок к классовой дифференциации и открыло дополнительные возможности для эксплуатации. Отделение ремесла от сельского хозяйства способствовало превращению городов не только в политические, но и в экономические и социальные центры, где натуральный обмен трансформируется в торговлю. Развитие ремесла идет параллельно с развитием товарно-денежных отношений. Следовательно, ремесленное производство, уровень его развития в докапиталистическом обществе (а именно такой была Средняя Азия до присоединения к России) показывают уровень развития общества вообще. В зависимости от того, на какой из трех выделенных стадий находится ремесло того или другого народа, его групп, в каком соотношении эти стадии находятся между собой и какой их удельный вес в производстве общественного продукта, можно говорить и о степени развития товарно-денежных и социальных отношений в конкретном коллективе людей.

У населения Средней Азии к концу XVIII—XIX вв. ремесленное производство находилось на двух последних стадиях, но в отдаленных горных и степных районах в ряде производств ремесло находилось на первой ступени своего развития — на уровне домашних промыслов. В отдельных видах ремесленно-

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 163.

го производства на сравнительно небольшой территории, населенной одним народом, можно было наблюдать бытование всех трех стадий развития одновременно. Все зависело, вероятно, от конкретных, в первую очередь хозяйственных и природных, условий, сложившихся в том или ином регионе. Это обстоятельство заставляет очень осторожно подходить ко всякого рода обобщениям о степени развития ремесла у того или иного народа вообще и рассматривать ремесленное производство, как и остальные виды хозяйства, применительно к каждой области.

Домашние промыслы

Ленинское положение о том, что «... домашней промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»⁸, хорошо иллюстрируется на материалах Средней Азии. Они показывают не только формальное отличие домашних промыслов от других производств, но и вскрывают сущность явления — его неразвитость и нетоварность, практически полное отсутствие разделения труда.

Наиболее ярко первая ступень развития ремесленного производства выступает у населения, ведущего кочевое скотоводческое хозяйство. В то же время было бы неправильно полностью отождествлять уровень развития домашних промыслов, его технологическую часть древних земледельческо-скотоводческих народов Средней Азии (например, эпохи раннего железа) с уровнем развития домашних промыслов у кочевников XVIII—XIX вв. Разница в технологии, в подготовке сырья, инструментах несомненна. В новое время стали использоваться новые красители для шерсти, усовершенствовались технология и орудия труда, появились новые материалы. Одинаковым остался характер производства — изготовление вещей для внутреннего семейного пользования. Только отдельные виды продукции домашних промыслов стали приобретать к концу XIX в. товарный характер.

Наиболее распространенным видом домашних промыслов была переработка шерсти. За исключением стрижки животных, что было исключительно мужским занятием, все остальные процессы с основным и наиболее массовым сырьем, имеющимся у скотоводов, были уделом женщин.

Самыми многочисленными изделиями в кочевническом хозяйстве были различные войлоки. Они использовались для устройства жилищ, ими покрывали деревянные каркасы юрт, узорчатыми войлоками (кошмами) застилали полы в жилищах; киргизы и казахи из тонких войлоков шили одежды. Этот

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 328.

вид домашних промыслов был известен скотоводческим народам с глубокой древности. Великолепные образцы узорчатых войлоков, на которых узор выполнен в различных технических приемах, обнаружены уже в памятниках второй половины I тыс. до н. э.

Процесс изготовления войлоков («валяние») был одинаков у всех кочевых и полукочевых народов Средней Азии, и лишь в выделке узорчатых кошм казахи и киргизы (в отличие от туркмен, узбеков и каракалпаков) наряду с техникой «вваливания» узора применяли технику инкрустации и аппликации узора. Технология кошмоваления была отработана, и кошмы изготавливались довольно быстро даже силами женщин одной семьи. Обычно же в выделке кошмы принимали участие соседки.

В выделке кошмы мастерицы кочевых и полукочевых аулов достигали совершенства, но в самостоятельное производство кошмоваление в условиях кочевого хозяйства превратиться не могло. Оно не было единственным или главным занятием непосредственных исполнителей изделий, а лишь частью обязательного трудового процесса женщин в скотоводческом обществе.

Аналогичное положение у кочевников занимало и ткачество. Скотоводы вырабатывали только шерстяные ткани. Как и в кошмовалении, в ткачестве не было разделения труда. Все операции — разбивка шерсти, ее прядение и тканье материи — делались одним человеком. На примитивном узконавойном ткацком станке изготавливались, помимо тканей, и различные ковровые ворсовые и паласные дорожки.

Ковроделие в хозяйстве и быту скотоводов имело очень большое значение. Его история насчитывает много столетий. Самые ранние образцы ковров, найденные на Алтае в Пазыркских курганах (вторая половина I тыс. до н. э.), по технике изготовления относятся исследователями к переднеазиатским образцам. Вместе с тем специалисты по истории ковроделия находят много аналогий орнаментальным мотивам, широко используемых в среднеазиатских ковровых изделиях.

Довольно много свидетельств о ковроделии в Средней Азии содержится в средневековых письменных источниках, где дается высокая оценка этого вида изделий.

В отличие от кошмоваления, ковроделие было развито неодинаково в скотоводческих районах Средней Азии. Производство сколько-нибудь значительных по размеру ковровых изделий требовало определенной оседлости, т. е. пребывания на одном месте, где ковровщицы могли установить свой станок. Поэтому ковроделие особенно широко было распространено у тех групп скотоводческих народов Средней Азии, которые применяли «стационарное» кочевание при кочевом и полукочевом хозяйстве. В первую очередь ковроделие было рас-

пространено в районах расселения туркмен, в Ферганской долине (в ее «кочевой» части) и на юге современного Узбекистана. Значительно меньше ковроделие было развито при «меридиональном» кочевании и вообще при сравнительно большей подвижности скотоводческого хозяйства. В этих случаях в ковровой технике выполнялись лишь небольшие вещи, на изготовление которых не требовалось много времени.

В отличие от других видов хозяйственной деятельности скотоводческих народов Средней Азии, не имевших принципиальных, этнических различий, ковроделие к концу XIX в. в большей мере было туркменским промыслом. Их ковровые изделия отличались добротностью изготовления. Туркмены выделяли свои ковры на широконавойном станке, который отличался, например, от узконавойных станков узбеков или киргизов более тщательной обработкой. Процесс ковроткачества в определенной степени был общественным. Трудоемкость процесса — одна мастерица за месяц могла соткать всего 1 кв. м ковра — требовала для выработки большого ковра объединенных усилий нескольких ковровщиц, которые совместными действиями за летний период должны были соткать ковер. Выработалась целая система взаимопомощи, а к концу XIX в. и система найма мастериц за плату. Появилось и первоначальное разделение труда в ковровом промысле, которое ближе всего подошло к ремеслу. В общей массе ковровщиц выделялись известные мастерицы, чья продукция почти полностью шла на рынки не только Средней Азии, но и всей России и вывозилась в страны Западной Европы.

К концу XIX — началу XX в. ковроделие в значительных размерах сохранилось у части узбеков. Их длинноворсовые ковры — джужльхирсы, сотканные на узконавойных станках, отличались яркостью и своеобразием узоров.

Неясна история ковроделия у таджиков. В настоящее время этот промысел у таджиков отсутствует. Нет о нем достоверных сведений и относительно XIX в. В то же время в ряде средневековых источников содержатся упоминания о мастерах в Бухаре, где ткали ковры.

Кроме собственно ворсовых ковров значительное место в домашних промыслах населения Средней Азии (в хозяйстве которого скотоводство играло сколько-нибудь существенную роль) занимала выделка паласов — безворсовых ковровых изделий, широко используемых в быту.

В конце XIX — самом начале XX в. выделка ковров и ковровых изделий сильно сократилась, хотя спрос на них, особенно на получивших широкую известность текинские ковры, оставался достаточно высоким. Сокращение производства было вызвано главным образом двумя причинами: активизацией процесса оседания кочевников и перехода их к земледельческому хозяйству и, что не менее важно, изменением самого зем-

ледельческого хозяйства, резким увеличением хлопководства.

Первое обстоятельство сократило производство шерсти, а второе — потребовало участия женщин в полеводческих работах, на сборе хлопка. В дореволюционный период эти процессы зашли настолько далеко, что после установления Советской власти остро стал вопрос о спасении ковроткачества вообще. И, конечно, в сложившейся к концу XIX в. в Средней Азии обстановке не могло быть и речи о переходе ковроделия в разряд ремесла в широком смысле этого слова. Товарность коврам создало не их широкое производство на рынок, а активная деятельность купцов-перекупщиков, которые имели большие лавки на базарах Средней Азии и ковровые магазины в крупных городах России.

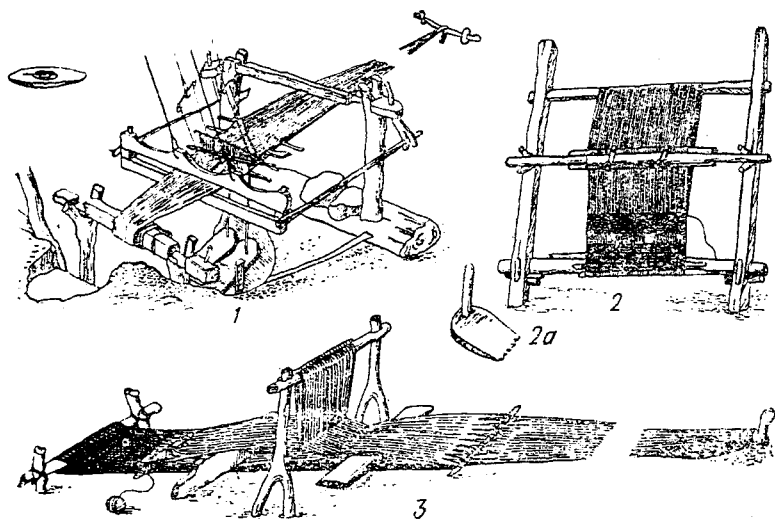

Рис. 11. Основные типы ткацких станков народов Средней Азии
1 — горизонтальный ткацкий станок таджиков и узбеков; 2 — вертикальный ткацкий станок (припамирские таджики); 2а — бердо;
3 — узконавойный ткацкий стан

Полностью товарной была продукция мастеров, изготавливавших деревянные остовы для юрт. Однако эти мастера, работая на «кочевую степь», сами были вынуждены переходить к оседлости и вели в лучшем случае полuosедлое хозяйство, сочетавшееся с отгонным скотоводством. Они были привязаны к источникам сырья — к оазисам (в степи необходимого дерева нет) и к громоздкому, трудно транспортируемому оборудованию — приспособлениям для распаривания и гнущия жердей. В то же время скотоводство давало им существенную

часть дохода, т. е. и этот вид ремесла еще не отделился от сельского хозяйства.

В аналогичном положении находились металлурги различных специальностей — кузнецы, медники и ювелиры. Сам характер их производственной деятельности требовал значительной оседлости. Чем больше внимания и времени эти мастера уделяли ремеслу, тем менее подвижным становилось их хозяйство. И кузнецы, и медники, и ювелиры в скотоводческой среде работали только на заказ.

Следует отметить важное обстоятельство, во многом определившее уровень развития этого важнейшего вида промысла: все специалисты по обработке металла находились в абсолютной зависимости от земледельческих оседлых районов, точнее, от их рынков, на которых мастера могли приобрести металл. При подвижном хозяйстве самостоятельная добыча руды и выплавка металлов скотоводами невозможны. Наибольшее развитие получило ювелирное дело, которое не требовало стационарных громоздких приспособлений — больших горнов, печей для плавки металла, приспособлений для отливки тех или иных достаточно крупных изделий (таких, как, например, котлы и т. п.). Кроме этого, сколько-нибудь существенно металлоемкое производство не могло возникнуть и развиваться из-за отсутствия в степях дерева, необходимого для получения угля.

Ювелиры, как правило, работали на заказ и обслуживали определенные группы скотоводов. В различных частях кочевнического мира сложились свои традиции ювелирного производства, которые сохранились вплоть до начала XX в. При этом следует подчеркнуть, что у одного и того же народа могло сложиться несколько очагов ювелирного производства. Например, у туркмен на конец XIX — начало XX в. выделяется, по крайней мере, три больших района с различными традициями ювелирного производства — Западная Туркмения, Северо-Восточная (современная Ташаузская обл.) и Восточная Туркмения (Чарджоуская обл.). К сожалению, ювелирное дело у скотоводческих народов Средней Азии изучено еще очень слабо, но и сейчас уже можно говорить о большой «консервативности», а точнее, преемственности традиций весьма отдаленных эпох и сохранении целого ряда древних форм украшений у туркмен, казахов, киргизов, каракалпаков и у кочевых и полукочевых узбекских групп.

Товарность ювелирного производства была достаточно высокой, но «производственные мощности» мастеров в скотоводческом мире были весьма ограничены, и скотоводы вынуждены были часто прибегать к услугам ювелиров, работающих в городах или других больших населенных пунктах. Эти мастера, как свидетельствуют различные виды источников, хорошо знали вкусы своих заказчиков и в оазисах делали «кочевнические» украшения. Именно этим обстоятельством объясняется

большое количество украшений у кочевников, а не многочисленностью мастеров-ювелиров в скотоводческих обществах, как это часто стараются утверждать. Как и другие виды домашних промыслов, ювелирное дело в скотоводческом обществе Средней Азии не отделилось от сельского хозяйства и не достигло уровня ремесленного производства.

Заметное место в быту скотоводческих народов занимала обработка шкур и выделка кожи. Эти промыслы удовлетворяли внутренние потребности скотоводческого общества. Некоторой «товарностью» обладала обработка шкур; их продавали чаще выделанными. Что же касается часто упоминаемой в этнографической литературе торговли необработанными кожами как одной из наиболее товарных статей дохода скотоводов, то это следует рассматривать не более как недоразумение. Скотоводы продавали или меняли не готовую кожу, а лишь сырье — необработанные шкуры или, что было чаще, просто скот. В степи забивали значительно меньше скота, нежели это представляется исследователям истории и быта кочевников, знакомым с бытом скотоводов только по литературе.

Потребности в выделанной коже в скотоводческом хозяйстве были далеко не столь велики. Кожа шла на изготовление сравнительно долговечных вещей — обуви, седел, уздечек и т. п. изделий. Большим спросом пользовались выделанные шкуры: из них шили теплую одежду.

Другие экономически менее необходимые домашние промыслы в еще большей степени сохранили патриархальные черты. В целом домашние промыслы в скотоводческом хозяйстве так и не смогли достичь уровня профессионального ремесла. Так называемое «ремесло кочевников», свидетельства которого находят археологи, является по большей части остатками изделий, выполненных руками ремесленников в земледельческих оазисах и вывезенных в скотоводческую степь.

Ремесленное производство

В отличие от скотоводческого населения Средней Азии, у оседлых жителей оазисов уровень развития ремесленного производства достиг своего наивысшего предела. Будучи (до присоединения Средней Азии к России) единственным видом промышленной деятельности, ремесло давало населению все необходимое — орудия труда, предметы быта, ткани, транспортные средства и т. п. Для жителей Средней Азии ремесло было также важно, как земледелие и скотоводство.

Развитие ремесленного производства у оседлого населения изучено гораздо лучше, нежели у кочевников-скотоводов. Этому способствовал сам уровень развития ремесла. Мы имеем большое количество различных овеществленных свидетельств,

а также многочисленные письменные источники, в которых хорошо описаны ремесленные занятия эпохи средневековья.

Достоверные письменные известия, достаточно полно описывающие различные виды ремесел, относятся уже к VIII—IX вв. н. э. До этого сведения об этом виде хозяйственной деятельности базируются почти исключительно на археологическом материале.

К сожалению, археологами в Средней Азии еще недостаточно хорошо разработана история ремесла I тыс. н. э. Можно лишь с уверенностью говорить, что, судя по материалам IX—X вв., оно развивалось достаточно успешно и в большинстве земледельческих, экономически развитых районах достигло очень большого уровня специализации. Далеко за пределами Средней Азии славилась изделия ремесленников Хорезма, Мешед-Миссариана, Мерва, Бухары, Самарканда и целого ряда других среднеазиатских ремесленных центров. Помимо внутрирегиональной специализации источники отмечают и межрегиональную специализацию: славилась шелковые ткани Мерва, бумага Самарканда вывозилась во многие страны культурного мира, высоко ценились ферганские хлопчатобумажные ткани. Высокого искусства достигла обработка металла, дерева, камня. Керамическое производство поражало современников законченностью форм и великолепным качеством черепка. Мастера-строители создали неповторимые образцы архитектурных сооружений, таких, как, например, мавзолей Исмаила Самани в Бухаре. Этими же неизвестными мастерами-ремесленниками были выработаны многие строительные приемы, применяемые в сельском строительстве и по сей день.

К XII в., накануне монгольского нашествия, не только земледелие, но и ремесло Средней Азии достигло необычайного подъема. Наряду с продуктами сельскохозяйственного производства из страны вывозилось большое количество ремесленной продукции. Ремесленное производство развивалось не только вглубь, т. е. не только совершенствовались технология изготовления и качество изделий, но и вширь — ремесленные центры возникали в новых местах.

Такое бурное развитие ремесленного производства было обусловлено в первую очередь высоким уровнем земледельческого хозяйства, когда не все население, а только его часть могла обеспечить всех жителей продовольствием. Во многих видах производства ремесленники достигли такого совершенства (например, в обработке цветного металла, ткачества), что их утилитарные изделия были на уровне произведений искусства.

Производительные силы страны были настолько велики, что даже вторжение больших групп кочевого населения извне (караханиды) и завоевательные набеги «своих» кочевников

(сельджуков) не отразились сколько-нибудь серьезно на экономике вообще и на ремесле в частности.

Нашествие монголов положило конец расцвету среднеазиатского ремесла, которое пострадало в еще большей мере, нежели земледелие и скотоводство. В первую очередь захватчики разрушали города и истребляли полностью население тех из них, которые оказывали упорное сопротивление. Это были, как правило, наиболее богатые, хорошо укрепленные не только административные, но в первую очередь торгово-ремесленные центры, большинство населения которых составляли ремесленники. Оставшихся в живых ремесленников угоняли в золотоордынские или какие-либо другие «монгольские» города, где они на правах рабов обслуживали кочевую знать.

Распад монгольской кочевой империи и образование государства Тимура многие историки называют периодом нового расцвета среднеазиатского ремесла, особенно тех его отраслей, которые связаны со строительством. Это глубокое заблуждение, которое не изжито не только из популярной, но и специальной литературы. Внешняя, пышная парадная сторона державы Тимура — Самарканд, отстроенный руками строителей завоеванных стран, ни в коей мере не отражал состояние ремесленного производства Средней Азии. Завоевательные походы с отрывом от хозяйственной деятельности громадных масс населения, грабительские поборы, называемые налогами, вконец разоряли разграбленную монголами страну. Только к концу XV в. в отдельных районах Средней Азии начинает возрождаться стабильное ремесленное производство как результат общехозяйственного восстановления. Этот процесс в земледельческих районах продолжался недолго. В самом начале XVI в. в оазисы Средней Азии вторглись большие группы кочевого скотоводческого населения, известные в специальной литературе под названием «узбеков Шейбани-хана». Хотя их вторжение и не имело столь печальных последствий для страны, как монгольское нашествие и завоевательные походы Тимура, тем не менее поступательное развитие ремесленного производства в ряде районов было на много десятилетий приостановлено. В тех местах, где политическая ситуация была непрочной и хозяйство было разорено, ремесленное производство или совсем замерло, или сильно деградировало. Спасаясь от притеснений и поборов правителей, ремесленники бежали из городов и селились на окраинах оазисов, где гнет был не так жесток и где сохранились возможности занятия ремеслом. Так, к концу XVII в. в оазисах Средней Азии окончательно сложились два основных центра ремесленного производства — город и крупный ремесленный кишлак, в хозяйстве жителей которого ремесло играло по сравнению с земледелием ведущую роль, а порой было единственным видом занятий.

Неустойчивость политической и хозяйственной жизни, обус-

ловленная постоянными войнами и разорением правителями своих подданных налогами, а чужих — грабежами, создала специфические условия существования ремесла. С XVII в. происходит дифференциация городских ремесленных центров. Самым крупным ремесленным центром Средней Азии накануне ее присоединения к России была Бухара. По развитости ремесла, его специализации и самостоятельности всех видов ремесленного производства, т. е. их обособленности от сельского хозяйства, этот город не имел себе равных. Другие города — такие, как Самарканд, Ходжент (Ленинабад), Коканд, Хива, Ташкент и им подобные — составляли особую группу. Подавляющее большинство ремесленников здесь совмещали ремесло с сельским хозяйством. Собственно ремесло из-за чрезвычайно низкой покупательной способности ограбленного населения не могло полностью обеспечить необходимым продуктом семью мастера, и он должен был уделять значительное время загородным земельным участкам.

Аналогичное положение было и в ремесленных кишлаках. Вопрос о том, насколько характерно такое сочетание ремесла и того или иного вида земледелия (садоводства, огородничества, виноградарства и т. п.), остается открытым. Не исключено, что частичное возвращение к сельскому хозяйству в позднем средневековье обусловлено, как отмечалось, ограниченной покупательной способностью и слабыми потребностями сельского населения в ремесленных изделиях. Последнее обстоятельство определялось значительным удельным весом домашних промыслов в крестьянском хозяйстве и покрытием за их счет потребностей в ремесленной продукции. Не менее существенной причиной являлась и разруха в сельском хозяйстве, вызывавшая нерегулярность привоза сельскохозяйственных продуктов в города. Это обстоятельство отмечается многими средневековыми хронистами.

К XIX в. общее состояние ремесленного производства в Средней Азии характеризовалось в первую очередь слабым использованием в трудовых процессах механических станков и приспособлений. Исключение составляло лишь ткацкое производство, где широко применялся механический станок.

Что же касается металлообработки, которая определяет уровень производства, существующий в данном обществе вообще, то механизация процессов в ней практически отсутствовала. Удельный вес металлообрабатывающего производства в системе среднеазиатского ремесла был невелик. Даже в Бухаре оно не занимало ведущего положения. Специализация в металлообработке, как и в других видах ремесла, достигла высокого уровня. Исследователи выделяют пять крупных специальностей в обработке металла, которые существовали в различных соотношениях во всех сколько-нибудь значительных ремесленных центрах.

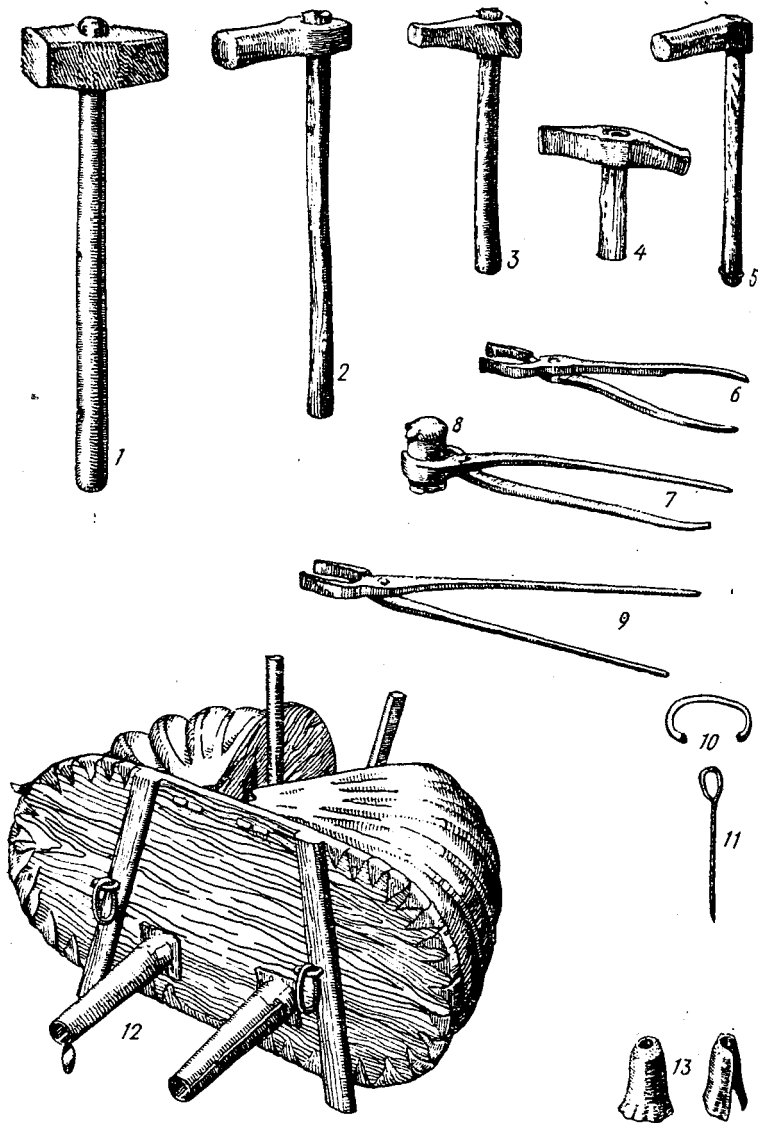
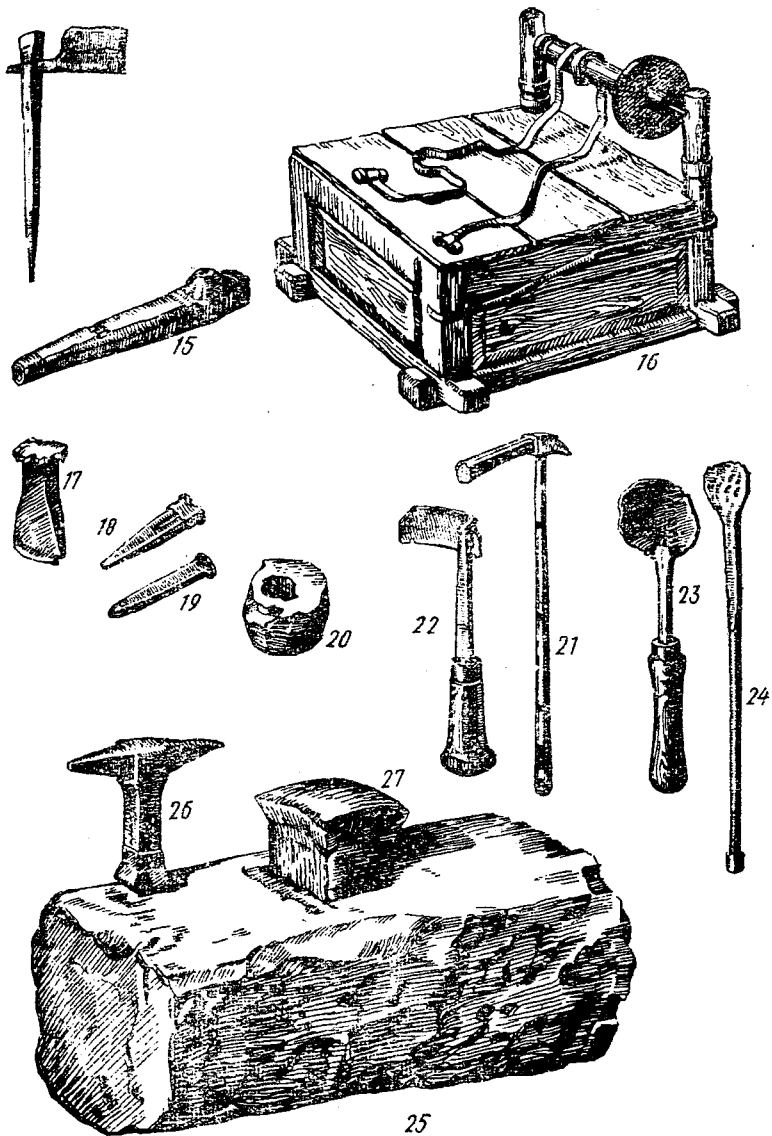

Рис. 12. Орудия кузнечного ремесла:
 1—5 — виды молотков; 6, 7, 9 — виды клещей; 8 — пробойник;
 10 — скобка для клещей при сварке деталей изделий; 11 — мерка
 из проволоки; 12 — кузнечный мех; 13 — железное сопло для горна;
 14 — стальная отсечка; 15 — форма для формовки шляпки гвоздей;
 16 — точило; 17—18 — стальные зубила; 19 — стальной бородок для

нанесения рисунка изделия; 20 — подставка для пробивания отверстий; 21 — молоток для подковки животных; 22 — нож для подрезания копыт при подковке; 23 — черпак для подбрасывания углей; 24 — лопаточка для перемешивания углей в горне; 25 — основание наковальни; 26—27 — виды наковален

В первую очередь это различные мастера по изготовлению кузнечно-слесарных изделий, литейщики чугуна, медники, литейщики бронзы и ювелиры. В каждой из этих специальностей были мастера, изготовлявшие только определенный вид продукции.

Металлические изделия ремесленников реализовались почти полностью на внутреннем рынке. За пределы Средней Азии вывозилось лишь небольшое количество высокохудожественной бронзовой, медной и в меньшей мере серебряной посуды. Спрос на нее резко возрос после присоединения Средней Азии к России.

Основную же массу изделий составляли орудия труда — чугунные наконечники для плугов, лопаты, мотыги, серпы, подковы, гвозди, ножи, жаровни и т. п.

Качество изделий целиком зависело от профессионального уровня мастера. Поэтому предметы, произведенные подчас в одном месте, резко отличались друг от друга по качеству, и стоимость продукции металлистов, как правило, была очень высокой.

Одной из наиболее массовой была продукция ткачей. Среднеазиатские шелковые и хлопчатобумажные ткани славились далеко за пределами страны, и много лестных слов им посвящено в средневековых источниках. Разделение труда достигло здесь очень высокого уровня. Кроме деления всего процесса на три крупных цикла — изготовление пряжи, тканье и обработка тканей — внутри каждого цикла выделялось несколько, порой очень узких специальностей. Например, были специальные мастера, занимавшиеся горячей окраской пряжи в разные цвета, и были отдельные ремесленники, которые красили пряжу только в синий цвет.

В Средней Азии, насколько это позволяют проследить средневековые письменные источники, существовали отдельные ремесленные центры, производившие те или иные сорта тканей. Так, до монгольского нашествия широкой известностью пользовались шелковые мервские ткани, бухарский бархат. Текстильная продукция наиболее известных центров была настолько высокого качества, что всегда пользовалась спросом на внутреннем среднеазиатском рынке и даже в тех местах, где было свое производство тканей.

После присоединения Средней Азии к России фабричные ткани не смогли полностью вытеснить с рынка кустарные ткани. Их производство продолжалось, правда, в небольшом количестве вплоть до 50-х годов нашего столетия.

Очень большую давность в Средней Азии имеет гончарное ремесло. Некоторые исследователи считают, что гончарство является первым видом домашних промыслов, который развился в собственно ремесло в широком смысле этого слова.

В отличие от большинства других видов ремесел, в той

или иной мере существовавших во многих торгово-ремесленных поселениях, керамическое было привилегией определенных центров, снабжавших округу предметами своего производства.

К концу XIX в. наиболее крупные керамические центры располагались в южных районах Средней Азии — в долине Зеравшана, в Ферганской долине, в Ташкентском оазисе. Сдал свои позиции в керамическом производстве Хорезм. В этот период качество выпускаемой здесь посуды было намного хуже средневековой. Полностью прекратилось керамическое производство в западных районах страны. После разрушения монголами Мешед-Миссарианского оазиса, запустения городских центров в Южной Туркмении и в Мервском оазисе здесь в новое время не сложилось сколько-нибудь значительных ремесленных центров. Что же касается керамики, то переселившиеся в оазисы скотоводческие племена не имели своих традиций керамического производства вообще. Потребности населения в керамических изделиях удовлетворялись в основном за счет привозной посуды, нужда в которой у недавних, еще не полностью осевших кочевников была не очень большой.

К концу XVIII в. в керамическом производстве Средней Азии почти полностью прекратилось производство облицовочных материалов, а в тех местах, где оно в небольшой мере сохранилось (отдельные места в Хорезмском оазисе, в Западной Фергане), качество их было очень невысокое и ни в какое сравнение не шло со средневековыми облицовочными изразцами.

Большое место в среднеазиатском ремесле занимала обработка дерева. Как и в других видах ремесленной деятельности, здесь множество специальностей — плотники, столяры, строители лодок, мастера по изготовлению повозок и т. д. При крайней ограниченности в сырье деревообделочники выработали много специальных приемов в обработке дерева, позволявшие использовать его почти без отходов.

Если обработка шерсти в скотоводческом хозяйстве по большей части производилась в степи, то выделка различной кожи сосредоточивалась в оазисах. Разделение труда и здесь было высоким. Мастера специализировались на выделке определенного сорта кожи.

Очень дробная специализация была у ремесленников, которые изготовляли различные виды одежды и обуви. Практически каждый вид изделий, входящий в комплекс одежды, исполнялся отдельным мастером. Примером может служить халатное производство, когда каждый вид халата делается специальными мастерами. Также ярко дробная специализация видна и на примере сапожников. Одни из них шили сапоги только на жесткой подошве, другие — на мягкой, третьи спе-

специализировались на изготовлении определенного вида женских туфель, кожаных калош и т. д. Даже изготовление туфелек было разделено по их видам.

Существовали десятки различных специальностей мастеров, обеспечивающих повседневный быт городского населения Средней Азии. Эти же мастера обслуживали и жителей больших кишлаков и пригородов, где они сами часто жили.

Следует особо обратить внимание на специализацию в производстве пищевых продуктов. В больших городах, не говоря уже о Бухаре, дробная специализация существовала среди мастеров каждой отрасли.

Кондитеры делились на изготовителей халвы, леденцов и других сладких лакомств. Не менее дробная специализация была у пекарей и других «пищевых» специальностей.

В оседло-земледельческих районах Средней Азии вместе с профессиональным ремеслом существовало домашнее товарное производство тех или иных предметов. Как правило, этим занималась женская часть семьи. Часто реализация на базарах этих изделий осуществлялась самими исполнителями, но в начале XX в. значительно усилилась роль перекупщиков, скупавших в селениях эти вещи и перепродававших их на базарах.

Характеризуя в целом третий крупный тип хозяйственной деятельности населения Средней Азии — ремесленное производство, необходимо отметить следующее.

Ремесленное производство в земледельческих районах было высокоразвитым, очень сильно специализированным самостоятельным видом хозяйственной деятельности. Наряду со специализацией «вширь», т. е. с дробной специализацией в производстве каких-либо товаров, здесь уже длительное время существовала большая специализация и «вглубь», разделение процесса труда между мастерами при изготовлении какой-либо одной вещи; ткачи только ткали из готовой нити, красильщики только красили ткань, а отделочники только ложили ее. Продавали ее тоже специальные люди — купцы.

За последнее тысячелетие среднеазиатское ремесло значительно изменило свою географию. К началу XIX в. ремесленные центры на западе страны почти полностью прекратили свое существование и полностью переместились к востоку от Амударьи. Резко сократилось количество ремесленной продукции в Хорезме и в других районах, непосредственно примыкающих к «кочевой степи». Одной из причин этого явления, вероятно, является процесс интенсификации оседания кочевников в оазисах. Оседая на окраинах оазисов, вчерашние кочевники постепенно переходили к земледелию, сохраняя много скотоводческих традиций в быту и хозяйстве. Эти традиции не требовали в больших размерах употребления разнообразной ремесленной продукции; существенно повысился спрос

лишь на сельскохозяйственный инвентарь. В то же время этот спрос не смог стимулировать резкое увеличение ремесленного производства, ибо этому препятствовал другой процесс, вызванный к жизни переходом скотоводов на оседлость, пусть порой и на неполную. Он заключался в том, что у вновь осевших групп под влиянием новых хозяйственных условий стали складываться предпосылки к развитию своего ремесленного производства. Постоянные войны, хозяйственная нестабильность нарушили и без того не очень прочные экономические связи торгово-ремесленных центров с сельскохозяйственной периферией, вызвав к жизни процесс формирования «своего» ремесленного производства не только у недавних кочевников, но и оседлого населения, где общинные ремесленники также активизировали свою деятельность.

Этот процесс распространения ремесла «вширь» был остановлен присоединением Средней Азии к России и вытеснением со среднеазиатского рынка большинства ремесленных товаров привозными фабричными. В первую очередь это коснулось металлических изделий и тканей.

Отрицательное влияние на состояние и развитие многих видов среднеазиатского ремесла оказала слабая сырьевая база. В позднее средневековье добыча железной руды и руд цветных металлов явно не соответствовала потребностям общества и тормозила его развитие в целом. Реально существовавшие запасы полезных ископаемых не разрабатывались не только по объективным причинам, но и по прихоти правителей. Так было, например, в XIX в. в южных пограничных районах современного Узбекистана и Таджикистана.

В общем же производство ремесленной продукции в земледельческих оазисах Средней Азии накануне ее присоединения к России вышло за рамки кустарного и в ряде ремесел сложились предпосылки для перехода к более высокому уровню. Убедительным примером в этом отношении служит ремесленное производство Бухары. Значительно меньшее развитие получило ремесло в других городах, где порой оно не полностью отделилось от сельского хозяйства.

Торговля

Роль торговли в хозяйственной жизни народов Средней Азии, насколько можно судить по дошедшим источникам, уже в первых веках нашей эры была очень велика. К сожалению, мы мало знаем о внутренней торговле в ранние периоды истории. Сохранившиеся свидетельства в большей мере освещают внешнеторговую деятельность и особенно отмечают важность «шелкового пути» из Китая в страны Средиземноморья и Европу, проходившего через Среднюю Азию.

Значительно больше сведений о торговле сохранилось в до-

кументах, относящихся ко времени после арабского завоевания. К тому же времени относится богатый и разнообразный нумизматический материал, отражающий развитие товарно-денежных отношений вообще и торговли в частности. Источники свидетельствуют о существовании прочных торговых связей тогда с Византией, о вывозе из Средней Азии тканей, лошадей, драгоценных камней и других товаров. К X в. города становятся центрами внутренней торговли, а наиболее купные из них — внешней торговли. В это же время впервые упоминаются в письменных источниках большие базары в торгово-ремесленных селах, многие из которых надолго сохранили свое значение торговых центров.

В настоящее время трудно дать определенный ответ на роль купцов во внутренней торговле, т. е. насколько глубоко зашло разделение труда внутри среднеазиатского общества. Неясно, сам ли ремесленник продавал свои изделия или реализация товара была в руках специальных людей — купцов.

Что же касается внешней торговли, то здесь роль купечества как главного действующего лица не подлежит сомнению. Источники отмечают, что торговля велась не только с целью приобретения вещей, необходимых для жизни той или иной семьи. Довольно широко (об этом свидетельствует сам факт упоминания в источниках) практиковалась покупка товаров для перепродажи. Одновременно есть упоминания об увеличении внешней торговли с западными странами и кочевой степью. Возможно, эти перекупщики выступали в роли поставщиков товаров скотоводам через рынки, располагавшиеся на границе оазисов и степи. Несомненно, что часть товаров через купцов-перекупщиков поступала и в горные районы Средней Азии, отдаленные от ремесленных центров. Скорее всего с этими районами уже в средние века сложились довольно прочные торговые связи. Это обстоятельство порой не учитывается исследователями, и найденные во время археологических работ многочисленные свидетельства ремесленных изделий принимают за местное производство.

Отмечается большое развитие караванной торговли и ее высокая организация. Существовали постоянные караванные пути, на которых сооружались постоянные дворы — караван-сарай. Не редкостью были караваны, насчитывавшие по несколько тысяч человек, сотни верблюдов и имевшие большую охрану. Из Средней Азии караваны направлялись в Булгар, Русь, Западную Азию и т. д. Из Европы в Среднюю Азию ввозили меха, мед, рабов, дубильные вещества, кожу и скот. Обращает на себя внимание факт импорта кожи и скота в страну, где громадные степные пространства заняты кочевниками-скотоводами. По крайней мере, это обстоятельство можно объяснить двумя причинами. Первая — невысокая товарность скотоводческого хозяйства, где сколько-нибудь заметное со-

крашение стада ведет к невосполнимой утрате жизнеспособности семьи. Возможно, что в это время еще не сложилось той резкой имущественной дифференциации в скотоводческом обществе, которую можно наблюдать позднее. Богатые скотоводы, имевшие большие стада, позволявшие им, не снижая прожиточного уровня, отчуждать значительную часть животных на обмен или продажу, — явление не столь частое. Если же судить по базарам Бухары XIX в., то положение мало изменилось и накануне присоединения Средней Азии к России. Здесь старшина торговцев мясом распределял скот между отдельными людьми, так, чтобы не обойти кого-либо и не оставить без товара, т. е. без заработка. Это свидетельствует об известном дефиците скота на рынках оазисов.

Второй причиной импорта скота являлось закрытие рынков в оазисах для кочевников после их набегов на оседлые области. Земледельцы хотя и несли определенные убытки, но далеко не в таком объеме, как скотоводы. Эпизодически нехватка скота на базарах определялась неблагоприятными погодными условиями, когда после тяжелых зим скотоводы, чтобы сохранить оставшийся в живых скот для расплода, резко сокращали его поставку на рынки. С учетом экстенсивности скотоводческого хозяйства сокращение стад по разным причинам, в том числе и по погодным условиям, не было редким явлением.

Иное положение сложилось в кочевой степи. Денежное обращение там практически никакими источниками не зафиксировано. Исследователи средневековой истории Средней Азии единодушно говорят не о торговле оазисов со степью, а об обмене. Это лишний раз свидетельствует о неразвитости товарного производства в кочевом обществе.

В период монгольского нашествия и полной хозяйственной разрухи торговля, как внутренняя, так и внешняя, влачила жалкое существование — нечем было торговать. Только к началу XV в. торговая деятельность в Средней Азии оживилась, и вплоть до начала XVII в. мы можем говорить о периоде подъема и развития торговли.

Сильный удар не только по внешней, но и по внутренней торговле нанесло закрытие трансасиатского торгового пути — из Восточной Азии в страны Причерноморья. Причиной этого события послужили великие географические открытия и перенесение перевозки грузов сухопутными караванами на морские дороги Индийского и Атлантического океанов.

Многие города Средней Азии, лежащие на этом пути, являлись перевалочными и, что особенно важно, перекупочными пунктами. Доходы от этих операций приносили большие барыши среднеазиатскому торговому люду.

К этому же времени относится активизация торговых отношений Средней Азии с Россией. Особенно активно велась

торговля с Сибирью, где русское правительство сняло пошлины со среднеазиатских товаров. Сохранялись значительные торговые связи с Индией и Ираном. Среднеазиатские купцы были поставщиками индийских, афганских и иранских товаров на русский рынок.

К середине XVII в. Средняя Азия представляла собой громадную, разоренную войнами и поборами страну. Торговля как и хозяйство в целом, была в упадке. Хотя из Средней Азии и вывозили оружие, ковры, ткани, ремесленное производство не могло обеспечить торговлю необходимыми товарами. В значительных размерах продолжала существовать транзитная перекупочная торговля. В руках богатых купцов сосредоточивались большие денежные ссуды. Процветало ростовщичество.

Торгово-ростовщическая финансовая верхушка в тех конкретных условиях политической нестабильности и произвола правителей не вкладывала деньги в развитие ремесла и сельского хозяйства. Прибыль от торговли, как от транзитной, так и от внутренней и внешней, оседала в сундуках, а не шла на развитие хозяйства. Это одна из важных причин отсталости Средней Азии.

Очень важное значение имела торговля во взаимоотношениях между земледельческими оазисами и кочевой скотоводческой степью. Кочевое общество не может существовать самостоятельно, без тесных экономических связей с земледельцами.

Кочевники и скотоводы вообще получали из оазисов в обмен на скот массу необходимых для жизни товаров. В первую очередь хлеб, без которого кочевники не могли обходиться. Порой даже в специальной этнографической литературе высказывается мнение, что основу пищевого рациона среднеазиатских кочевников-скотоводов составляет мясо. Это далеко не так. Если бы скотоводы питались в основном мясом, то, как это показывают простейшие расчеты, средней зажиточности скотовод съедал бы вместе с семьей свое стадо за 3—4 года. Основу их пищи составляли молочные продукты и хлеб, который кочевники сами не выращивали. Кроме хлеба скотоводы в обмен на скот получали ткани, металл и другие товары, производимые в оазисах.

Торговля была важным инструментом, при помощи которого правители среднеазиатских государств регулировали свои взаимоотношения со степью. В ответ на набеги кочевников на оседлые районы они закрывали для кочевников базары на границах оазисов и степей, после чего последние вынуждены были подчиняться владельцам Бухары, Хивы, Ташкента и других политических государственных образований. Особенно часто этим приемом пользовались хивинские ханы. Скотоводы часто были вынуждены искать другие рынки, на которых они могли бы обменивать скот на необходимые товары.

К XVII в. установились прочные экономические связи между кочевниками западных и северных районов Средней Азии с Русским государством, что и явилось одной из главных причин добровольного вхождения казахов и части туркмен в состав Российской империи.

К моменту присоединения Средней Азии к России уровень развития торговли в различных районах был неодинаковым. В крупных городах, где преобладало ремесленное и чиновничье население, торговля, несомненно, играла главную роль в снабжении жителей продовольствием и сырьем.

Меньше торговля значила для оседлых земледельцев сельской местности, и очень слабо были развиты товарно-денежные отношения в горных районах страны. Особой, как отмечалось, была роль обмена товарами между земледельцами и скотоводами. Отличны были и формы этой торговли-обмена.

Исходя из этого положения, нельзя представлять средневековую торговлю в Средней Азии и торговлю нового времени только по городским образцам Бухары, Самарканда, Ташкента и других торгово-ремесленных центров, в которых купцы и торговцы составляли особую группу, выступавшую посредниками между непосредственными производителями и потребителями продукта.

Во многих видах городского ремесленного производства, например чугунолитейного, ремесленники были полностью отделены от реализации своей продукции на рынке. Этим занимались купцы-перекупщики, не участвовавшие в производстве. Однако это справедливо не ко всем видам ремесленного производства. Во многих случаях мастер был сам и продавцом. Положение резко изменилось после присоединения Средней Азии к России, когда выросла роль купечества.

* * *

Говоря о хозяйственной деятельности населения Средней Азии, необходимо еще раз подчеркнуть очень важное обстоятельство, имеющее первостепенное значение для понимания всех проблем общественной организации, этнической и политической истории народов Средней Азии. Хозяйственная деятельность, или хозяйство среднеазиатских народов, имеет очень много принципиально различных вариантов, которые складываются из различных типов земледелия, различных типов скотоводства и различных уровней развития ремесла и торговли.

Разнообразные сочетания скотоводства и земледелия, формирующие варианты хозяйственной деятельности, не имеют этнической обусловленности. Они определены главным образом географическими условиями, в которых в конкретный мо-

мент находится та или иная группа населения. Учитывая чрезвычайное разнообразие природных условий, которые существуют в Средней Азии, следует с большой осторожностью делать всевозможные обобщения, касающиеся хозяйственной деятельности и, что особенно важно, общественных отношений и социальной структуры того или иного народа или населения какого-либо большого территориального массива. Общественные отношения в каждом конкретном обществе независимо от его размеров надо рассматривать отдельно в связи с его хозяйственной деятельностью. Только в этом случае можно проследить и понять всю сложность и неоднозначность, многоукладность общественного строя народов Средней Азии и его этнический аспект.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Проблема социальной организации народов Средней Азии остается до настоящего времени одной из самых острых и дискуссионных в исторической науке. Существует много различных, часто взаимоисключающих концепций относительно общей оценки общественного устройства среднеазиатского общества (от земледельцев эпохи бронзы и до присоединения Средней Азии к России).

Не дали положительного результата и многочисленные дискуссии, посвященные этой проблеме. Применительно к рассматриваемому времени суть этих разногласий сводится к определению уровней развития феодальных отношений у населения Средней Азии и степени сохранения «родо-племенных пережитков». В этом вопросе нет единства взглядов.

Часть исследователей считает, что независимо от способа добывания материальных благ и вида хозяйственной деятельности у всех народов Средней Азии, с небольшими хронологическими интервалами, уже в раннем средневековье (VI—VII вв.) сложились, а к развитому (IX—XII вв.) полностью оформились феодальные отношения. По мнению этой группы ученых, не может быть принципиальной разницы в общественных отношениях у оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов. Что же касается сохранения каких-то дофеодальных форм социальной организации, то они могут рассматриваться лишь как пережиточные институты, маскирующие феодальные отношения. Эта, довольно широко представленная в литературе 50-х — начала 60-х годов нашего столетия концепция имеет своих сторонников и по сей день. Построенная на очень ограниченных, порой тенденциозно подобранных источниках она весьма далека от действительности. Как правило, все исследования сторонников «феодальной» теории основываются на противоречивых и тенденциозно составленных письменных источниках.

По-иному трактует социальный строй народов Средней Азии другая группа исследователей, считающая, что при оценке общественной организации первостепенное значение имеют различия в способе добывания материальных благ, которые существуют между земледельцами и кочевыми скотоводами.

Исходя из этого положения и основываясь на широком круге источников, они дифференцируют общественные отношения населения Средней Азии. В первую очередь это относится к оценке дофеодальных форм социальной организации и выявлению многоукладности среднеазиатского общества.

Определяя характер (с большими оговорками) социально-экономических отношений у земледельческого населения крупных оазисов как патриархально-феодальные, эти ученые считают, что у кочевых скотоводов общественные отношения не развились до уровня феодальных и что классовая дифференциация кочевнического общества находилась на более низкой ступени развития, нежели у земледельцев.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению форм собственности, социальной стратиграфии и способов эксплуатации, сложившихся у народов Средней Азии, необходимо отметить ряд общих положений, во многом определивших особенности социальной организации у народов Средней Азии.

1. Все процессы в хозяйственной и социальной областях жизни среднеазиатских народов протекали в постоянных контактах (мирных и военных) между двумя большими хозяйственно-культурными типами — оседлыми земледельцами оазисов и кочевыми скотоводами степей и гор.

Эти контакты создали чрезвычайное многообразие комбинаций из различных видов земледельческого и скотоводческого хозяйства.

2. Политические ситуации, в которых оказывались народы среднеазиатского региона, были далеко не одинаковыми. Наряду с населением, имеющим многовековую государственность, большие массивы кочевого скотоводческого населения в лучшем случае только формально числились в составе тех или иных монархий.

3. Уровень развития хозяйства у разных групп населения Средней Азии, в основном среди земледельческого населения, был неодинаков, и даже в рамках одного народа он имел большие градации.

4. В рассматриваемое время у народов Средней Азии этнические границы не совпадали с границами хозяйственной деятельности и у одного народа в зависимости от условий жизни складывались различные формы социальной организации.

Следовательно, следует определить среднеазиатское общество как многоукладное, в котором ведущие формы социальных отношений не равнозначны.

Общественные отношения у земледельческого населения

Зарождение классовых отношений в среде оседлого земледельческого населения Средней Азии относится к эпохе бронзы (середина III — начало II тыс. до н. э.). Археологические памят-

ники подгорной полосы Копетдага дают много свидетельств этого процесса. Замирание цивилизации в Южной Туркмении в конце бронзового века оборвало сведения о становлении ранних форм государственности. Достоверными известиями о социальной структуре среднеазиатских земледельцев мы начинаем располагать лишь с середины I тыс. до н. э., когда южные районы Средней Азии были включены в сферу влияния Ахеменидской державы. В это же время классовые отношения складываются у земледельцев Хорезма и долины Зеравшана.

Характер этих отношений до конца неясен. Обсуждение их в исторической науке вылилось в дискуссию об «азиатском способе производства». Суть ее состоит в определении характера социальных отношений в земледельческих обществах, где земледелие основано на крупных ирригационных системах. Считать ли «азиатский способ», неоднократно упоминавшийся К. Марксом в его работах⁹, самостоятельной, шестой, общественно-экономической формацией, свойственной «азиатским» народам, или пятичленная периодизация остается в силе?

В ходе дискуссии ни сторонникам «азиатского способа» производства, ни его противникам не удалось доказать свою правоту. Состояние источниковедческой базы в настоящее время таково, что окончательное решение этого вопроса еще преждевременно.

Что касается времени становления феодальных отношений в Средней Азии, то здесь также нет единства мнений. Одни исследователи считают, что феодальные отношения стали складываться еще до завоевания Средней Азии арабами, другие — в послеарабское время, отводя в этом процессе заметную роль арабским завоевателям.

Единого решения этого вопроса, в силу ранее изложенных причин, быть не может. Неодинаковый социально-экономический уровень развития отдельных областей региона не мог служить базисом для одновременного формирования новой, одинаковой для всех групп населения общественно-экономической формации.

К началу XIX в. развитые классовые отношения и резкая имущественная дифференциация населения были характерны для жителей всех сколько-нибудь крупных оазисов Средней Азии.

В силу различных конкретных политико-экономических причин характер и степень развития их в различных государственных образованиях были неодинаковыми. Здесь, далеко не в одинаковой мере, соседствовали, причудливо переплета-

---

⁹ См., например: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 461—508.

лись и накладывались друг на друга различные уровни общественного развития.

Определяя тип социальных отношений в большинстве земледельческих обществ Средней Азии как патриархально-феодальный¹⁰ (феодальные отношения с очень большой долей дофеодальных институтов в общественной жизни), следует подчеркнуть, что этот тип был не единственным.

Хозяйственные и природные условия среднеазиатских государств были неодинаковыми, что создало специфику в формах собственности на землю.

В Хивинском ханстве вся земля считалась собственностью государства, которой мог неограниченно распоряжаться хан как глава мусульманской общины. Это формальное положение шариата (мусульманского канонического права) на практике не соблюдалось.

Пригодные (орошенные) для обработки земли делились на 4 категории:

- 1) «мамляка-и-падшахи» (или «хасе») — государственные земли;
- 2) «мульк» — частновладельческие земли;
- 3) «вакф» — церковная земля;
- 4) «атлык» — туркменские земли.

На неорошенные земли — степные и пустынные пастбища, номинально числившиеся «Хивинскими владениями», — власть хана не распространялась даже минимально, как и на обрабатываемые туркменами «озерные» земли, расположенные за пределами собственно Хорезмского оазиса.

Условность такого деления становится очевидной, как только предпринимается попытка совместить эти категории с понятиями «собственность» (свободное отчуждение земли), «владение» (наследственное, бессрочное пользование землей с ограниченной возможностью отчуждения) и «пользование» (пользование землей, ограниченное во времени и не дающее право на отчуждение).

В реальной собственности находились различные категории мульков: земли ханского дома, пожалованные ханом саяновникам наделы, часть крестьянских земель (они составляли менее 10% всей обрабатываемой площади) и большинство атличных земель, которые рассматривались крупными туркменскими племенами не иначе, как их собственность.

Происхождение «собственных» земель — мульков чрезвычайно разнообразно. Помимо ханских пожалований мульки, например, расширялись за счет насильственного захвата общинных земель, за счет орошения «мертвых» участков и путем покупки, что особенно распространилось к концу XIX в.

¹⁰ КПСС в решениях и резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М., 1970, с. 252—253.

В наследственном, бессрочном «владении» находились «старые» (давно освоенные) государственные земли, которые считались сданными в аренду на бессрочное время. Это было большинство «общинных» земель.

К этой же категории относились земли небольших, не имевших атлыков туркменских групп. С развитием товарно-денежных отношений участились случаи продажи таких земель. К концу XIX в. много «арендованных» государственных земель практически превратилось в частнособственнические (мульк).

Наконец, «пользование» землей наиболее применимо в отношении арендованных участков мульков и вакуфов. Арендаторы получали право на обработку земли за часть урожая на определенный (5—10 лет) срок. Наиболее свободной была аренда вакуфных земель. Арендатор мог продать или передать право обработки земли другому лицу. Неизвестны случаи отчуждения вакуфных земель.

Выделенные формы землепользования отражают лишь главные, ведущие направления. В каждом конкретном районе ханства соотношение категорий земель и реальное землепользование имело много вариантов. Эти реальные формы землепользования определили и налоговую систему ханства.

К середине XIX в. (по более ранним периодам нет достоверных свидетельств) все земли облагались натуральным налогом «харадж», который постепенно вытеснялся денежным налогом «салгут». Система обложения денежным налогом не учитывала качества земли, а исходила только из ее количества. С участка в 10 и более танапов (мера земельной площади немногим более 4000 м²) взимался налог в размере 3 тилля, и в то же время надел до 5 танапов облагался налогом в 1 тилля. Это было выгодно крупным землевладельцам.

От налога было освобождено незначительное количество земель приближенных к хану сановников. Эти наделы назывались «ярлык-мульк». Не совсем ясен вопрос об обложении налогом вакуфных земель. Скорее всего они были «обеленными», т. е. освобожденными, от налога. Государственный налог на атлычные земли выступал в виде воинской повинности туркмен.

Основной формой получения ренты была сдача земли в аренду на условиях отдачи арендатором владельцу земли доли урожая, которая колебалась от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{5}$. Условия аренды определялись наличием у арендатора орудий труда, рабочего скота и семян.

В соответствии с видом обрабатываемой земли арендаторы делились на «каранду» — обрабатывающие мульковые земли, «вакуфчи» — работающие на церковных землях и «битвана» — арендаторы вновь освоенных государственных земель. Последняя категория формировалась из безземельных

крестьян, которых государство наделило землей из фискальных соображений.

Кроме взимания государственного поземельного налога (арендаторы вакуфов его не платили) крестьяне должны были вести большие работы по очистке каналов и арыков. Особенно тяжелой эта повинность была для узбеков и каракалпаков, которых администрация ханства заставляла поддерживать в порядке оросительные каналы, подающие воду не только на обрабатываемые ими поля, но и чистить ирригационные сооружения, подводящие воду на всю государственную землю.

В этом отношении следует отметить особое положение туркменских «атлычных» земель. Туркмены получали землю «атлык»¹¹ за обязанность нести воинскую службу в войске хана. Эти земли, как правило, располагались на окраинах оазиса — в концах оросительных систем. Номинально считавшиеся государственными, они орошались «государственной» водой, т. е. туркмены не должны были чистить сами оросительные каналы. Этим обстоятельством пользовались ханы для «умиротворения» туркмен. Они или закрывали каналы вообще, или не проводили их чистку, что в одинаковой мере отрицательно влияло на земледелие. Никакого другого налога туркмены за атлык не платили.

Некоторые исследователи атлычную форму землепользования выдвигали в качестве основного довода в пользу доказательства наличия в Хивинском ханстве развитых феодальных отношений. Это глубокое заблуждение. Туркмены получали лишь землю и воду, но не крестьян, которых не было на этой земле, и обрабатывали эту землю сами. Что же касается присвоения ими части труда, затраченного на очистку ирригационной системы оседлыми узбеками и каракалпаками, то это было в большей мере, как отмечалось, выгодно хивинской администрации. Туркмены постоянно требовали права самостоятельной очистки каналов, чего они смогли добиться после неоднократных восстаний лишь в начале XX в.

Нечеткость и неоформленность форм собственности на землю в Хивинском ханстве нашли свое отражение и в очень расплывчатой социальной стратиграфии общества. При наличии самых диких форм эксплуатации не было четкого сословного деления на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Кроме рабов — захваченных военнопленных, все население считалось свободным. Никакой, кроме кабальной (за различные виды долгов), личной зависимости не существовало. Во главе стоял хан, окруженный высшими сановниками и военачальниками — главами туркменских и узбекских племен.

Все сколько-нибудь важные государственные должности,

---

¹¹ Атлык от слова «атлы» — всадник. С каждого атлыка туркмены должны были выставять одного вооруженного всадника.

как правило, занимали или родственники, или соплеменники хана. Занятие тех или иных должностей в ханстве было далеко не всегда наследственным и всецело зависело от воли хана. Единственной гарантией неприкосновенности жизни и имущества верхушки хивинского общества (как, впрочем, и всего населения) было благорасположение правителя и наличие сильных «родственников» в виде того или иного кочевого, а стало быть, и военного племени или крупного его подразделения. Менее значительные государственные должности занимали выходцы из оседлых узбеков.

Вторую группу составляло духовенство. Иерархическая стратификация здесь четко выдерживалась лишь по линии судопроизводства, которое осуществлялось на основе шариата. Наиболее приближенные к хану представители ортодоксального духовенства не всегда обладали реальной властью. Значительно большее влияние на население имели различные ишаны, суфии, ахуны и т. п. служители «неофициального» культа.

Непосредственные производители материальных благ — земледельцы также не были однородной группой. Имущественная дифференциация здесь сочеталась с дифференциацией социальной. Помимо деления на бедных и зажиточных крестьяне делились на мульткодаров и арендаторов. Часто мульткодар был беднее арендатора его собственной земли, так как, не имея своего рабочего скота, орудий труда и семян, «безлошадные» крестьяне сдавали землю в аренду. Это был один из способов, при помощи которого большие земельные угодья скапливались в руках сельских богатеев — баев.

Низшую ступеньку в хивинском обществе составляли рабы. Это были военнопленные, захваченные во время войн и разбойничьих набегов на соседние страны. По отношению к общей массе населения их численность была небольшой, и существенной роли в хозяйственной жизни рабский труд не играл. Социальное неравенство различных групп населения Хивинского ханства дополнялось национальным. Узбекские кочевые племена, завоевавшие в начале XVI в. Хорезмский оазис, были наиболее привилегированной группой населения. Из их среды происходили все ханские династии. В наиболее тяжелом положении находилось оседлое земледельческое население. К концу XVIII — началу XIX в. многие узбекские племена перешли на оседлость и занялись земледелием и роль главной военной силы ханства перешла к крупным туркменским племенам, расселенным на окраинах оазиса. В тяжелейшем положении находилось каракалпакское население. Оно занимало самые неудобные для обработки земли и постоянно подвергалось нападениям и грабежам со стороны кочевых племен. На все формальные, регламентированные шариатом, реально существующие и межнациональные виды землепользования накладывались специфические внутриведомственные

отношения оседавших скотоводов. Все это, вместе взятое, указывает на неоднозначное определение социальных отношений в Хивинском ханстве.

Столь же сложными и неодинаковыми были общественные отношения населения Бухарского эмирата. Наиболее четко классовые различия оформились в развитых земледельческих районах, расположенных вдоль среднего и нижнего течения Зеравшана. В остальных частях эмирата, где вплоть до конца XIX в. можно было наблюдать почти все выделенные виды хозяйственных занятий, социальные отношения были на разных уровнях — от раннеклассовых до так называемых патриархально-феодальных.

Как и в Хивинском ханстве, в Бухарском эмирате вся земля формально считалась государственной, и ею неограниченно распоряжался эмир. По категориям, определенным, как и в Хивинском ханстве, шариатом, вся земля делилась на следующие категории:

- 1) амляк — официальное название всех государственных земель;
- 2) мульк — частная земля;
- 3) вакф — церковная земля.

Несмотря на внешнее сходство с Хивой, землепользование в Бухарском эмирате имело существенные различия. Выделенные категории земель еще в большей мере не совпадали с реальным правом на ее пользование, владение и собственность.

Наибольшие споры среди исследователей вызывает категория амляковых земель. Одни считают, что амляковые земли находились в полной реальной собственности эмира. Другие, наоборот, полагают ограниченное право эмира на государственную землю и в качестве реальных владельцев называют крестьян-общинников, выделяя в общинных землях два вида: 1) земли, не подлежащие переходу в мульковые, 2) могущие перейти в разряд мульков. Такое решение вопроса о характере амлякового землепользования во многом способствует выяснению механизма увеличения мульковых владений, наблюдаемое в последние десятилетия XIX в. на территории эмирата. Кроме этого, более свободное распоряжение амляковыми землями, в реальной жизни рассматриваемые часто как мульковые, объяснят и рост различных вакуффов к началу XX в.

Скорее всего спор о характере амлякового землепользования отражает различные исторические эпохи. После завоевания территории Бухарского эмирата Шейбани-ханом вся земля реально принадлежала верховному владыке, так как феодальные отношения были чужды кочевым скотоводам и они подходили к землевладению в оазисах не иначе, как с точки зрения пользования пастбищами, регулирование которого, на основе обычного права, было функцией главы той или иной

скотоводческой группы. С оседанием кочевников и восприятием ими существовавших у землевладельцев феодальных порядков отношение к земле, к праву ее использования резко изменились, но не настолько, чтобы формы землевладения и землепользования были четко определены и сформулированы. Значительные кочевые узбекские и туркменские группы на территории эмирата (особенно его южной и восточной частей) постоянно регенерировали скотоводческие «порядки» по отношению к земле.

Не только хозяйственная, но и политическая ситуация в различных частях эмирата была неодинаковой. Большой независимостью пользовались различные владения — бекства Восточной Бухары, где полунезависимые правители мало считались с «законными» нормами шариата. Центральная власть не вникала в конкретные дела бекств и интересовалась лишь регулярным поступлением налогов, что одновременно означало и политическую благонадежность правителя.

В этой связи и нечетко определялись остальные категории земли — мульк и в меньшей мере — вакф.

Как и в Хивинском ханстве, различные категории земель не совпадали с реальным землевладением и землепользованием. В понятие «собственные земли» следует включать различные виды всех категорий. В рассматриваемое время часть амляковых земель фактически была частновладельческой. В первую очередь это «оживленные» частным лицом, т. е. орошенные, земли. Практически собственником земли выступают общины. К этой же группе относились все мульки и часть вакуфных земель, так называемые «вакф авлоди». Последние представляли собой «родовой» вакф, который в Бухарском эмирате, в отличие от «вакф мутлак», облагался государственным налогом.

Этой формой «родового» вакфа активно пользовалась верхушка общества для сохранения от посягательств на свою землю со стороны правителей и сохранению неделимыми больших земельных угодий. Суть «родового» вакфа состоит в том, что землевладелец объявлял землю вакфом своего «рода» (авлода) и строго в завещании регламентировал распределение доходов с этой земли. Ярким примером такого вакфа стали громадные земельные угодья, собранные одним из самых мрачных мусульманских деятелей Средней Азии Ходжой Ахраром. Он завещал доходы от земли своим преемникам, которые должны принадлежать к его роду. Лишь небольшая часть доходов шла на церковные нужды. Основная расходовалась на содержание «рода».

Собственные земли постоянно пополнялись за счет покупки государственной земли. Как правило, это были новые «оживленные» за счет государства участки. И, наконец, несомненно собственностью считали все свои пастбища кочевые и полуко-

чевые племена независимо от того, в каком районе эмирата они жили.

«Владение» земель в Бухарском эмирате было понятием еще более расплывчатым, нежели в Хивинском ханстве. Скорее всего термин «владение» применим лишь на первоначальном этапе использования земли частным лицом или общиной. Со временем, как это видно из многочисленных документов, «владельческая» земля становится «собственной», и ее собственник (в том числе и коллективный) устанавливает над ней право свободного отчуждения, т. е. безусловной продажи.

Также неопределенным было и понятие «пользование» земель. Посаженные государством на «оживленные» земли крестьяне только первое время считали себя арендаторами земли. Постепенно и эти земли фактически превращались в муьлк.

В отличие от Хивинского ханства в эмирате классовое деление на эксплуататоров и эксплуатируемых выступало более четко. Хотя и здесь отсутствовала сословная иерархия, громадный бюрократический аппарат не мог сколько-нибудь успешно функционировать без определения прав и обязанностей того или иного чиновника. Это, в свою очередь, повлекло иерархию должностей и званий, которых было в эмирате великое множество. Однако далеко не все чиновники являлись «верхушкой» общества. Только высшие сановники центрального аппарата эмира и занимавшие аналогичные посты в канцеляриях бекств составляли высшую ступеньку социальной иерархии.

Все должности и почетные звания, которыми их наделял эмир, не были наследственными и от отца к сыну не переходили. Сыну необходимо было купить почетное звание, заплатив необходимую сумму в казну эмира.

Высшие должности в эмирате занимали наиболее богатые люди и члены ханского дома. По этому принципу строился и государственный аппарат бекств. Практически со сменой правителя какой-нибудь провинции эмирата менялся и состав всей его канцелярии.

Духовенство играло громадную роль во всех областях жизни. Помимо судебных функций, которые были им полностью монополизированы, высшие духовные сановники владели очень большими материальными ценностями, лично им принадлежавшими, и контролировали (не бескорыстно) распределение доходов от вакфов. Это давало им возможность активно влиять на всю внутреннюю и внешнюю политику государства. Не составляли исключения случаи, когда высшие государственные должности занимали служители церкви.

В отличие от светских вельмож, где наследование почетного звания требовало, как правило, письменного подтверждения эмира или бека, в среде духовенства передача звания по наследству (но не должности) была уже общепринятой. Здесь иерархическая лестница была очевидной.

Последнюю группу господствующего класса составляли просто богатые люди, не занимавшие никаких государственных должностей, но и они получали от эмира или бека те или иные почетные звания. Обладая реальным богатством, они располагали и реальной властью. Схожее положение занимали в эмирате вожди кочевых племен. Не имея официальных должностей, они оказывали громадное влияние военной мощью соплеменников на положение в Бухарском государстве.

Низшую ступеньку государственного аппарата занимали различные чиновники, непосредственно соприкасавшиеся с населением и выступавшие в глазах последнего главными виновниками всех бед и обид. Пользуясь практически бесконтрольностью своих действий, они безжалостно обирали народ.

Непосредственные производители — крестьяне в имущественном отношении были неоднородны. Наряду с зажиточными, превращающимися в сельских богатеев — баев были средняки и бедняки.

Система эксплуатации крестьян в Бухарском эмирате существенно отличалась от подобной системы в Хивинском ханстве.

Все земли, за исключением обеленных мульков и абсолютных вакфов, облагались государственным налогом. Кроме того существовала повинность по ремонту и очистке оросительной системы. Крестьяне оплачивали за счет урожая с земли расходы на содержание местной администрации, мечетей и несли целый ряд эпизодических повинностей.

Землевладельцы получали доход с земли путем сдачи ее в аренду. Последняя на территории Бухарского ханства была развита очень сильно. Существовало много терминов для обозначения различных видов аренды и арендаторов. Это обстоятельство затрудняет выяснение реальных взаимоотношений между землевладельцем и арендатором, так как в различных частях эмирата одинаковыми терминами обозначались разные группы арендаторов и, наоборот, разными терминами обозначались одинаковые группы арендаторов.

Арендаторы делились на категории, различающиеся по наличию или отсутствию рабочего скота, орудий труда и скота, сроков и дополнительных условий аренды. На этих тружеников падала вся тяжесть налогового обложения. Как правило, арендатор земли, реально находившейся в собственности того или иного лица общины, в работах по очистке каналов (если это не было специально оговорено в условиях аренды) не участвовал. В то же время арендаторы, по существу, оплачивали все официальные налоги, существовавшие в эмирате.

Из урожая, собранного с арендованного участка, выделялся государственный налог, часть урожая забирала церковь,

определенная доля шла на содержание местной администрации и другие цели. Оставшийся урожай арендатор и землевладелец делили между собой.

При самых льготных условиях аренды крестьянин получал не более 1/2 оставшегося урожая. Нередки были случаи, когда крестьянин получал 1/10 часть урожая, оставшегося после уплаты налогов.

Громадный бюрократический аппарат Бухарского эмирата требовал очень больших средств. Казна в лучшем случае могла взять на себя лишь половину расходов. Остальные средства добывались за счет предоставления высшим чиновникам права сбора налогов с населения определенных районов, размер которых был прямо пропорционален занимаемой чиновником должности. Такое пожалование получило название «танхо». Оно открывало, по существу, неограниченные возможности к злоупотреблениям со стороны держателей танхо и фантастическому увеличению налогов. Разорившиеся крестьяне, не имея ни земли, ни орудий труда, ни семян, вынуждены брать все это в долг у богатеев (в том числе и духовных) под грабительский процент. Не имея возможности во время вернуть долг, крестьяне попадали в кабалу к займодателю и работали на него практически лишь за еду и одежду. Долг отца переходил к сыну, и долговая кабальная зависимость таких крестьян была бесконечной.

Социальная организация общества в третьем крупном государстве Средней Азии рассматриваемого периода — Кокандском ханстве — мало отличалась от Бухарского эмирата. И формы землевладения, и система эксплуатации крестьян по своему существу были те же. Власть кокандского хана, пожалуй, была более деспотичной, нежели в эмирате. В основном земледельческом центре ханства — Ферганской долине — земельный голод ощущался острее, чем в Хиве и Бухаре. Доходы казны от земледелия были невелики, что вынудило государство заняться ирригационным строительством — сооружением новых больших систем для орошения «мертвых» земель. После присоединения Средней Азии к России Кокандское ханство, в отличие от Хивинского и Бухарского эмирата, было ликвидировано и его территория вошла в состав Российской империи. На Фергану распространилось действие российских законов.

Значительные отличия и в формах собственности, и в системе эксплуатации наблюдались на окраинных землях среднеазиатских государств, где расселялось полукочевое население. Власть правителей распространялась на них лишь номинально, и там сложились свои, отличные от центральных районов, «метрополий», порядки. Социальную структуру населения этих территорий целесообразно рассмотреть после анализа социальной организации кочевников-скотоводов, поскольку

«кочевнические традиции» в их общественной жизни играли важную роль.

Подводя итог рассмотрению форм социальной организации в оседло-земледельческих оазисах Средней Азии, следует остановиться на очень важном моменте, определившем особенности и общественных отношений в целом, и формы земельной собственности, и формы эксплуатации. Это раздельная собственность на землю и на воду. Если «собственность», «владение» и «пользование» включали в себя различные категории и формы отношения лица или коллектива к земле, то в отношении к воде реально существовала только государственная собственность. Именно поэтому налогом облагались только орошенные земли. Количество «частной» воды, т. е. частных ирригационных систем, выведенных из сколько-нибудь существенных водных артерий, было ничтожно мало и не влияло на характер общественных отношений. Государственная собственность на воду была тем инструментом, при помощи которого верховная власть эксплуатировала трудовое население и сдерживала (насколько это было возможно в тех условиях) центробежные тенденции отдельных провинций. Только государству было посильно сооружение новых и содержание старых оросительных систем.

Эта расчлененная форма собственности на основное и главное для земледельца средство производства и определила все особенности общественной организации населения Средней Азии. Здесь не могли сложиться характерные для средневековой Европы порядки, как-то: прикрепление крестьян к земле — неорошенная (за исключением малопродуктивной богары), она ценности не представляла, а в одиночку крестьянин оросить ее не мог; социальная стратиграфия была очень подвижной, и сословного деления, за исключением духовенства, не было. В этой связи и не было сословных привилегий и прав в землевладении и землепользовании.

Общественные отношения у кочевников-скотоводов

Общественная организация. Как и у земледельческого населения, общественная организация у кочевников-скотоводов Средней Азии имела свои особенности. В отличие от земледельцев, где эти особенности в первую очередь имели территориальные границы и не совпадали с этническими, у кочевников-скотоводов формы общественной организации общества внешне имели ярко выраженную этническую специфику, которая, по-видимому, была обусловлена наряду с другими причинами, разными формами кочевого скотоводческого хозяйства.

До вхождения в состав Российской империи казахи объединялись в три жуза (иногда в литературе можно встретить термин «орда»). Старший жуз постоянно кочевал в восточных и юго-восточных районах Казахстана, младший — в северо-западной части, и Средний жуз кочевал в Центральном Казахстане. Границы кочеваний жузов были нечеткими и строго не соблюдались.

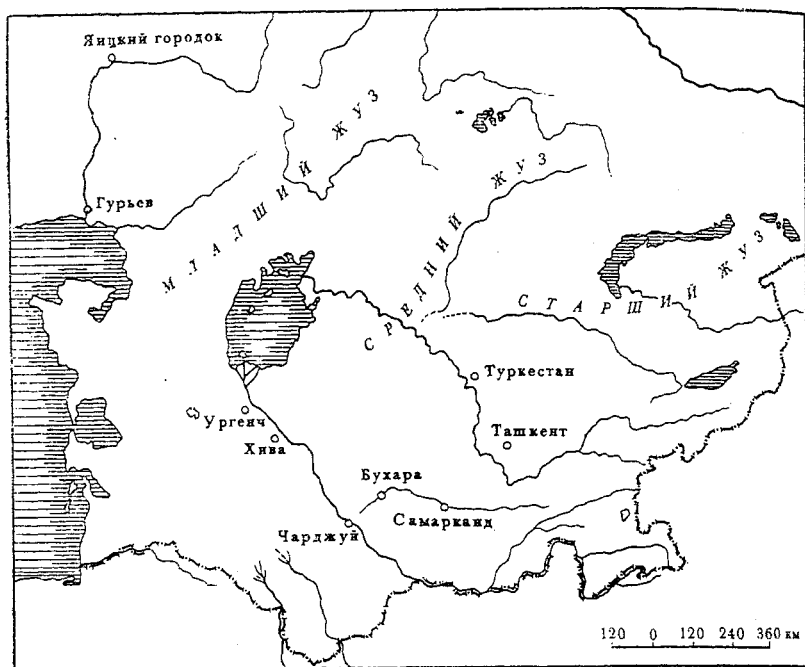

Рис. 13. Расселение казахских жузов в начале XVIII в.

Организационная структура жузов была разной. Малый жуз делился на два крупных «племени» — алчин и жедгиру. Алчин, в свою очередь, состоял из двух «отделов» — Каракисяк и Барулы, которые насчитывали 18 «родов». Жедгиру делился на 7 «родов».

В Средний жуз входило 4 племени — арчин, найман, кипчак, увак и гирей, — состоявшие из 43 «родов». В Старшем жузе было 10 «родов» без каких-либо промежуточных объединений. Каждый жуз возглавлялся выборным ханом.

Общественная организация туркмен имела много общих

форм, схожих с общественной организацией у казахов и киргизов. Все туркмены делились на племена («тайфа»), которые имели сложную генеалогическую лестницу. Особенностью туркменских племен был довольно строгий дуализм при делении племени на «отделы», «колена» и «роды». Четкого наименования «ступенек» этой лестницы не было. Все следующие за названием подразделения назывались одним термином «тире», которые могли насчитывать от нескольких тысяч до десятков хозяйств.

В туркменском обществе сохранялось в виде «родства» между племенами представление о каких-то более крупных объединениях. Скорее всего «родство» между такими крупными племенами, как текинцы, иомуты, сарыки и эрсаринцы, которое сохраняется в памяти старожиллов и поныне, отражает не единство происхождения, а отпочкование отдельных групп населения Западной Туркмении (где в средние века расселялись эти племена) от какого-то племени. По преданиям, этим материнским племенем были эрсаринцы. Другие туркменские племена также при помощи генеалогических связей (в данном случае неважно какими — вымышленными или реальными) «роднятся» друг с другом. Несмотря на отсутствие в прошлом своего государства и зафиксированных источниками «союзов» племен, туркмены четко осознавали свое единство как народа.

В процессе оседания туркмен в оазисах племенная организация не всегда сразу уступала место территориальной. Причина такого явления заключалась в том, что, за небольшим исключением (например, Хорезмский оазис и некоторые районы Бухарского эмирата), туркменские племена селились на землях, которые порой лишь номинально числились владениями Хивы, Бухары или на них претендовал иранский шах. Фактически государственной власти на этих землях не было, и племенная организация оставалась единственной формой организации общества. Лишь к концу XIX в. перешедшие к земледелию и расселенные на больших пространствах крупные племена, как, например, текинцы, утратили внутрплеменные связи, у них оформились территориальные группы, и текинцев стали подразделять на ахальских, тедженских и марыйских (Мургабский оазис).

Наряду с формированием «одноплеменных» территориальных групп значительно медленнее шел процесс складывания «полиплеменных» группировок. В большинстве случаев такие объединения складывались из небольших племен.

В целом же внутрплеменные связи к началу XX в. хотя и утратили прежнее значение, продолжали ощущаться в отдельных сторонах жизни туркмен.

Наши сведения об общественной организации кочевых узбекских племен до их оседания в оазисах очень фрагментар-

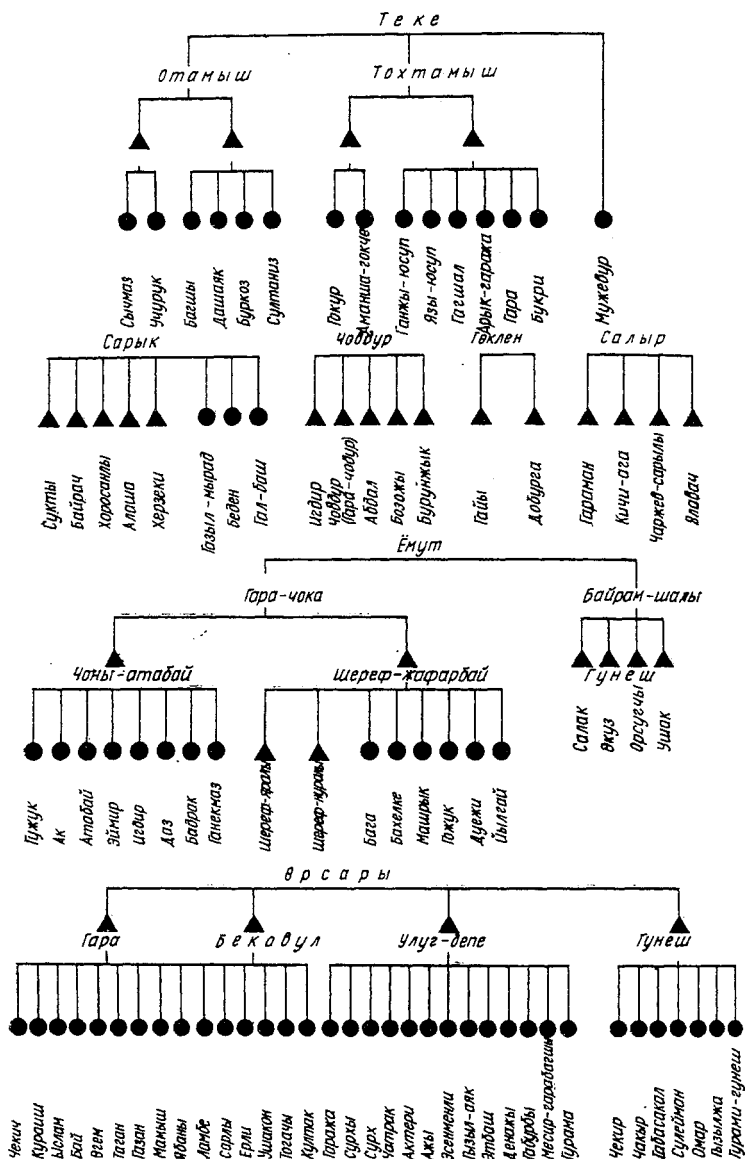

Рис. 15. Племенная структура туркмен

ны. Что же касается конца XVIII — начала XIX в., общественная организация узбеков-кочевников была такой же племенной, как и у туркмен. Структура племен в своей сущности также мало отличалась от туркменской. Больше всего различий было лишь в названиях племен и в терминологии, обозначающей понятия «племя», «колена», «род», «отдел» и т. д.

Наконец, киргизы делились на 4 крупных «отдела»: правое крыло—«он», левое крыло—«сол», Ичкилик и группа племен некиргизского и смешанного происхождения, которая в целом не имела специального названия.

Правое крыло («он») делилось на 3 отдела: Тагай (13 племен), Адигине (6 племен) и Мунгуш, состоящий из двух племен.

Левое крыло («сол») не имело деления на отделы и подразделялось на 8 племен. По такому же принципу строилась организация Ичкилик (10 племен), и «некиргизских» племен. Все киргизские племена распадалась на множество более мелких «родовых» групп.

До оседания в Хорезмском оазисе «племенной» принцип организации общества был свойствен и каракалпакам. В конце XVIII—начале XIX в. в рамках Хивинского ханства племенное деление уже не играло большой роли, но устойчиво сохранялось, регулируя некоторые стороны жизни.

Все каракалпаки делились на два арыса: Конград и Он-тортуруу. Конград состоял из двух отделений: Шуллак и Жауынгыр. Их организационная структура была разной. Первое отделение Шуллак включало в себя 8 крупных племен, распадавшихся на более мелкие «роды». Жауынгыр делений на племена не имело и состояло из 7 «родов». Арыс Он-тортуруу подразделялся на 2 пары племен. Одну составляли Кы-

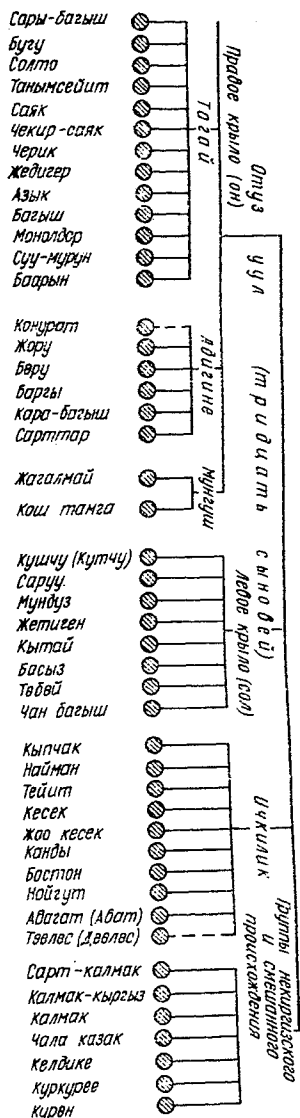

Рис. 17. Племенная структура киргизов

тай и Кипчак и другую — Кенегес и Мангыт. Каждое из этих 4 племен имело разветвленную структуру. Вплоть до 50-х годов XX в. отдельные старожилы из среды каракалпаков, как и других среднеазиатских народов, довольно хорошо знали родо-племенную структуру если не всего народа, то своего племени.

Основываясь на «племенной» форме организации общества кочевников-скотоводов, некоторые исследователи считали, что общественные отношения кочевников нельзя рассматривать иначе, как первобытнообщинные. Они не видели принципиального отличия между первобытным племенем и племенем средневековых (а тем более XX в.) кочевников.

Племена позднесредневековых кочевников были политическими, нестабильными образованиями, внутри которых протекала хозяйственная жизнь скотоводов; они занимали определенную территорию и охраняли ее от посягательств со стороны соседей и пришлых групп. Генеалогическое родство, якобы существовавшее между отдельными подразделениями племен, а часто и между крупными племенами, в большинстве случаев придумано скотоводами для идеологического обоснования существования политико-хозяйственного объединения. Эти родословные («седжере») хорошо отражают неустойчивость средневековых племен и племен нового времени. Известные в средние века крупные племена в XVIII—XIX вв. выступают как часть какого-либо племени, занимая различное место в иерархии нового образования. Средневековое название может носить и крупное тире, и небольшая группа семей. Например, в туркменском племени гокленов один из двух уругов носит название одного из самых могущественных средневековых племен — кайы. В то же время в другом гокленском уруге — дудорге — небольшое тире называется именем другого средневекового племени — геркез.

Неустойчивость племенных образований хорошо видна на примере очень большого туркменского племени иомутов. Их численность настолько увеличилась, что каждый из двух отделов — Карачока и Байрам-шалы — стал фактически самостоятельным племенем. Как только терялась хозяйственная и политическая целесообразность существования племени в старом виде, оно сегментировалось, и образовывались новые «родственные» племена. В различных частях Средней Азии эти процессы в зависимости от конкретных ситуаций имели специфические формы.

Формы собственности. В отличие от населения земледельческих районов Средней Азии, у кочевников формы собственности на основное средство производства — скот — четко определены и не имеют того разнообразия, как у земледельцев. Скот, насколько глубоко в прошлое позволяют проникнуть источники, всегда находился в частной собственности отдельных

семей. Ни «родовой», ни тем более племенной собственности на скот никакими материалами не зафиксировано.

Наибольшие споры среди ученых вызвал характер собственности на землю у кочевников. Кому принадлежали пастбища — частным лицам или коллективам людей — племенам и их более мелким подразделениям? Весь имеющийся в распоряжении науки конкретный материал свидетельствует, что пастбища до начала XX в. находились в общественной собственности. Только к концу XIX в. в отдельных, расположенных на стыке степей и оазисов, районах участились захваты пастбищ баями. Эта тенденция, сосредоточивание больших пастбищных угодий в качестве собственности в руках отдельных богачей, была прекращена законодательством России.

Раньше отмечалось, что для скотовода, как и для земледельца, просто земля в условиях Средней Азии ценности не представляет. Для ее использования необходима вода. В степных и пустынных районах Средней Азии, особенно в южной и центральной ее частях, обводнение пастбищ возможно лишь за счет устройства колодцев. Колодцев, находящихся в личной собственности, было ничтожно мало, и права на колодец не распространялись на прилегающую землю. Исследователи этого вопроса — вопроса форм собственности у кочевников — не обращали внимания на очень важное обстоятельство — реальное количество колодцев в том или ином месте, которое в специальной литературе и в нарративных источниках обозначается термином «колодец». В подавляющем большинстве их там бывает не меньше 3 и доходит до 10—12, а в отдельных случаях и больше. Такого количества воды более чем достаточно для водопоя стада одного, пусть даже крупного скотовода. Копать же колодцы без экономической целесообразности, затрачивая большие средства попусту, делать никто не будет. Если же признать, что один из колодцев был в частной собственности, то и тогда вопрос о собственности на пастбища не может быть решен в пользу частного владения, так как на частных пастбищах общественный колодец сооружаться не может.

Представления о пастбищах как о частной собственности, помимо свидетельств очевидцев степного быта, опровергаются также характером движения стад во время перекочевков. Последнее регулировалось обычным правом. Скотоводы внимательно следили (например, казахи), чтобы все двигались с одинаковой скоростью и не вырывались вперед с целью захвата лучших мест, откуда перевозанимателя нельзя было выдворить.

Социальное расслоение в обществе кочевников-скотоводов почти во всех случаях внешне имело ярко выраженный «национальный» характер. Наиболее четко оно проявлялось у казахов. Все казахи, независимо от имущественного положения,

делились на «черную» («карасуйек») и «белую». («ак суйек», «торе») кость. К «белой» кости относились все ханы и султаны. Это сословие было замкнутым. Из их среды выбирались ханы жузов и племен. Эти выборные должности занимали, как правило, наиболее богатые скотоводы. Реальной властью предводители крупных племен и жузов не обладали. Их авторитет основывался на личном богатстве и доблести, проявленной во время военных столкновений. Не обладая реальной силой (армию составлял вооруженный народ), ханы не оказывали существенного влияния на жизнь казахов. Им были подчинены только постоянно кочевавшие с ними скотоводы.

Все остальные казахи принадлежали к «черной» кости. Наиболее заметное положение на социальной лестнице этой категории общества занимали «тарханы». Происхождение тарханства недостаточно выяснено. Тарханы возглавляли крупные племенные подразделения и по влиянию не уступали ханам и султанам.

В таком же положении находились выборные предводители наиболее стабильных племенных подразделений — «бии». Во главе более мелких подразделений стояли «аксакалы». Тарханы, бии, аксакалы занимали низшую ступеньку привилегированной части общества. Должности и звания у «черной» кости не наследовались, так как они были выборными. Как и у ханов и султанов, влияние тархана, бия и т. п. должностного выборного лица зависело от его богатства и количества родственников, могущих его поддержать.

Накануне присоединения к России в казахском обществе значительное влияние стали приобретать военачальники — батыры. Наряду с воинской удачей основу их авторитета также создавало личное богатство.

Непосредственные производители — рядовые скотоводы — «букара» в имущественном отношении делились на зажиточных баев, середняков и бедняков. Не имевшие достаточного для самостоятельного хозяйствования количества скота нанимались в пастухи к богатым скотоводам или шли к ним в услужение. В казахском обществе была небольшая группа «тюленгутов», полузависимых работников — потомков рабов и собственно рабов — пленных, захваченных во время военных набегов. В большинстве случаев пленных продавали богатым скотоводам, у которых рабы ухаживали за скотом и прислуживали по хозяйству.

С присоединением казахов к России все сословные привилегии ханов и султанов (преимущественное право занятия выборных должностей глав племен) были ликвидированы.

Духовенство у казахов не занимало такого высокого положения, как в земледельческих оазисах. При отсутствии государств в монтеической «государственной» религии не было той необходимости, как, например, в Бухарском эмирате. Слу-

жители ислама не пользовались особым влиянием. В казахском обществе мусульманская религия выступала, по большей части, лишь как оболочка доисламских верований.

Социальная структура киргизов-кочевников отличалась от казахской. В ней отсутствовали «белая» кость и наследование сословных званий. Во главе племен и племенных подразделений стояли «бии». Наряду с руководством общественной жизнью какого-либо племени и его подразделения в их функции входило и судопроизводство.

К концу XVIII — началу XIX в. в киргизском обществе оформляется новый социальный институт — манапство. Манапы, согласно своему богатству, делились на несколько групп: главные манапы — «чон манап», или «ага манап», далее шли средние манапы — «орто манап» и мелкие манапы — «чала манап», «чолок манап». На нижней ступеньке находились «букара манап», которые были простыми скотоводами «букара» и состояли лишь в родстве с манапом. Манапы не были замкнутой социальной группой. Любой разбогатевший скотовод становился манапом. Присваиваемый ему ранг манапства зависел от количества имевшегося у него скота. Выделялась отдельная категория наследственных манапов — «жынжырлуу манап». Реальное положение этой немногочисленной группы манапов в киргизском обществе недостаточно изучено.

К привилегированной прослойке относились и «баатыры» — военачальники. Их роль в общественной жизни не отличалась от таковой у казахов. Мусульманское духовенство у киргизов также не пользовалось сколько-нибудь заметным влиянием.

Подавляющее большинство киргизского общества составляли непосредственные производители — рядовые скотоводы «букара». Внутри этой группы, как и в других скотоводческих обществах, существовали различные группы — от богатеев до бедняков. Практически богатых скотоводов в составе букары не было. Как только рядовой скотовод обзаводился большим (по понятиям, существовавшим в каждом конкретном месте) количеством скота, он переходил в разряд манапов. Единого количественного ценза скота на получение манапства не было. В различных местах расселения киргизов это количество было неодинаковым. Обедневшие манапы влиянием на сородичей не пользовались, и их потомки этого звания не наследовали.

В XIX в. манапы возглавляли племенные подразделения и племена киргизов, оттеснив биев и оставив последним лишь судебные функции. Скорее всего, здесь наблюдался процесс замены старой племенной знати, возглавлявшей племена и державшейся на авторитете, новой группой предводителей,

чья власть и влияние основывались исключительно на богатстве.

Несвободную категорию в киргизском обществе составляли рабы. Они были или военнопленными, или преступниками, за которых сородичи отказались заплатить выкуп. Численно рабы составляли очень незначительную группу, а их труд использовался преимущественно в домашнем хозяйстве.

Как и в казахском обществе, у киргизов вся земля считалась собственностью племени или его подразделения, а скот находился в собственности отдельных семей. Никаких других форм собственности скотоводы-кочевники киргизы не знали. С ростом имущественного расслоения и концентрацией в руках богатых скотоводов большого количества скота они стали занимать и большее количество пастбищ, так как обедневшим сородичам кочевание становилось невыгодным. Они или переходили к земледелию, где это было возможно, или шли в кабалу к богатым скотоводам.

Наиболее распространенной формой эксплуатации рядовых скотоводов была «саан» — отдача скота на выпас бедным сородичам. Платой служило молоко и шерсть, получаемые с этого скота. Ко времени вхождения в состав России широко применялся труд наемных пастухов и поденщиков. Обедневшая букара кочевала вместе с богатеями и обслуживала их скот практически за еду и одежду.

На институт манапства сторонники «феодальной» концепции кочевнического общества ссылаются как на самый яркий пример, подтверждающий наличие феодальной структуры и феодальных отношений в кочевом обществе. В качестве основного аргумента они выдвигают зависимость рядовых кочевников-скотоводов от манапов и повинность букары, которая выражалась в обязательной уплате оброка скотом и покрытий различных расходов манапов на прием гостей и т. п.

К сожалению, почти все выдвинутые на примере киргизов доводы несостоятельны, так как не подкрепляются фактическими данными. В первую очередь нигде не указано, на основе чего строилась «феодальная» зависимость букары от манапа. Малочисленные джигиты, которые находились более или менее постоянно при крупных манапах, не могли держать в повиновении вооруженный народ. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, сообщаемые источниками. Наблюдатели киргизов, посетившие эту страну в XIX в., отмечают, что еще в это время любое кочевое селение, протянувшееся (из-за разбросанности юрт) на несколько километров, очень быстро превращалось в отряд хорошо вооруженных воинов. Подавляющее большинство «феодальных» повинностей, приписываемых букаре, во-первых, относится к концу XIX — началу XX в., когда часть территории расселения киргизов сначала входила в состав Кокандского ханства, а позднее она пол-

ностью была включена в состав России, и социальные отношения этих государств оказали на киргизское общество очень большое влияние. Во-вторых, все эти повинности относятся к тем районам, где земледелие (например, Ферганская долина) уже занимало если не главное, то очень заметное место в хозяйстве киргизов. Ранее разобранные социальные отношения в земледельческих районах Средней Азии, разумеется, в полной мере относятся и к киргизскому оседлому и полuosедлому населению.

Что же касается собственно кочевников-скотоводов, то в рассматриваемое время все формы эксплуатации, все привилегии манапов, биев, батыров и баев зиждились исключительно на экономической основе, т. е. на реальном количестве скота, богатстве того или иного человека, и не были связаны с принадлежностью к какой-либо сословной категории.

В этом же плане следует рассматривать и зависимость простых скотоводов, которая была обусловлена не правом манапа и ему подобных на личность скотовода, а отсутствием у бедняков скота — основного средства производства в кочевых скотоводческих обществах.

Социальная стратиграфия туркменского общества была еще менее четкой, нежели у киргизов. Все туркмены делились на благородных «иг» и несвободных рабов «кул». Промежуточную группу составляли потомки от браков между игами и кулами, которые назывались «ярым». Никакого другого сословного деления туркмены не знали.

Во главе туркменских племен стояли выборные ханы. Племенные подразделения возглавлялись аксакалами. Власть ханов и аксакалов основывалась на их богатстве и уважении. В мирное время она скорее походила на совет, а не на приказ, выполнять который каждый туркмен считал не всегда обязательным. Значительно увеличивалось влияние предводителей в военное время, когда требовалась более жесткая дисциплина. В военных походах на первое место выдвигалась роль сердара — военачальника, который далеко не всегда был выборным ханом и аксакалом. С прекращением военных действий власть сердара автоматически ликвидировалась. Более постоянной была власть вождей туркменских племен, расселенных на территории Хивинского ханства, где они (вожди) были одновременно и должностными лицами хивинского хана.

Очень большим влиянием в туркменском обществе пользовались богатые скотоводы — бай. О времени выделения этой прослойки у туркмен судить трудно. Скорее всего, фигура бая существовала давно, со времени появления развитой имущественной дифференциации в обществе туркмен. Племенная организация, вероятно, сдерживала в какой-то мере влияние баев на общественные дела, но по мере ее разложения и перехода к территориальной организации общества роль бай-

ской прослойки резко возросла. В XIX в. бай составляли уже, наряду с ханами и аксакалами, верхушку общества. Как правило, все выборные должности занимали или байские ставленники, или они сами. У туркмен, как и у других скотоводческих народов, «богатым» в каждой местности считали скотоводов имевших скота больше рядового соплеменника. Какого-то общего количественного ценза не было. Байскими считались единоличные хозяйства, эксплуатировавшие наемный труд.

Основную массу туркмен составляли рядовые кочевники — скотоводы. Имущественная дифференциация в их среде была очень сильной, но середняцкие хозяйства составляли подавляющее большинство. Это обстоятельство играло ведущую роль в ограничении всех форм власти, существовавшей у кочевых туркмен. Их сравнительная независимость определялась хозяйственной самостоятельностью и тем, что они, как и у других народов Средней Азии, были главной военной силой, которой не могли противостоять небольшие группы джигитов, имевшиеся у немногих ханов в земледельческих оазисах.

Резко отличались от середняцких хозяйства бедняков. Лишившись скота и не имея возможности заняться земледелием, бедняк попадал в полную кабальную зависимость от степного скотовода — бая.

Рабский труд в туркменском хозяйстве почти не использовался. Захваченных пленных мужчин, как правило, продавали в рабство на рынках Хивы и Бухары, а женщины прислуживали по хозяйству или были наложницами. Что касается ярымов, то они вели самостоятельное хозяйство и были ограничены лишь в социальных правах — при решении общеплеменных дел и в выборе брачных партнеров. Браки между игами и ярымами были нечастыми.

Профессионального мусульманского духовенства в степных районах расселения туркмен почти не было. Незначительно его количество и в земледельческих селениях туркмен. Вся религиозная жизнь находилась в монопольном владении так называемых «святых» племен (овлядов) — ших, ходжа, сеид, махтум, которые ведут свою генеалогию от первых четырех «праведных» халифов, чем и объясняют свою «святость». Преимущественное положение племен ата и меджур, также включаемых в «святые», еще не совсем ясно. Реально не сохранилось даже народной версии происхождения их «святости». Представителей этих немногочисленных племен даже во время межплеменных столкновений не трогали, и их стада страдали меньше других во время набегов. Это были эндогамные группы, старавшиеся строго сохранять свою «чистоту».

Формы собственности, зафиксированные наблюдателями туркменской жизни, не отличались от таковых у других кочевников-скотоводов. Все пастбища считались собственностью

племен, т. е. находились в общественном пользовании. Никакие общественные группы не имели преимущественного права пользования. Скот был в частной собственности отдельных семей.

Среди исследователей общественных отношений у кочевников Средней Азии, применительно к туркменам в особенности, нет единства мнений в отношении собственности на колодцы. До настоящего времени некоторые считают, что колодцы находились в личной собственности и, как следствие, прилегающие к ним пастбища изымались из общественного пользования. Эта точка зрения, оформившаяся в науке в начале 30-х годов нашего столетия, базировалась исключительно на материалах, полученных из районов, непосредственно примыкавших к земледельческим оазисам. Хронологически они относились к началу XX в.

В свете новых материалов и исследований 60—70-х годов выяснилось, что собственно в кочевой степи частных колодцев практически не было, а в тех немногих местах, где они и были, право собственности на пастбища не распространялось. Более того, владелец колодца не имел права отказать в водопое проходящим скотоводам. Что же касается выпаса скота на пастбищах около таких водных источников, то посторонний скотовод не мог ими пользоваться, поскольку он не принадлежал к владеющей этой землей племенной группе.

Частными колодцами считались те, которые были сооружены на средства какого-либо богатого скотовода, что хорошо сохранялось в памяти людей. Но новых колодцев, устроители которых были известны, в степи было очень мало. Большинство действующих и поныне колодцев было сооружено еще до эпохи средневековья, о чем свидетельствуют многочисленные могильники более ранних эпох, расположенные рядом с колодцами. Кроме могильников о продолжительном обживании мест, где сооружены колодцы, свидетельствуют и многие другие археологические материалы. И если признать, что колодцы во время их устройства были частными, то непонятно, каким образом позже они могли стать общественной собственностью? Скорее всего, частные колодцы начали сооружаться с появлением байства как прослойки. Переселяясь на новые места, осваивая близлежащие к оазисам земли, на которых до завоевания оазисов Южной Туркмении крупным племенем текинцев не было кочевий, богатые скотоводы сооружали на пастбищах и колодцы. Жившие здесь до текинцев туркменские племена занимались земледелием и не нуждались в обширных пастбищах.

Все эти процессы проявились в полной мере лишь в XIX в. До этого времени на территории кочевания туркмен сведений о частных колодцах и пастбищах источники не содержат.

Отсутствие у туркмен четко выделившейся привилегиро-

ванной прослойки не означало, что в их обществе отсутствовали различные формы эксплуатации. Имущественное расслоение на бедных и богатых создало условия для экономической эксплуатации.

Наиболее распространенной формой эксплуатации был наем пастухов в хозяйстве, где количество скота было больше, чем его могли обслужить сами хозяева. В большинстве случаев оплата труда пастухов производилась натурой — скотом, одеждой, питанием.

Практиковалась, как у киргизов и казахов, отдача скота на выпас в бедняцкие хозяйства. Условия такой отдачи были разные. В одних случаях бедняк мог пользоваться всем приплодом и возвращать хозяину лишь взятое количество скота, в других — скот отдавался на более кабальных условиях, когда бедняк мог пользоваться лишь молоком и шерстью, а весь приплод возвращался хозяину. Последний без труда увеличивал в 2—3 раза отданное в саан стадо.

Однозначного ответа относительно социального расслоения у кочевых племен, объединявшихся этнонимом «узбек», быть не может, так как уже в XVIII в. в это понятие включали скотоводческие племена самого разного происхождения, и они находились на разных уровнях общественного развития.

Значительная часть этих кочевых групп осела на землях Хивинского ханства и Бухарского эмирата, и их социальные отношения уже были рассмотрены выше. Другие узбекские племена, которые продолжали заниматься кочевым скотоводством, по своему составу были неодинаковы. Здесь были и ранние тюркоязычные группы, и тюркизированные племена монгольского происхождения, чья племенная организация и социальная структура подвергались жесткой деформации в составе войск Чингизхана и Тимура, и, наконец, группа племен, возглавлявшаяся Шейбани-ханом.

Будучи главной военной силой среднеазиатских государств, они в то же время находились в разном положении при дворах правителей и получали разные привилегии, что отразилось на внутриплеменном социальном расслоении. В наиболее тесно связанных с правителями ханств племенах, например у бухарских мангытов, социальное расслоение зашло очень далеко и роль ханов и других предводителей более мелких подразделений была велика. Занимая пожалованные ханом должности, они превращались в замкнутую наследственную верхушку племени, которая пользовалась многими привилегиями. В этих случаях у скотоводов развивалась уже классовая, а не только имущественная дифференциация общества, характерная для других скотоводческих народов. Но таких племен было немного. Постоянное нахождение вблизи оазисов стесняло ведение подвижного кочевнического хозяйства, и скотоводы или откочевывали дальше в степи и предгорья,

или беднейшая их часть переходила к земледелию. Оставшиеся в «седле» жили за счет государственной казны или других видов жалования (например, танхо или обеленный мульк) и практически самостоятельного скотоводческого хозяйства не вели. Они становились нукерами — наемными военными, занимая аналогичное хорезмским туркменам положение.

Что же касается узбекских племен, кочевавших в отдалении от земледельческих оазисов и государственных центров, то их социальная организация, насколько позволяют судить имеющиеся источники, ничем не отличалась от таковой у других кочевых народов. Наибольшие параллели, особенно у дештикипчакских племен, в социальной стратиграфии, формах собственности и способах эксплуатации соплеменников наблюдались с туркменами, по соседству с которыми они часто и кочевали. Наиболее наглядным примером вышесказанному могут служить узбекские племена юга Средней Азии.

Общественные отношения у каракалпаков до их поселения в низовьях Амударьи на землях Хивинского ханства в целом повторяли таковые у других кочевых народов Средней Азии. Во главе племен стояли бии, выполнявшие подчас и роль военных предводителей. Не миновал каракалпаков и общий для всех кочевников-скотоводов процесс возвышения военных предводителей — батыров. Байская прослойка у каракалпаков не была столь существенной, как, например, у казахов. К верхушке общества принадлежала и часть мусульманского духовенства, роль которого значительно возросла после поселения каракалпаков в дельте Амударьи.

На территории Хивинского ханства, куда основная часть каракалпаков вынуждена была переселиться под давлением казахов в середине XVIII в., каракалпаки оказались в очень тяжелом положении. Разоренная тяжелым переходом через Кызылкумы, обедневшая основная масса скотоводов вынуждена была перейти к полуседлому хозяйству, сохранив лишь форму племенной организации. Социальная структура изменилась в соответствии с условиями Хивинского ханства; к различным способам эксплуатации прибавилось национальное угнетение. Различные формы собственности каракалпаков обусловлены политическим и хозяйственным положением народа.

Община

Важное место в общественной структуре всех народов Средней Азии, независимо от форм хозяйственной деятельности, занимала община — естественно возникшие социальные коллективы непосредственных производителей, в собственности или владении которых полностью или частично находились средства производства.

В рассматриваемое время вне общины ни у земледельцев, ни у скотоводов-кочевников производство материальных благ осуществляться не могло. По этому поводу К. Маркс отмечал, что формы собственности, при которых работник является собственником, предполагают общину в качестве условия производства.¹² Подчеркивая значимость общины в обществах, адекватных среднеазиатскому, К. Маркс в качестве одного из видов общины выделяет «азиатскую форму»¹³.

Общинные порядки, а стало быть, и общинные формы собственности пронизывали всю хозяйственную и общественную жизнь среднеазиатских народов. Разнообразные формы общин, существовавшие в Средней Азии, отражали разнообразные сочетания скотоводческого и земледельческого хозяйств и в целом многоукладность общественно-экономических отношений.

Община у земледельцев

Народы Средней Азии, как об этом свидетельствуют археологические и другие материалы, на протяжении своей истории знали все основные формы общинных отношений — от родовой общины древних земледельцев Джейтуна до соседской общины в развитых земледельческих районах.

В рассматриваемое время земледельцы среднеазиатской историко-культурной области, в зависимости от вида земледелия и удельного веса в хозяйстве скотоводства, «древности» земледелия у той или иной группы населения, были организованы в общины различного вида. Многообразие общинных форм, наряду с хозяйственными особенностями, определялось и общим уровнем развития социально-экономических отношений и политической ситуацией, существовавшей в каждой конкретной местности. Общинные отношения, как и все виды социально-экономических отношений, не имели этнической «привязки», и у одного народа бытовали одновременно разные формы общин.

Община у недавно осевших кочевников

В наибольшей степени коллективные начала в формах собственности на землю и воду проявлялись у сравнительно недавно осевших (конец XVIII — начало XIX в.) и перешедших к земледелию кочевников-скотоводов. Наиболее полно такие общества изучены у туркмен, на примере которых наиболее ярко видны специфические различия форм общины, обусловленные конкретными условиями.

¹² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 486—487.

¹³ Там же, с. 485.

У текинцев Ахальского оазиса земледелие основывалось на использовании для орошения полей воды небольших речек. Сложной ирригационной системы у них не было и не было необходимости в усилиях больших людских коллективов для поддержания оросительных систем в порядке. Богарных посевов было мало. Это обстоятельство и определило формы собственности и порядок землеводопользования.

Земля считалась собственностью всего племенного подразделения, осевшего в данном месте. Она подлежала ежегодному переделу по жребию перед началом посевных работ. Такие земли назывались санашиковые. Их нельзя было продавать и первоначально (после оседания) арендовать их мог только соплеменник. Право на надел имели только женатые мужчины.

При общинной собственности на землю вода была в частной собственности отдельных семей и ее количество строго регламентировалось, т. е. каждое хозяйство имело право в течение какого-то времени (8 или 12 часов) в период полива получать из арыка воду на свой участок. Это количество воды было всегда постоянным. Правом на воду пользовались только первопоселенцы, между которыми и была поделена вся вода. Право на воду можно было продавать. Этим пользовалась байская верхушка, сосредоточивая в своих руках большое количество паев воды и, как следствие, большие земельные участки, которые они «оживляли» в стороне от общинных земель. Эти участки становились мульками и переходили по наследству. В то же время общинные традиции — решение крупных общественных дел на собраниях общинников — ограничивали концентрацию земли и воды в одних хозяйствах. Сход не всегда давал право на занятие земли. Даже при наличии избытка воды у одного хозяина не всегда можно было освоить новые земли; для вывода воды на «мертвые» земли нужны значительные земляные работы, осуществление которых не всегда было возможным.

Параллельно процессу концентрации в байских хозяйствах долей воды шел процесс дробления водных паев середняцких и бедняцких хозяйств. Большинство земледельцев не имели полных паев за счет выделения из семей женатых сыновей. Для рационального хозяйствования несколько семей объединяли свои доли воды, рабочий скот, орудия труда и семена и обрабатывали одно поле. Урожай делился в соответствии с долей каждого участника.

Запрет на продажу земли на сторону способствовал развитию аренды. Поскольку земельный надел получал только женатый мужчина, баи женили своих малолетних детей и получали на них землю, которую сдавали в аренду безземельным односельчанам. Бедняцких хозяйств в текинских аулах было много. Не имея возможности заплатить калым за неве-

сту, бедняк лишался и земли. Нередки были случаи, когда, имея небольшую долю воды, доставшуюся по наследству, бедняк не мог использовать ее по своему усмотрению и вынужден был идти в кооперацию с другими бедняками, имеющими землю, или арендовать земельный участок у богатеев — баев.

Часто арендаторы земли и воды объединялись в артели, внося каждый необходимые орудия труда, семена и рабочий скот в общую копилку.

Кроме объединений, вызванных отсутствием в отдельности у каждого хозяйства необходимых орудий труда или скота, широко практиковались товарищества по совместной обработке полей. Как правило, в такие товарищества вступали земледельцы, чьи участки, полученные по жребию, располагались рядом. Каждый из членов товарищества получал урожай только со своего участка. В этой форме объединений четко проявлялся дуализм общины — общий труд и частное присвоение продукта со своего участка.

Первоначально, после оседания, в аульных общинах после раздела земли между семьями оставались свободные общинные участки, которые вместе с необходимой водой сдавались в аренду; доходы шли на общинные нужды.

Общины были самоуправляющимися общественными организациями. Выборные органы самоуправления регулировали раздел земли, общинный мираб следил за правильным отпуском воды. Общинные аксакалы были руководителями работ по освоению новых земель. Под их руководством проходили хашары — коллективная работа по очистке и ремонту оросительных систем. В некоторых общинах хашарные работы заменялись выделением 1—2 работников от каждого хозяйства сроком на 15 дней в году для поддержания в порядке каналов и арыков. В обязанности общинной администрации входило наблюдение за рациональным размещением посевов на соседних участках и равномерный выпас скота на полях после уборки урожая. Навоз являлся единственным видом удобрений почвы. Функцией администрации было и распределение общинных доходов — дополнительная оплата мирабов, духовенства, помощь вдовам и беднякам.

Иные формы сложились у текинцев в Тедженском оазисе. Сложные ирригационные системы, забирающие воду из реки, не могли обслуживаться даже усилиями одной общины и требовали объединений нескольких аульных обществ. В этой связи в Тедженском оазисе проводился ежегодный передел пахотных участков сначала между общинами, а потом и между отдельными хозяйствами. В таких условиях в собственности племенных подразделений находилась только вода — основные водные магистрали, вдоль которых они расселялись. Система расселения тедженских текинцев, как и большинства других туркменских и вообще кочевых племен, перешедших

к оседлости, повторяла племенную структуру. Магистральный канал принадлежал крупному тире. На разветвлениях больших арыков селились более мелкие тире, в чьей собственности он находился. Из таких больших арыков вода подавалась в небольшие арыки, подводившие воду на поля общин, которые первоначально представляли собой мелкие племенные подразделения. Между этими общинами и шел ежегодный передел земли.

Мульковое землевладение отсутствовало, и вся земля была санашиковой. Невозможность отчуждения земли способствовала развитию аренды как семейных, так и оставшихся после раздела общинных наделов. Чаще в аренду землю сдавали бедняки, не имевшие ни рабочего скота, ни орудий труда. В остальном принципиально важные, общинные порядки тевкинцев Тедженского оазиса мало отличались от таковых в Ахале.

Своеобразие условий, в которых находились туркмены-сарыки в Иолотанском оазисе, отразилось и на их землеводопользовании. Ограниченность пригодной для орошения земли и сравнительно большее количество воды подняли ценность земли. Здесь ежегодно проводились переделы земли и воды — очередности полива. Немногочисленность населения позволяла наделять участками земли и водой всех мужчин, достигших 16 лет. Исследователи отмечали значение у сарыков общинной сходимости и неукоснительность соблюдения ее решений. Тем не менее и у них к моменту присоединения к России уже появились мульковая земля и мульковая вода.

В юго-западной части Копетдага, где в долинах рек Сумбара и Чандыра и на плоскогорьях жили туркмены нухурли и гоклены, земельно-водные отношения также имели свои особенности. В одних аульных обществах вся орошаемая земля и вода считались мульком и передавались по наследству. В других — в мульке были только орошаемые земли, а вся богарная была санашиком, т. е. передельной. В ауле Старый Нохур вся — и орошаемая и богарная — земля была санашиковой. Нохурцы не знали и мульковой воды. Особенности заключались и в том, что на богарный надел имел право каждый, пусть и неженатый мужчина, а орошаемый участок выделялся на хозяйство — семью.

Иначе сложились внутриобщинные отношения у скотоводов, осевших на землях древнего орошения на территории Среднезеравшанской долины, входившей в Бухарский эмират.

Община, называвшаяся «казаншерик» (товарищество по котлу), состояла из четырех кишлаков, земли которых орошались одним большим арыком. Во главе общины стоял выборный эликбаш, который осуществлял связь общины с внешним миром и руководил общественными работами. Каждый каншерик имел четко определенный земельный надел. Роль

казаншериков проявлялась прежде всего при ирригационных работах — очистке магистральных каналов. Каждый кишлак выставлял рабочих в соответствии с количеством получаемой им воды. Внутри кишлака распределение повинностей проводилось по этому же принципу.

Полеводство велось согласованно — соседние участки засеивались одинаковыми культурами, объединялись участки пара. Если к кишлаку подходило несколько арыков, то крестьянин с целью уравнивания условий получал надел около каждого арыка, а не в одном месте.

Существовали различные виды взаимопомощи — совместные, усилиями нескольких хозяйств, вспашка поля и хашары при уборке урожая и т. п. Обычными были устройство общинного тока, выпас стада на кишлачных полях после уборки урожая. В каждом казаншерике были большие котлы для приготовления пищи на тоях. Передавать котлы в другой казаншерик запрещалось.

Надел, находящийся на территории казаншерика, можно было продать постороннему лицу только после отказа от его покупки ближайшего соседа, жителей кишлака, всего казаншерика и соседнего казаншерика, связанного участием в общинных праздниках.

Такие общины состояли из соплеменников, селившихся, как и туркмены, с соблюдением родо-племенного принципа. Эти коллективы были довольно замкнутыми, и даже брачные связи заключались внутри общины.

Для всего разнообразия форм общинных порядков, бытовавших в среде осевших кочевников, характерно сохранение старых, кочевнических традиций в социальной организации общины и в формах собственности на землю, которая в большинстве имела санашиковую форму с различными вариантами. Мульковое землевладение получило значительные размеры лишь в конце XIX в.

Несколько иное положение сложилось с собственностью на воду. Частной воды в отдельных районах было много, но в большинстве мест и вода была санашиковой. И собственность на землю, и собственность на воду полностью отражали формы собственности на них, которые бытовали у кочевников-скотоводов. Решительные перемены произошли лишь в конце XIX — начале XX в.

Община у древних земледельцев

У населения отдаленных и труднодоступных горных кишлаков в общинной организации сохранилось много архаических черт, присущих более ранней большесемейной общине.

В этом плане показательна община у ягнобцев. Земледелие у них преимущественно велось на богарных землях, и

орошаемые участки были невелики. Видное место в хозяйстве занимало скотоводство. Ремесленное производство не вышло выше уровня домашней промышленности. Рутинная техника, малоземелье и оторванность от торгово-ремесленных центров определили очень низкий уровень развития производительных сил и небольшой (по отношению к затраченному труду) прибавочный продукт. Эти обстоятельства способствовали сохранению у ягнобцев вплоть до 20-х годов XX в. такого архаического института, как домашняя община, состоящая из близких родственников неразделенной семьи.

Такая патриархальная община была собственником пахотной земли, дома, хозяйственных построек и скота. Во главе ее стоял патриарх — калонтар. Важные дела решались им не единолично, а на совете всех совершеннолетних членов общины. Все произведенное членами общины считалось общей собственностью и разделу не подлежало. В этой патриархальной общине общая собственность на средства производства определяла и общественный характер труда и общественный характер присвоения.

Несколько общин составляли квартал, образованный за счет сегментации патриархальных коллективов. Раздел происходил обычно после смерти главы неразделенной семьи, и сыновья строили свои дома рядом с отцовским, давая начало новым общинам. Каждый квартал имел свою мехмонхону («комната для гостей»), которая была общественным центром квартала и где мужчины устраивали общественные трапезы.

Несколько кварталов составляли кишлак, который считался собственником воды, выгонов, сенокосов и леса. В ирригационных работах принимали участие все жители кишлака, и вода распределялась пропорционально количеству труда, затраченному каждым хозяйством.

В кишлаке сохранялись обычаи взаимопомощи, женские хашары, помощь бедным. Вероятно, где-то уже с середины XIX в. обозначился процесс распада патриархальных общин и пахотные угодья стали переходить в собственность малых семей, т. е. четко начала оформляться соседская община. Этот процесс — переход от патриархальной общины к соседской — в ягнобском кишлаке не завершился полностью, и ко времени установления Советской власти там одновременно существовали и соседская (кишлачная) община, и патриархальная как часть первой.

Такие же формы общинной организации существовали в большинстве горных кишлаков Восточной Бухары и Памира, где патриархальные общины насчитывали до 50 человек. Соотношение патриархальных и сельских традиций и институтов определялось местными конкретными условиями.

Включение южных частей Таджикистана и Узбекистана в состав Бухарского эмирата усилило классовое и имущественное расслоение среди местного населения за счет усиления эксплуатации и налогового гнета, способствовало ускорению разложения патриархальных общин и более четкому оформлению сельских. Разрушались родственные связи, на их смену приходили территориальные. Пахотные земли переходят повсеместно в собственность малых семей, в мульк больше обрабатываются богарные земли. Происходит раздел сенокосных угодий.

При разделе общинных богарных земель общинный принцип распределения нарушается и участки выделяются с учетом возможности обработки их тем или иным хозяйством. В результате — богатые семьи получают больше земли. Шире применяется право первой заправки и превращение в частнособственнический надел пустующих земель, что также под силу только зажиточным семьям. Происходят концентрация земли (особенно орошаемой) в руках богатеев и обезземеливание крестьян. Это ведет к активизации переселенческих процессов и образованию неродственных производственных коллективов.

Известны случаи, когда создавались общины для «оживления» земель из не связанных узами родства семей. После постройки оросительных систем общинники получали наделы в собственность при условии уплаты налога государству за право пользования водой. Общинные порядки в таких коллективах выражались в совместном ремонте и очистке ирригационных систем. Поселившиеся в кишлак после раздела земли семьи надела не получали и вынуждены были арендовать у богатеев землю, что также способствовало имущественной дифференциации общества.

Несмотря на активизацию процессов имущественного и классового расслоения общинников, общинные порядки в земледельческих районах сохранялись как необходимое условие для обеспечения нормального функционирования оросительных систем. Община регулировала, основываясь на обычном праве, пользование угодьями и выпас скота, ремонт дорог и мостов.

В сохранении общинных порядков были заинтересованы и богатые семьи. Прикрываясь товарищеской взаимопомощью, они эксплуатировали своих односельчан издольной формой обработки полей и устройством частых хошаров. В последнем случае общинники работали на богатеев только за еду. Необходимость в хошарах и возможность их устройства простыми земледельцами были ограниченными.

Немаловажную роль играла община и в регулировании полеводства — в размещении на личных участках общинников различных сельскохозяйственных культур. Необходимость

согласованных действий диктовалась рациональностью использования воды. Общинные порядки сохранялись и в вопросах наследования и продажи земельных участков.

Выборная общинная администрация во главе с аксакалом руководила всеми общественными работами, представляла общину перед государственным аппаратом и защищала интересы общины.

Государство в Восточной Бухаре, как и в остальных районах эмирата, было заинтересовано в сохранении общины как податной единицы. Общинники, связанные круговой порукой, во всех случаях выплачивали налог полностью.

Что же касается общинных порядков у равнинных древних земледельцев, то они были в большей мере, чем в горных районах и у недавних кочевников, освобождены от институтов, присущих патриархальным формам общины.

Переделы земли практически не проводились. Вся пахотная земля была собственностью отдельных семей. Общинные выгоны и другие угодья были сокращены до минимума за счет «оживления» земли богатыми семьями и государством, что вело к концентрации земли в байских хозяйствах и обезземеливанию и разорению общинников. Это, в свою очередь, вело к развитию аренды, при кабальных условиях которой и происходила фантастическая эксплуатация безземельных крестьян. Широкое распространение получила субаренда, когда брали в аренду землю бедняков, которые не могли ее обработать из-за отсутствия инвентаря, и сдавали ее другим крестьянам на условии предоставления им всего необходимого для выращивания растений. Условия этой аренды были такими, что крестьяне работали на богачей только за еду. В крупных оазисах имущественное и классовое расслоение было очень большим.

В целом общинные отношения у земледельческого населения Средней Азии ко времени вхождения различных ее частей в состав России были довольно стойкие. Они отличались от стадильно более ранних форм общины, но сохраняли все институты. Активное разрушение этих порядков началось с проникновением в кишлаки капиталистических отношений, и в первую очередь в районы с преимущественным развитием хлопководства.

Община у кочевников-скотоводов

В условиях кочевого быта наиболее прочные связи наблюдались лишь на нижних ступеньках племенной иерархической лестницы. Обычно эти низшие племенные подразделения (маленькое тире у туркмен, «род» у казахов) представляли собой группы семей, реальное родство между которыми хорошо осознавалось их членами. Как правило, это были большие род-

ственные коллективы, состоявшие из выделившихся семей старших сыновей и семьи отца, с которым оставался жить младший сын. В эту же группу входили и женатые внуки.

Эти семьи вели общее хозяйство, объединяя свой скот в одно стадо. Возглавлял такую группу отец глав семей. Если малых семей в таком объединении было мало и количественный состав стада не достигал оптимального для выпаса размера (400—600 голов мелкого рогатого скота у туркмен), в объединение включались семьи ближайших родственников. Наоборот, если число хозяйств превышало оптимальные размеры, часть их отпочковывалась, и создавалось новое тире или «род». Члены тире сообща пользовались пастбищами и колодцами, помогали друг другу при тяжелых работах (водопой скота, стрижка овец и т. п.) и сообща решали важнейшие хозяйственные и общественные дела.

По структуре такие маленькие тире и «роды» напоминали патриархальные общины у земледельцев. Однако между патриархальной общиной земледельцев и кочевой общиной скотоводов была принципиальная разница. В кочевой общине скот, жилье, орудия труда принадлежали малым семьям, а в патриархальной земледельческой — пахота, дома и сельскохозяйственные орудия, равно как и рабочий скот, были общесемейной неразделенной собственностью. Разной была и роль главы объединения. В кочевой общине он был организатором хозяйственной жизни, а в патриархальной — пусть в рассматриваемое время и ограниченным, но владельцем всего имущества общины.

Маленькое тире и «род» отличало от патриархальной общины и то, что, наряду с хозяйственными функциями, первые выступали также как самостоятельные объединения и в военное время, когда на первое место выдвигались родственные связи и защита имущества той или иной семьи становилась делом более крупного, родственного коллектива — собственника пастбищ — необходимого условия ведения кочевого скотоводческого хозяйства. Чаще воинов тире или «рода» возглавлял глава общины, но были и специальные военные проводители («сердары», «батыры»), власть которых распространялась на соплеменников только во время военных действий. Эта функция кочевого объединения намного пережила его хозяйственное значение, которое постепенно перешло к другой форме хозяйственного объединения — кочевому аулу («оба» у туркмен, «айл» у казахов и киргизов).

Эти кочевые аулы состояли из близкородственных и неродственных семей, но и первые и вторые должны были принадлежать к одному тире или «роду». Существует мнение, что такие кочевые аулы были у кочевников с давних времен, но не нашли отражения в письменных источниках лишь потому, что полностью совпадали с тире или тире («род») включали

в себя несколько кочевых аулов, которые были только хозяйственными объединениями, а не ступеньками общественной (племенной) организации кочевников и не фиксировались в генеалогической структуре.

При образовании кочевых аулов предпочтение отдавалось родственным связям, но на первое место выдвигалась хозяйственная целесообразность. Поэтому родные братья могли состоять в разных аулах, равно как отец и сын кочевать в отдельности друг от друга вместе с неродственными (имеется в виду неблизкое родство) семьями, но своего тире или «рода».

Кочевые аулы были непостоянными объединениями и создавались на год. На следующий сезон каждая семья могла перейти в другой аул. Внутри аула для ведения рационального хозяйства скот мог объединяться в несколько стад. В этом случае заметны определенные параллели между внутриобщинными земледельческими товариществами по совместной обработке почвы и объединением стад у скотоводов.

Богатые скотоводы создавали свои отдельные аулы и кочевали вместе с семьями наемных пастухов. Последние или не имели скота совсем, или его было ничтожно мало, и он пасся вместе с хозяйским стадом. Имея большое собственное стадо и наемных пастухов, баю не было нужды объединяться с другими скотоводами, так как его стадо и наемные пастухи обеспечивали рациональное ведение хозяйства. Это обстоятельство также отличает кочевой аул от соседской или сельской общины землевладельцев, где бай не мог вести самостоятельное хозяйство независимо от всей общины. Очистка, ремонт и строительство ирригационной системы требовали, как отмечалось, постоянных усилий большого коллектива людей.

В скотоводческих обществах бай нуждались в сохранении родственных связей со своими соплеменниками только на случай военной опасности, когда возникала необходимость защиты стад, что нельзя было обеспечить силами только байского кочевого аула. Такая же помощь родственников была нужна и при защите стада от «баранты» — узаконенным обычным правом угона скота у обидчика. Хотя обычное право и осуждало разорение жилища и человеческие жертвы при баранте, последняя, особенно при нападении на стада рядовых скотоводов, часто кончалась полным разорением хозяйства и жилища. Поэтому, нуждаясь в защите родственников, богатые скотоводы, устраивая различные празднества, приглашали на них соплеменников для демонстрации «родственных чувств».

В данном случае родственные связи внутри тире или «рода» выступают как реальные политические, заменяющие собой административные в земледельческих районах.

Наконец, важнейшее отличие кочевого аула от любой фор-

мы общины в больших земледельческих оазисах заключалось в том, что кочевой аул не был податной единицей и не платил никаких налогов, и никакая власть на него не распространялась.

С активизацией процесса оседания скотоводов и даже частичным переходом к земледелию кочевые общинные порядки хотя и сохраняются некоторое время, постепенно разлагаются и заменяются отношениями, свойственными земледельцам, живущим, как и оседшие кочевники, на территориях среднеазиатских государств или землях, включенных в состав России. Особенно быстро этот процесс пошел в конце XIX — начале XX в.

Общественная организация ремесленников

Общественная организация людей, занятых в третьем (после земледелия и скотоводства) крупном виде хозяйственной деятельности — ремесленном производстве, в Средней Азии тесно связана с городом и в значительной мере определялась городскими порядками, которые складывались на протяжении многих столетий под влиянием различных социально-экономических и политических факторов. Последние часто существенно отличались от тех, которые были определяющими в развитии социальной структуры населения сельской местности.

История города в Средней Азии известна науке уже с середины I тыс. до н. э. В античный период города формировались как политические, торговые и ремесленные центры, обслуживавшие земледельческую и скотоводческую периферию. В средние века, особенно после арабского завоевания, часть городов прекратила свое существование, но оставшиеся, включенные в состав Арабского халифата, приобрели еще большее значение. Появляются новые городские центры.

Для городов Средней Азии монгольское нашествие имело катастрофические последствия. Большинство городов, особенно тех, которые оказали сопротивление, было разрушено. Некоторые были восстановлены на новых местах (например, Ургенч), другие рядом с развалинами (Самарканд), а многие (Мерв, Мешед-Миссариан, Отрар и др.) так и не смогли подняться из руин, и городская жизнь в них угасла.

В тимуридское время некоторое оживление городской жизни, вызванное стабилизацией политической обстановки, было не столь велико, как это часто отражается в литературе. В качестве примера «расцвета» городской жизни приводят Самарканд, который по существу был спрутом, высасывающим все живое из громадной империи Тимура.

Вторжение кочевых племен Шейбани-хана в оазисы Средней Азии и некоторый упадок их хозяйственной жизни также затормозили развитие городов.

Все эти обстоятельства оказали отрицательное воздействие и на ремесленников — основное и наиболее многочисленное население городов.

После образования Хивинского ханства, Бухарского эмирата и позднее Кокандского ханства междоусобицы не прекратились. Тем не менее центральная власть, которая сделала крупные города своей резиденцией, а менее значительные стали центрами бекств и отдельных полунезависимых владений, таких, как Ташкентское, Ура-Тюбинское и ряд шахств юга Таджикистана и Узбекистана, старалась оживить городскую жизнь. В первую очередь правители были заинтересованы в развитии городов как ремесленно-торговых центров, обеспечивающих верхушку общества необходимой продукцией и дающих большую прибыль казне от торговли и эксплуатации ремесленного трудового люда.

В рассматриваемое время большинство городов Средней Азии было расположено в оазисах, разместившихся вдоль крупных водных артерий. Связь жителей многих городов с сельской округой была довольно прочной. Зажиточные горожане — торговцы, чиновники, духовенство и часть (наиболее состоятельная) ремесленников — имели загородные земельные участки, которые они обрабатывали сами или сдавали в аренду. Многие выезжали на свои «дачи» в самые жаркие летние месяцы.

Среднеазиатские города XVIII—XIX вв. в своей планировке сохранили основные части средневекового города — арк, шахристан и рабат. Это тройственное деление во многих случаях уже утратило четкость границ (за исключением, разумеется, арка), были разрушены стены, отделяющие шахристан от рабата, но, как правило, сохранялись наружные стены, имевшие несколько ворот. Количество их зависело от числа дорог, соединяющих город с внешним миром. Так, Бухара имела 11 ворот, Самарканд — 6. От каждого ворот к центру города вели улицы, вдоль которых располагались торговые лавки. От улиц отходили переулки, разделяющие город на кварталы. В центре города размещались дворец правителя, соборная (пятничная) мечеть и иногда здесь же был и базар. Крупные среднеазиатские города имели несколько базаров. Торговыми центрами были и перекрестки главных улиц. Обязательной принадлежностью городов были караван-сарай, бани, мечети и медресе.

Водоснабжение городов осуществлялось при помощи сложной и разветвленной системы каналов, арыков и хаузов — специальных открытых водохранилищ. В условиях постоянной нехватки воды хаузы были единственным источником влаги для большинства горожан.

Основной административной единицей города был квартал — махалла. Квартал представлял территорию, на которой

находились жилые дома и хозяйственные постройки горожан. От аналогичных городских единиц каждый махалла еще в начале XIX в. отделялся улицами или переулками, на которые выходили глухие стены. Вход в махалла был через единственные (чаще всего) ворота. Ворота на ночь запирались. Это был замкнутый, населенный очень часто родственными семьями и представителями одной профессии мир со своим самоуправлением. Квартал имел свой большой арык, по которому он получал воду, свой хауз и обязательно свою квартальную мечеть. Внутри махалла дома соединялись между собой калитками, так что, не выходя из дома на внутриквартальные тупики, и переулки, можно было пройти почти в любой дом. Во главе махалла стоял выборный староста, который осуществлял связь с внешним миром и выполнял распоряжения городского райса (начальника). Старостами были наиболее состоятельные жители квартала, не занимавшие официальных административных должностей. Староста осуществлял сбор различных налогов.

Внутри кварталы делились на тупики, в которых находились дома родственных семей. Ограниченные в своем расширении наружными защитными стенами, среднеазиатские города были настолько плотно застроены жилищами, что порой улицы представляли собой «большие дома», разделенные на семейные «секции» с небольшими внутренними двориками.

Жители махалла были связаны между собой определенными обязательствами в хашарах, тоях, похоронах и т. п. событиях. Очень часты были внутриквартальные браки.

К XVIII в. строгое расселение ремесленников по кварталам уже было нарушено. Представители одной профессии хотя и преобладали в «своих» кварталах, но не в состоянии были противиться поселению в них других неродственных семей и ремесленников других специальностей.

По своим функциям городской квартал повторял сельскую соседскую общину. Вся земля на территории квартала принадлежала отдельным семьям или государству в лице верховного правителя и выражалась в собственности на строения, расположенные на этой земле. Эта же форма собственности на землю распространялась не только на жилые постройки, но и на здания общественного назначения — караван-сарай, бани, лавки и т. п. Как и в сельской местности, вода была государственной собственностью, за потребление которой надо было платить.

Сословное деление городского населения было в большей мере профессиональным. Например, в Бухаре население подразделялось на три категории: служилые люди — чиновники, военные и весь остальной народ. Эти категории не были замкнутыми, и уволенный чиновник уже считался принадлежащим к третьей категории.

Все городские ремесленники были объединены в профессиональные цехи, сохранившие к XIX в. почти без изменения с эпохи средневековья свои внутренние порядки. Во главе цеха стоял старшина, выступавший представителем цеха перед внешним миром и являвшийся последней инстанцией в решении всех внутрицеховых вопросов.

Выделяются два типа внутрицеховой организации. Первый — мастер и ученик, который работает в мастерской. Второй — мастер-хозяин, который нанимает мастера-работника, имеющего ученика. По прошествии какого-то времени ученик переводился в разряд мастеров и становился равноправным членом корпорации. Этот акт сопровождался средневековыми обрядами и общественной трапезой членов цеха. С этого времени новый мастер находился под покровительством цехового «святого», который, по преданию, являлся основателем ремесла. История ремесла и цеха, с некоторыми моральными и технологическими предписаниями, содержалась в специальных сводках — рисоля, которые имели большинство ремесленников.

В наиболее развитых ремесленных центрах, таких, как Бухара, Коканд, Ташкент и им подобные, имущественное расслоение внутри ремесленных цехов к концу XIX в. постепенно переросло в классовое. В некоторых видах ремесленного производства второй вид организации — работодатель («устокор») — наемный мастер («хальфа») — ученик стал преобладающим. Лишенные средств производства, хальфа становились просто наемными рабочими, которых нещадно эксплуатировал вместе с их учениками устокор. Последние представляли собой своеобразный тип зарождавшихся в уродливых формах определенными условиями деспотического государства капиталистических предпринимателей, а хальфа — лишенными средств производства наемными работниками.

Наем хальфа был двояким. Одни мастера при поступлении на работу получали задаток от работодателя и, как правило, попадали в кабальную зависимость к устокору. Этот задаток должен быть возвращен хальфой в момент ухода его от хозяина, что в условиях низкой оплаты труда хальфа далеко не всегда мог сделать.

Некоторые исследователи видят в таком виде зависимости хальфы от устокора личную зависимость, закуп, и рассматривают ее как одну из форм феодальных отношений. Вряд ли можно согласиться с такой трактовкой этого явления.

Во-первых, трехчленная система организации ремесленного производства — явление, стадияльно более позднее, чем двухчленная, и представляет собой результат развития двухчленной, которую в условиях Средней Азии только с большой долей условности можно назвать феодальной. Во-вторых,

эта зависимость основывалась на экономическом закабалении и независимо от желания устокора хальфа при уплате долга мог уйти от хозяина. В-третьих, наряду с наймом, когда при поступлении на работу хальфа получал задаток, широко бытовал наем хальфа на работу без задатка. В этом случае хальфа зависел от устокора только как от работодателя и продавал ему свои рабочие руки. Такие взаимоотношения ничего общего с феодальными не имеют.

Приведенная социальная дифференциация ремесленного люда в городах Средней Азии, когда и внутри ремесленных цехов не было замкнутых социальных групп и разбогатевший хальфа становился устокором, полностью соответствует вышеописанной социальной организации оседло-земледельческого населения вообще.

Сложившиеся у населения Средней Азии различные формы социальных отношений в полной мере соответствуют тому многообразию хозяйственной деятельности людей, которое наблюдалось в этой части ойкумены. Отмеченная многоукладность среднеазиатского общества XVIII—XIX вв. создала большую сложность в общей оценке общественных отношений у народов Средней Азии. Большая одинаковость общественных связей у кочевников-скотоводов, обусловленная большей схожестью видов кочевого скотоводства, позволяет дать общее определение их социальным отношениям. По своему уровню развития они ближе всего подходят к обществам, стоящим на уровне военной демократии. Но эта форма военной демократии не адекватна военной демократии периода разложения родового строя. В силу специфики хозяйственной деятельности кочевников она сохранила лишь главное, принципиальное в своей сущности — народовластие, окутав его необходимыми институтами, насущность которых обуславливалась или диктовалась конкретными условиями жизни тех или иных групп кочевников-скотоводов.

Сложнее обстоит дело с определением в целом общественных отношений у земледельческих народов. Если и называть их патриархально-феодальными, то с очень большими оговорками, отмечая, что у народов Средней Азии не сложились те институты, которые характеризуют феодальное общество Западной Европы. Здесь отсутствовали классово-сословное деление, полная собственность феодала на землю и частичная на производителя-крестьянина. Последний в рассматриваемое время был не только лично свободен, но и «освобожден» от необходимых орудий труда. Средняя Азия не знала прикрепления крестьян к земле, и не было, кроме государственной, внеэкономических форм эксплуатации. Выражением этих порядков в среднеазиатских государствах явилось наличие двух форм собственности — государственной (реже общинной) на воду и частной или общинной на землю.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Этническая история народов Средней Азии складывается из двух частей — этногенеза и истории формирования современных народов. Под этногенезом в данном случае понимается образование тех этнических субстратов, которые явились основой для формирования современных среднеазиатских народов. К конечному этапу этногенеза складываются основные, необходимые условия — определенная общность территории, хозяйства, языка, форм общественной организации — все то, что можно объединить понятием «образ жизни». Перечисленные условия определяют все остальные аспекты образа жизни народа — жилище, одежду, утварь, т. е. материальную культуру. В равной мере эти условия обуславливают и духовную культуру народа, складывающуюся из систем положительных знаний, устного и музыкального фольклора, изобразительного искусства. Экономическое и социальное развитие общества определяет и другую сторону духовной жизни — религиозные представления, которые также входят в образ жизни народа. Часто складывается ситуация (особенно на ранних докапиталистических этапах развития общества), когда религиозная сторона образа жизни выступает на первое место, затушевывая в быту все остальное. Единая конфессиональная принадлежность является немаловажным условием в складывании этнического субстрата.

История формирования современных народов представляет собой развитие основных особенностей образа жизни, отличающие один народ от другого. Этнические особенности (особенности образа жизни) развиваются не по восходящей прямой, а испытывают на себе влияние соседних народов в виде мирных контактов или недружественных столкновений. В большинстве случаев более многочисленные группы во время таких контактов сохраняют свою самобытность, а мелкие с потерей хозяйственной и политической независимости теряют и свои этнические особенности. На этом этапе этнической истории значительное развитие получает этническое самосознание, отражающее принадлежность к народу, ведущему определенный образ жизни и говорящему на одном языке.

С развитием форм общественной организации и хозяйственной деятельности все большее значение приобретают политический фактор и урбанизация населения. Они способствуют созданию более крупных, объединенных политически и экономически и, как следствие, формированию более крупного этнического образования с более развитым самосознанием. Этот процесс идет тем быстрее, чем больше экономическая общность и чем меньше этнические компоненты объединено в политическом образовании. Важное значение для этнических процессов имеет и степень развития этнического самосознания (как выразителя образа жизни) при объединении различных народов в одно государство. Чем развитее самосознание, тем сложнее процессы консолидации и ассимиляции (речь идет, разумеется, о досоциалистических формациях), тем болезненнее они проходят. Наоборот, чем слабее этническое самосознание, тем спокойнее идут объединительные процессы. В то же время в таких обществах, как правило, не складываются предпосылки к объединению — нет экономического единства (речь идет не о единстве форм хозяйственной деятельности), и при различных контактах таких групп с более «развитыми» последние выходят победителями в этнических процессах. Естественно, что в данном случае одинаковость форм хозяйства является ведущим условием, без которого ни объединительные, ни ассимиляционные процессы невозможны. Все эти процессы, в зависимости от их активности, и определяют вторую часть процесса — историю формирования народов. Это не означает, что они (процессы) несвойственны и этногенезу, т. е. первой части этнической истории. Они, в силу ограниченности источников, на примере Средней Азии не всегда прослеживаются.

* * *

Этническая история народов Средней Азии изучена далеко не одинаково вследствие состояния источниковедческой базы, которой располагают исследователи истории таджиков, узбеков, казахов, туркмен, киргизов, каракалпаков, уйгуров и других народов Средней Азии. Большую роль играют и направление исследований, уровень обобщений и комплексность использования разнообразных видов источников.

Исторически сложилось такое положение, когда изучение происхождения почти всех народов Средней Азии началось с рассмотрения происхождения и семантики этнонимов. Такой подход, наряду с положительным вкладом в решения сложнейших этногенетических проблем, таит в себе большую опасность. При абсолютизации этнонимического направления (а это еще не изжито в ряде работ по этнической исто-

рии народов Средней Азии) исследование истории народа подменяется исследованием этнонима, порой очень позднего и не присвоенного себе народом, а данного извне.

Этнонимическое направление в большей мере развивалось и развивается лингвистами без учета конкретной истории народа. Не всегда удачно результаты лингвистов используются историками различных специальностей в своих исследованиях.

Очень часто применительно к народам Средней Азии их этническая история отождествляется с историей языка; каково происхождение языка, его распространение, такова и история народа. В наибольшей мере это относится к тюркоязычным народам. Не избежала аналогичной ошибки и история ираноязычного населения. Несомненно, важность этнолингвистической классификации населения и исследований в этом направлении чрезвычайно велика, однако история языка не может подменить историю народа. Если остаться на такой позиции, то придется признать, что, за исключением ягнобцев и припамирских таджиков, говорящих на восточноиранских языках, все остальные тюркоязычные народы и таджики (западноиранский язык) являются пришлыми для Средней Азии. Это положение противоречит известным науке фактам.

Решение отдельных вопросов этнической истории, а часто и более крупных проблем — происхождение какого-либо среднеазиатского народа — предпринималось учеными различных специальностей — антропологами, археологами, этнографами и специалистами по гражданской истории. Эти попытки были не всегда удачны, и прежде всего потому, что антропологи, например, судили о всех этногенетических процессах лишь на основе физического типа людей, присущего какому-либо народу. Наиболее показательным в этом отношении положением, сложившемся в туркменоведении. Выдвинутая антропологами еще в 40-х годах нашего столетия концепция о происхождении туркмен, основанная исключительно на антропологическом материале, противоречит громадному фактическому материалу, накопленному смежными научными дисциплинами. При всей своей важности антропологические материалы применительно к истории народов Средней Азии следует использовать с большой осторожностью. До недавнего времени в антропологических исследованиях по среднеазиатскому региону преобладали неоправданные обобщения, искажавшие реальное положение.

Значительно осторожнее к решению этногенетических проблем Средней Азии подходили и подходят археологи. Среднеазиатская археология в меньшей степени испытала увеличение отождествлением археологических культур с каким-либо народом. Без достаточных оснований отдельные

памятники или их группы не получали «этнической нагрузки». В последние десятилетия успехи среднеазиатских археологов дали много ценных, особенно иконографических, материалов для исследования этнических проблем историко-культурной области.

Большой вклад в изучение происхождения народов Средней Азии внесли историки, изучающие политическую и социально-экономическую историю этой страны. Основываясь на изучении письменных источников, они восстановили, дали оценку характера и особенностей политических событий, происходивших в Средней Азии. Исследователи убедительно доказали, что политическая история среднеазиатских народов, ее основные этапы, совпадают с важными событиями этнической истории, во многом предопределяя ход этногенеза и формирования современных народов. В то же время значительная часть исследований, базирующихся исключительно на письменных свидетельствах древних и средневековых авторов и хронистов XVIII—XIX вв., не учитывает новейших достижений смежных наук и не отражает реальный уровень наших знаний.

Не менее весомый вклад в изучение этнической истории Средней Азии сделан этнографами. Ими исследовались различные стороны образа жизни среднеазиатских народов. Основное внимание уделялось (и в значительной степени уделяется сейчас) исследованию состояния среднеазиатского общества XIX — начала XX в.

Наиболее успешно на этнографическом материале решаются этногенетические проблемы формирования современных народов.

Неубедительно выглядит применительно к народам Средней Азии попытки реконструировать этногенез исключительно по «этнографическим данным». К сожалению, работы такого характера еще часто публикуются и претендуют на окончательное решение проблемы.

Самые положительные результаты реконструкции этногенетических процессов, их характера, причин, их обусловивших, дали комплексные исследования проведенные на территориях Узбекистана и Каракалпакии, Киргизии и Туркмении. Объединенные и целенаправленные усилия антропологов, археологов, этнографов, географов и других специалистов расширили наши знания и одновременно увеличили круг проблем, решение которых стало насущной задачей. В результате комплексных исследований на первый план выдвинулась важнейшая группа проблем — изучение и показ исторического единства культурного наследия среднеазиатских народов, общности этногенетических процессов, т. е. исследование тех сторон их образа жизни, которые объединяют эти народы, отодвигая на второй план существующие различия. Акцентирование внимания на этих различиях, свойственное

ряду исследований, способствовало не воссозданию этнической истории Средней Азии, а запутыванию и без того сложной задачи.

Периодизация. В этнической истории Средней Азии выделяются пять больших хронологических периодов. Каждый из них отражает определенный этап формирования тех или иных этнических общностей, явившихся составными частями того этнического субстрата, на основе которого формировались современные народы Средней Азии.

I. Эпоха каменного, бронзового и раннего железного века. Заканчивается он в первой трети I тыс. до н. э.

II. VII в. до н. э. — VI в. н. э. Он распадается на три этапа:

1. VII—IV вв. до н. э. (Ахеменидский).

2. III в. до н. э. — IV в. н. э. (Кушанский).

3. IV—VI вв. (Эфталитский).

III. VI—XII вв. Этот период подразделяется на следующие этапы:

1. VI—VII вв. (Тюркский).

2. VIII—IX вв. (Послеарабский).

3. X—XII вв. (Предмонгольский).

IV. XIII—XV вв. (Монгольский).

V. XVI—XIX вв. (Узбекский).

* * *

Об этнических процессах, происходивших на территории Средней Азии в первый период, мы располагаем крайне ограниченными сведениями. По характеру обработки камня и формам орудий в развитии культуры среднеазиатских народов в эпоху нижнего палеолита можно выделить два направления; страну можно разделить на два ареала. Западная часть Средней Азии 300—500 тыс. лет тому назад входила в ареал средиземноморско-африканских культур, а восточная — тяготела к Восточной Азии. Весьма вероятно, что люди, заселявшие восточные области Средней Азии, имели больше общих черт с жителями Восточной и Юго-Восточной Азии, а западные — с шельскими и ашельскими людьми Европы, Африки и Передней Азии.

В мустьерское время деление на две большие культурные зоны сохраняются. Восток тяготеет к Центральной Азии, а запад имеет много общих черт с культурами Ирана, Ирака, Палестины.

Особенностью верхнепалеолитических культур Средней Азии является их близость с синхронными культурами Кавказа, Малой Азии и Европы. Наблюдаемое сходство вряд ли можно объяснить только одинаковыми географическими усло-

виями, определявшими в известной мере и одинаковый социально-экономический уровень развития общества. Возможно, большую роль в данном случае играют определенные культурные традиции, существовавшие и сложившиеся в определенной этнокультурной среде верхнепалеолитического населения. Эти традиции могли распространяться путем миграции населения или заимствования каких-либо культурно-технических навыков и приемов в результате контакта различных групп.

Как и в более ранние периоды, памятники Восточного Казахстана тяготеют к центральноазиатским.

Мезолитический этап не дал принципиально нового районирования культур Средней Азии. Равнины юга страны и предгорья Копетдага отличаются более высокой микролитической культурой от культур на севере страны и ее горной части, где очень сильно ощущалось влияние сибирских и центральноазиатских традиций.

В неолитическую эпоху, с возникновением в южных районах земледелия, разница в уровне экономического и социального развития носителей различных среднеазиатских археологических культур еще больше увеличилась. Особенно ярко это проявилось на следующем этапе — в эпоху бронзы.

В настоящее время невозможно решить вопрос о языковой принадлежности древнейшего населения Средней Азии. Высказываемые предположения имеют очень гипотетический характер. Наиболее вероятно, что затухание цивилизации эпохи бронзы на юге Средней Азии связано с продвижением в южные районы каких-то скотоводческих групп. Не исключено, что произошло вытеснение пришельцами старого оседло-земледельческого населения.

Подобные процессы не зафиксированы в других регионах Средней Азии — ни в Казахстане (андроновская и карасукская культуры), ни в Хорезме (тазабагьякская культура), ни в восточной части Средней Азии на западе Ферганы (чустская и кайраккумская культуры). Нет оснований говорить о движении носителей всех этих культур на юг страны. Скорее всего это были какие-то новые группы. Высказываются предположения, что пришельцы относились к новой для Средней Азии этнокультурной среде и по языку принадлежали к индоевропейским народам.

Памятники, оставленные этими народами, пока исследованы археологами только в южных районах Таджикистана, и путь, пройденный пришлыми скотоводами по Средней Азии, еще неясен.

Не исключено, что отдельные группы индоевропейцев продвинулись на территорию Средней Азии несколько раньше эпохи бронзы — где-то в конце неолитического периода, а их

массовое переселение в южные районы началось лишь после «накопления силы». Окончательное решение индоевропейской проблемы в Средней Азии возможно только после исследования ее на более широком материале.

В известной мере общество (если и не самых ранних, то групп конца II тыс. до н. э.) индоевропейцев мы можем представить по материалам «Авесты» — сборника священных текстов зороастрийцев.

Лингвистический анализ языка «Авесты» указывает на его генетическое родство с древнеперсидским языком, что позволяет ставить вопрос и о каком-то этническом «родстве» древних ариев и населения Ирана (Хорасана) в I тыс. до н. э.

Индоевропейские племена, образ жизни которых восстанавливается по «Авесте», наряду со скотоводством занимались и земледелием, которое было очень почетным делом. Сочетание пастушеского скотоводства и земледелия сохранилось в качестве основного занятия ираноязычных племен в южной части Средней Азии и в пограничных с ней районах Афганистана (Бактрии) и Ирана вплоть до наших дней.

К началу I тыс. до н. э. народы, говорящие на индоевропейских языках, занимали уже всю территорию Средней Азии.

* * *

Второй период (VII—VI вв. до н. э. — VI в. н. э.) в этнической истории Средней Азии изучен значительно лучше, хотя о целом ряде его этапов наши сведения чрезвычайно скудны. Наука располагает уже комплексом источников — письменными свидетельствами о народах, населявших Среднюю Азию, более обширными и разносторонними археологическими материалами. Значительно полнее сведения об антропологическом типе населения.

С VI в. до н. э. Средняя Азия входит в состав Ахеменидской державы. Письменно засвидетельствовано название среднеазиатских территорий, подвластных Дарию I. Бехистунская надпись среди прочих стран перечисляет Парфию (Прикопетдагская полоса юга Туркмении), Арею (восточная часть юга Туркмении), Хорезм (низовья Амударьи), Бактрию (юг Таджикистана и Узбекистана), Согдиану (районы современного Самарканда и Кашкадарьинской оазис) и Скифию.

Приведенные в Бехистунской надписи названия областей Средней Азии соответствовали, вероятно, и названиям народов, расселенных на их территориях. Сложнее обстоит дело со «Скифией». В это понятие, возможно, включались все степи Средней Азии. К несколько более позднему времени — к IV в. до н. э. — относятся сообщения о названиях скотовод-

ческих ираноязычных племен, кочевавших в среднеазиатских степях.

В Юго-Западной Туркмении жили дахи, в Парфии — парны. К северу, северо-востоку и востоку от дахов и парнов источники помещают саков, подразделяя их на три группы. Саки тий-тарадарайя расселялись в северной части Хорезма и в степях между Каспийским (тогда Гирканским) морем и Амударьей (Окском). По правому берегу Сырдарьи (Яксарт) находились земли саков тигра-хауда. Земли в среднем течении Амударьи занимали саки хаумаварка. В южной части Хорезма упоминаются массагеты.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что все упомянутые народы поселились в этих местах задолго до того времени, когда о них сообщают письменные источники. Это позволяет делать вывод о том, что все они по языку принадлежали к индоевропейской семье языков, так как еще в VI в. до н. э. их объединяли под одним именем «скифы». Принадлежность языка «скифов» к иранской группе индоевропейских языков безусловна. Это положение для правильного понимания этногенетических процессов в Средней Азии очень важно, поскольку показывает несостоятельность концепции «тюркоязычных» сакских племен, расселенных в среднеазиатских степях.

Уровень этнического развития этих народов еще недостаточно полно исследован, но сейчас ясно, что они уже прошли «племенной» уровень. В первую очередь племенная организация разрушилась у земледельцев и в тех областях, где скотоводческое население было не столь многочисленно. По степени «деплеменизации» организации общества на первом месте стоял Согд — наиболее земледельческая область Средней Азии. В остальных районах связи оседлого и кочевого скотоводческого населения скорее всего были более тесные. Не исключено, что и дахи, и парны, и все группы саков, равно как и бактрийцы, подразделялись по хозяйственной деятельности на земледельцев и скотоводов. Кроме необходимых в таких случаях хозяйственных связей здесь были и связи языковые — единый язык кочевников и земледельцев, единая религиозная принадлежность и общность истоков духовной культуры не создавали столь сложного для контактов барьера, который сложился позднее между разноязычными кочевниками и земледельцами. Несмотря на значительную разницу в образе жизни между скотоводами и земледельцами, например у парфян, здесь еще не сложились разные этнические образования. Цементирование этноса постоянно поддерживалось оседанием кочевников на землю и сложением при этом устойчивой общности на основе земледельческой оседлости. Процесс оседания, как было показано выше, не был единовременным актом и продолжался какое-то время. Это время

и было связующим звеном между кочевниками и земледельцами. В то же время оседание скотоводов разрывало их связи, и языковые и культурные, со степным миром.

Тождественность степных скотоводческих культур этого времени в Средней Азии была значительно большей, нежели наблюдаемая между культурами земледельческих центров.

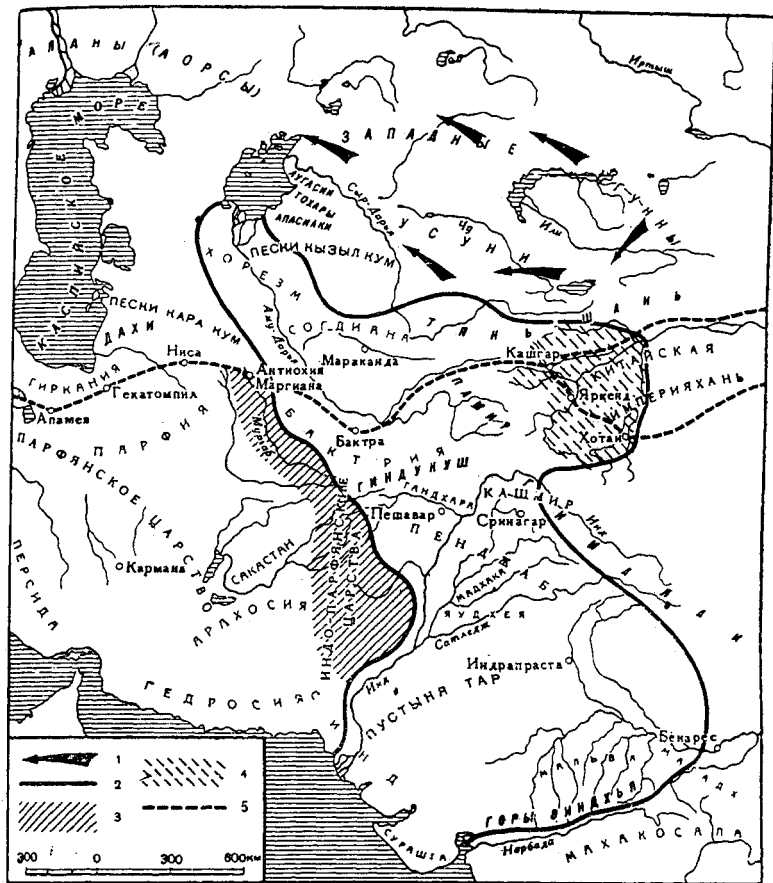

Рис. 19. Средняя Азия во II в. н. э.

1 — направления передвижения гуннов; 2 — границы Кушанского царства; 3 — сфера влияния Кушанского царства; 4 — земли, завоеванные кушанами в Восточном Туркестане; 5 — «Великий шелковый путь»

Памятники языков народов Средней Азии VII—IV вв. до н. э., засвидетельствованных письменными источниками, показывают, что разделение древнеиранской языковой

основы на западные и восточные уже произошло. За исключением языка парфян, он относится к западной (некоторые исследователи причисляют его к северо-западной) ветви иранских языков, языки остальных народов — дахов, массагетов, саков, хорезмийцев, согдийцев и бактрийцев — составляют восточную группу. Заметны различия и в группе сакских языков, где выделяются северо-западная группа — дахи и массагеты и юго-восточные сакские языки. Возможно, что разделение восточноиранской группы на самостоятельные языки произошло уже в процессе расселения восточных иранцев по территории Средней Азии и пограничных с ней областей.

В антропологическом отношении население Средней Азии было европеоидным. Сколько-нибудь существенных монголоидных примесей исследователи не находят.

Ни письменными, ни археологическими свидетельствами не зафиксировано на этом этапе вторжение в Среднюю Азию каких-либо посторонних групп. Этнический состав стабилизировался, и консолидация древних народов продолжалась. Культурные и хозяйственные традиции окрепли настолько, что все дальнейшие и политические и этнические коллизии не смогли их уничтожить.

В немалой степени процессам консолидации способствовало вхождение южных районов Средней Азии и Хорезма в состав Ахеменидской державы, что стабилизировало политическую обстановку и в какой-то мере объединило народы. Во всяком случае нет сведений о крупных военных действиях на территории страны.

На конец этого периода приходится событие, оказавшее большое влияние как на этнические процессы, так и на всю культурную жизнь народов южной части Средней Азии. В 349 г. до н. э. в Согд и Бактрию вторглись греко-македонские войска под предводительством Александра Македонского.

Среди исследователей нет единства мнений о роли собственно греческого компонента в этногенезе народов Средней Азии. Одна часть ученых считает, что греческий пласт, представленный греко-македонскими военными гарнизонами, оставшимися в Средней Азии, растворился без заметного следа в массе местного населения. Другие полагают, что в некоторых, в основном горных, районах греческий этнос прослеживается и в наши дни. Кроме сведений об оставлении Александром части войск в виде гарнизонов они основываются на народной традиции, ведущей происхождение населения некоторых кишлаков от греков, и на топонимах, имеющих якобы отношение ко времени завоевания Средней Азии войсками Александра Македонского. Примером может служить название аула в подгорной части Копетдага — Эскандер и кишла-

ка под Ленинабадом (Александрия Эсхата) — Руми. В качестве довода в пользу своей точки зрения исследователи приводят светлую пигментацию значительных групп южных таджиков, живущих на территории древней Бактрии, где греческое влияние было очень сильным.

Пожалуй, бóльшее значение для этнических процессов имели последствия греческого завоевания, когда крупные области Средней Азии оказались в составе различных государств — Греко-Бактрии, Парфии и Хорезма. Южные области Средней Азии оказались под влиянием иных культурных традиций, в то время как северные области и Хорезм сохранили больше местных традиций. Вероятно, Греко-Бактрия не оказала на Фергану такого влияния, как на Согд и южные районы Таджикистана и Узбекистана. В юго-западной части Средней Азии, где образовалась мощная Парфянская держава, также сложились благоприятные условия для обособления населения Парфии от населения остальных регионов.

Второй этап этого периода начинается с III в. до н. э. Все этнические процессы определило вторжение юэчжей. Они создали свое государство, известное под названием Кушанского.

Кушанская проблема — одна из самых сложных в истории Средней Азии. Располагая весьма солидным набором разнообразных источников, историки СССР, Индии и Афганистана — стран, на территории которых располагалась Кушанская империя, не могут прийти к единому мнению о времени образования этой громадной державы. Не до конца ясна и этническая принадлежность юэчжей. Достоверно известно лишь, что язык их, несомненно, относится к индоевропейской семье.

Существует мнение, что продвижение юэчжей из пограничных со Средней Азией восточных территорий вызвало переселение больших масс сакских племен в Греко-Бактрию и завоевание этой страны среднеазиатскими кочевниками. Уход значительного количества саков из восточной части Средней Азии заметно ослабил восточноиранский этнический пласт в этом районе.

Юэчжи не задержались на восточных границах страны и продвинулись дальше на юг, закрепив за собой Согд и бактрийскую часть Средней Азии.

Вероятно, несколько позднее в юго-восточную часть современного Казахстана, с территории Синьцзяна, продвинулись кочевые племена усуней, об этнической принадлежности которых мы практически ничего не знаем.

Не менее сложные и бурные события происходили на севере страны. Так, в это время упоминается не до конца еще ясное политическое образование Кангюй. О происхождении

названия в настоящее время нельзя дать однозначного ответа — был ли это этноним или в основе лежит имя предводителя каких-то племен.

И, наконец, впервые упоминаются гунны, появившиеся в северных и северо-восточных частях Средней Азии. В наши дни тюркская языковая принадлежность гуннов, еще недавно принимавшаяся большинством исследователей, ставится под сомнение.

Дополнительные вещественные материалы и проведенные на их основе новейшие исследования дают основание считать гуннов конгломератом различных по языковой принадлежности племен. Наряду с тюркоязычными племенами не менее существенными были ирано- и финноязычные группы.

Такая сложность и пестрота этнической ситуации на севере страны, скорее всего, объясняются перегруппировкой старого сакского населения, которое выступило под новым названием. Археологические и антропологические материалы если и дают какие-то изменения в материальной культуре и антропологическом типе, то не настолько существенные, чтобы можно было говорить о расселении здесь каких-то больших новых этнических групп.

В отношении населения западных степных территорий Средней Азии, расположенных между Аральским и Каспийским морями, применительно к рассматриваемому этапу мы ничего не знаем. Бурные события, происходившие с III в. до н. э. по III в. н. э. в восточных районах Средней Азии, слабо коснулись ее западных областей. Парфия значительно расширила свои границы и стала в один ряд с Римской империей. Ее экономические и политические центры были перенесены на запад. Древняя столица Нисса (расположена в 18 км к западу от Ашхабада) сохранила свое значение лишь в обрядовой жизни. Тем не менее спокойствие северных границ свидетельствовало, возможно, о мирных взаимоотношениях между оседлыми земледельцами и кочевыми племенами парфов. Скорее всего здесь, как и в более раннее время, не сложилось четкой границы между скотоводческим и земледельческим населением. Обособление же Парфии от восточных областей Средней Азии четко обозначил язык. На смену парфянскому пришел древнеперсидский язык, относящийся к западноиранской группе индоевропейской языковой семьи.

Усиление Сасанидского Ирана и разгром им Кушанского государства в III—IV вв. (более точная дата дискутируется в науке) вновь перекроили политическую карту Средней Азии. Это событие отразило в этническом аспекте появление на юге страны нового крупного этнического массива — западноиранского, которому было суждено сыграть важную роль в этногенетических процессах на территории современных Узбекистана, Таджикистана и Туркмении.

Резюмируя в целом направление этнических процессов на этом этапе, следует подчеркнуть их центробежные тенденции, обусловленные в основном политическими событиями.

«Смутное время» — появление на территории Средней Азии новых этнических названий, не идентифицированных с какими-либо археологическими материалами, продолжалось и в послекушанское и послепарфянской время. Источники сообщают о хионитах, под властью которых находилась значительная часть Средней Азии. Неоднократно упоминаются гунны и, наконец, загадочный народ эфталиты, расселенный в оазисах и степях.

В специальной литературе эфталитам, или эфталитскому времени, уделено достаточно внимания. Тем не менее вопрос о происхождении этого народа остается еще открытым. Эфталитская проблема нуждается в безотлагательном решении, ибо является ключевой для понимания очень важного этапа в этногенезе народов Средней Азии. По неясным причинам эфталитов называют также белыми гуннами. Существует мнение, что эфталиты создали свое государство, в состав которого входила чуть ли не вся Средняя Азия. В отношении языковой принадлежности эфталитов высказывают самые противоречивые суждения. Часть исследователей считает их тюрками, другая — ираноязычным народом.

Возможно, что такая неопределенность в отношении языковой атрибуции эфталитов объясняется сложностью этнических и языковых процессов на всей территории Средней Азии, вызванной появлением нового для этой страны компонента — тюрков.

* * *

Третий период в этнической истории Средней Азии (V—XII вв.) замечателен тем, что в это время резко изменилась лингвистическая ситуация. Тюркские языки победили в большинстве районов. На это же время приходится распространение западноиранского языка: дари в южных частях Средней Азии и, за небольшим исключением, исчезновение восточноиранских языков.

Первые известия о тюркоязычных народах применительно к Средней Азии относятся к гуннскому времени. Однако точно засвидетельствованных значительных по размерам тюркоязычных групп, которые бы обосновались в Средней Азии, пока не известно. Они появились на исторической арене значительно позднее — в V в. и уже в VI в. создали громадное государство — Тюркский каганат, простиравшийся от Тихого океана до Черного моря.

Существует мнение, что этногенез собственно тюркских племен проходил в Забайкалье, откуда тюрки расселялись

и в западном и в восточном направлениях. В письменных (китайских) источниках тюрки впервые засвидетельствованы во II в. до н. э.

В то время, вероятно, тюрки еще не представляли собой той мощной политической силы, которой они стали четыре столетия спустя.

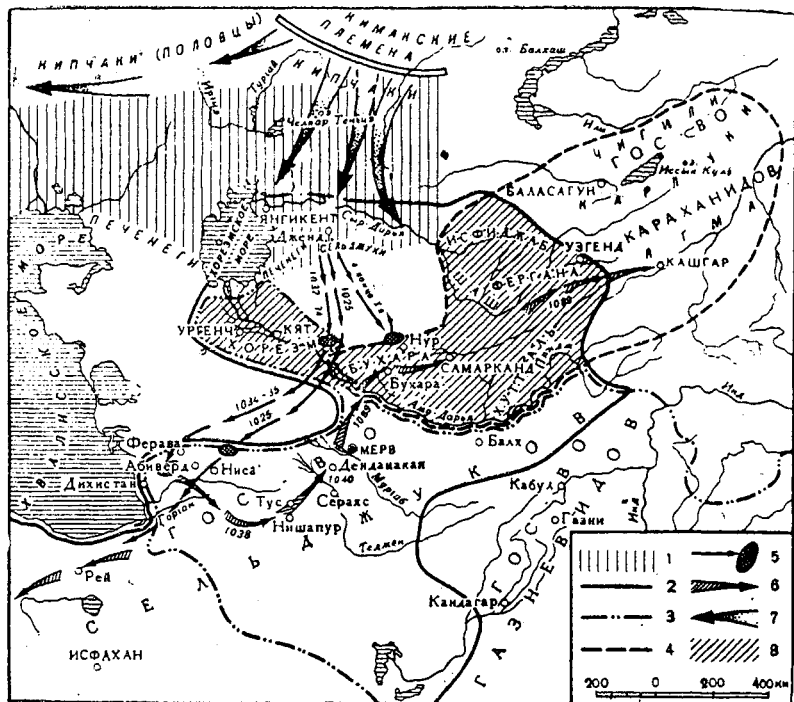

Рис. 20. Средняя Азия в XI в.

- 1 — территория печенегов; 2 — границы Сельджукского государства; 3 — границы газневидов до 1014 г.; 4 — границы владений Караханидов; 5 — направления откочевок сельджуков; 6 — направления завоевательных походов сельджуков; 7 — движение кыпчаков; 8 — вассальные владения сельджуков в Средней Азии

Тюркский каганат возник в VI в. довольно неожиданно — без «предварительного» оповещения источниками о накоплении на северо-восточных и восточных границах Средней Азии крупных тюркоязычных массивов.

Неясно, как происходил процесс увеличения тюркских племен на сравнительно небольшой территории первоначального их расселения. Возможно, численное накопление тюрков

не только в пограничных со Средней Азией районах, но и на ее территории происходило за счет постепенной тюркизации местных восточноиранских (сакских, массагетских) племен. Тюркизация, вероятно, началась еще в эфталитское время (в III—IV вв.), и в среду восточноиранских кочевников стали проникать тюркские группы. Но вряд ли эти тюркоязычные группы были тюрками «по крови». Скорее это тюркизированные группы местных племен, о чем свидетельствует археологический материал, который не отмечает переселения новых больших кочевых групп на территорию Средней Азии. Археологически тюрки прослеживаются значительно позднее — в VII—VIII вв.

Первоначально было тюркизировано кочевое скотоводческое население степной части Средней Азии. В наибольшей мере тюркизации подверглось население восточных областей. Оно по существу явилось своеобразным фильтром, и в западные районы Средней Азии тюркский язык попадал уже опосредованно, через тюркизированных кочевников-иранцев. Этим объясняется (помимо других причин) сильный иранский пласт в туркменском языке, самого западного народа Средней Азии.

В специальной этнографической литературе еще часто можно встретить отождествление двух процессов — тюркизации населения Средней Азии по языку и монголизации антропологического типа части среднеазиатских народов — казахов, киргизов, каракалпаков и частично туркменских и узбекских племен. Это положение ошибочно. Во-первых, известные в Средней Азии ранние тюрки в своей массе были европеиды, и если в их среде и был монголоидный компонент, то очень незначительный. Во-вторых, тюркизация Средней Азии началась намного раньше, нежели монголизация, которая связана с другими, монголоидными группами и относится к более позднему времени — завоеванию Средней Азии полчищами Чингизхана.

В VI—VII вв. тюркский язык распространяется в оазисах, куда его принесли осевшие кочевники. Этот процесс, скорее всего, не был болезненным, так как помимо собственно тюрков, которые были немногочисленны, основными носителями тюркского языка выступали тюркизированные иранцы. Большая общность культуры и длительные контакты оседлого населения оазисов со «своими» кочевниками явились условием первоначально спокойной тюркизации земледельческих районов.

Вероятно, иной характер имела тюркизация после разгрома тюрками и Сасанидским Ираном государства эфталитов. Как и любое завоевание, оно было сопряжено с разрушением производительных сил, с уничтожением и переселением больших масс населения. К VI—VII вв. очень значи-

тельные массы тюрков осели в оазисах Средней Азии, где и стали главной политической силой.

Южные области страны отошли к Сасанидскому Ирану. Это обстоятельство способствовало количественному усилению, в основном в городах, западноиранского населения. Письменные источники не зафиксировали процесс распространения дари в южных частях Средней Азии, как и тюркского в северных. Сасаниды, захватив часть территорий государства эфталитов, создали в городах свою администрацию, говорящую на дари, продвинулись на северо-восток — в Северный Хорасан и южные районы Таджикистана.

Бурные политические события на этом этапе этнической истории нарушили естественное развитие этнических процессов. Если в культурном отношении тюркизация и не сыграла заметной роли, то в языковом — начался новый, важный этап. Средняя Азия разделилась на две языковые зоны: на севере и востоке решающее значение стали играть тюркские языки, на юге — западноиранский — дари. Восточноиранские языки постепенно сдавали свои позиции. Хотя на согдийском и хорезмском (по другим восточноиранским языкам нет сведений) еще и говорили значительные группы как кочевого, так и оседло-земледельческого населения, процесс замены древних языков Средней Азии на новые был необратимым.

Второй этап третьего периода — VII—IX вв. — также насыщен событиями, оказавшими большое влияние на этническую историю среднеазиатских народов. Хорезм, Северный Хорасан и междуречье Амударьи и Сырдарьи (по-арабски Мавераннахар) были завоеваны арабами.

Без малого сто лет потребовалось арабам, чтобы сломить сопротивление народов этих среднеазиатских областей. Последствия арабского завоевания для этнических процессов на территории Средней Азии окончательно еще не исследованы.

По-разному сказалось арабское завоевание в различных частях Средней Азии. Например, в юго-западных районах территории современной Туркмении влияние пришельцев заметнее, чем в северных и восточных районах Казахстана, куда арабы не могли проникнуть. Их продвижение за Сырдарью было остановлено тюрками.

Объединение южных земледельческих районов и Хорезма в составе халифата стабилизировало политическую обстановку и ликвидировало внутренние распри. Это способствовало установлению и укреплению внутриэкономических связей и активизации на этой основе объединительных тенденций в этнических процессах. Объединению способствовала и единая религия — ислам, нивелировавшая местные различия.

Вхождение земледельческих оазисов в состав халифата не повлекло за собой, как, например, в Северной Африке, их

арабизации. Культурные традиции народов Средней Азии оказались сильнее, но границы халифата на несколько столетий разъединили Среднюю Азию на два культурных мира — кочевую степь и оседлые оазисы. Привычные связи, плодотворно функционировавшие на протяжении многих веков, были ослаблены. В первую очередь от этого пострадали скотоводческие народы.

Не следует преувеличивать и значение арабского завоевания на развитие социальных отношений у народов Средней Азии. Разрушение экономики государств Средней Азии (а арабское завоевание сопровождалось именно этим) привело к замедлению их социального развития.

В специальной литературе много внимания уделяется значению арабского завоевания в становлении так называемого «мусульманского» искусства в Средней Азии и культуры вообще. Это далеко не так. Арабские завоеватели к моменту прихода в Среднюю Азию были по своему культурному уровню значительно ниже, чем среднеазиатские народы. Что же касается хозяйственных традиций и навыков, якобы полученных народами Средней Азии из районов халифата, то этот вопрос также далек от окончательного решения. Культурные контакты и связи среднеазиатских народов с западными областями Азии установились задолго до образования халифата.

В настоящее время наука располагает достаточно вескими аргументами, показывающими развитие старых среднеазиатских традиций во всех областях жизни в период вхождения Средней Азии в состав Арабского халифата.

Что же касается культурной жизни, то арабское завоевание нанесло ей жестокий удар. Насажение огнем и мечом мусульманской религии приводило к уничтожению доисламских культурных ценностей. Идеология ислама признавала только «свое» искусство.

О слабости влияния халифата как единого хозяйственного и культурного образования на отдельные страны свидетельствуют сильные центробежные тенденции, проявившиеся на его окраинах. Уже к началу IX в. Средняя Азия фактически становится независимой, а со второй половины этого столетия и формально не признает власть халифа.

Кроме экспансии арабов с юга продолжалось переселение тюркских групп в Среднюю Азию через ее восточные границы. В конце VII — начале VIII в. на востоке современного Казахстана появляются тюркешы, а в конце VIII в. в Семиречье (юго-восток Казахстана) расселяются карлуки. Карлукские племена создали свое государственное образование и впоследствии сыграли заметную роль в этногенетических процессах на территории Средней Азии.

К середине IX в. все районы Средней Азии, захваченные арабами, Северный Афганистан и Хорасан были объединены под властью династии Саманидов. Государство Саманидов просуществовало недолго. К концу X в. оно пало под ударами более сильных соседей. Период саманидского господства примечателен тем, что в ряде земледельческих оазисов — в Мургабском, в долине Зеравшана и в некоторых других в основном городские жители, вероятно, стали говорить на языке дари. Высказывается мнение, что это обстоятельство отражает завершение формирования таджикской народности. Не останавливаясь детально на истории сложения таджикского народа (к этой проблеме придется еще вернуться), заметим, что аналогичные процессы — формирование значительных экономико-территориальных общностей с заметными культурными особенностями, население которых говорило и на тюркских языках, — происходили и в других частях Средней Азии. Да и в самом Саманидском государстве аналогичные процессы происходили с ярко выраженной тюркизацией согдийского населения. На территории Саманидского государства, в его среднеазиатской части, сложилась в большей мере хозяйственная общность оседло-земледельческих народов, нежели этническое единство. Языковая ситуация была очень сложной: в западных районах население говорило на дари и тюркских языках, а в восточных к ним добавлялся еще довольно широко распространенный согдийский язык. Переселение значительных масс тюркоязычного населения, известного под названиями ягма, чигили и ранее упомянутых карлуков, в IX—X вв. в восточные области и образование Караханидского государства способствовали усилению тюркизации сельского населения. После XI в. нет упоминаний о сколько-нибудь значительных согдоязычных массивах. Городское население, скорее всего, перешло на дари.

Не менее сложные процессы проходили в степных районах Средней Азии — в ее северных, восточных и западных частях. С конца IX в. на этих обширных пространствах упоминаются огузы. До сего дня нет единства мнений в отношении интерпретации этого термина. Неясно, что скрывалось под этим названием — этническая группа или политическое объединение, а может быть, огузами называли кочевников-скотоводов, живших за пределами земледельческих оазисов. Письменные источники X—XII вв., содержащие сведения об огузах, расселяют их на громадной территории — от Урала на западе до г. Шаш (Ташкент) на востоке. Теми же свидетельствами огузам отводится большая роль в этногенезе многих народов Средней Азии. Лингвисты-тюркологи выделяют даже специальный «огузский» период в истории формирования тюркских языков. Нет еще полной ясности в определении антропологического типа огузов. Известные средневеко-

вые описания внешнего вида западных огузов дают основания считать их монголоидами.

О сложении большой общности в степной части Средней Азии свидетельствуют археологические материалы. Локальные варианты культуры «поздних кочевников» имеют много общих черт, а различия, как, например, в погребальных памятниках, не столь существенны, как иногда освещается в литературе. В то же время краниологический материал, добытый археологами, показывает неодинаковость антропологического типа и, в частности, разную степень монголизации кочевников. При общем европеоидном облике, монголоидность сильнее проступает в восточных районах.

Признанию огузов мощным однородным этническим образованием мешает и то обстоятельство, что в письменных источниках содержится множество упоминаний о расселении в местах обитания огузов других средневековых кочевников. Совпадают не только места поселения, но и время. Например, основным центром огузского «государства» часть исследователей считает низовья Сырдарьи, где огузов упоминают средневековые хронисты. Одновременно в XI в. в низовьях Сырдарьи другие источники помещают кипчаков, отмечая, что этот народ занимает большие степные пространства к северу. Народ кипчаков настолько был многочислен, что его именем называлась северная степная зона Средней Азии — Дешт-и-Кипчак.

Далее, в VIII—XI вв. восточнее кипчаков, также на огузских землях, упоминаются родственные кипчакам племена кимаков. Аналогичная ситуация складывается и с расселением печенегов, хорошо известных по русским летописям.

Скорее всего, огузов надо рассматривать как собирательное понятие, данное средневековыми источниками всем кочевникам-скотоводам, жившим за пределами оазисов Средней Азии. Говоря на близких тюркских языках, ведя одинаковый образ жизни, они представлялись «культурным» земледельцам-мусульманам однородной, почти неизвестной массой, которая постоянно держала в напряжении границы среднеазиатских земледельческих государств. Такое явление для Средней Азии не ново. Похожее положение зафиксировано источниками и раньше — в IV—V вв. применительно к эфталитам, под чьим именем были объединены родственные, но не тождественные кочевые и оседлые племена и народы.

Как только кочевники начинали движение, мирное или военное, в оазисы, каждая их группа получала самостоятельное наименование в исторических сочинениях средневековых авторов.

Так получилось с сельджуками — кочевыми группами «огузского» происхождения. Свое название она получила по имени предводителей из рода Сельджуков, возглавившего

скотоводческие группы, кочевавшие в низовьях Сырдарьи. Начав свое движение в X в., сельджуки создали громадное государство — от Средиземного моря на западе до Памира на востоке. Расселение сельджуков по всей земледельческой Средней Азии оказало большое влияние на этнические процессы. Оно в значительной мере нивелировало существовавшие однородные в известной мере различия в среде тюркоязычного населения, затушевывая их среднеазиатским скотоводческим компонентом.

Разорвав политические границы, существенно ослаблявшие хозяйственные связи как между отдельными земледельческими областями, так и между оазисами и степью, кочевники-сельджуки «объединили» и этнические процессы, протекавшие в среде скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев.

В XI в. на восточных окраинах Средней Азии появился новый, ранее неизвестный народ — каракитаи. Их этническая принадлежность до сих пор остается неясной. Высказывались предположения о монголоязычности каракитаев, однако для более точного определения их языковой принадлежности материалов еще недостаточно. Начав с южных районов Казахстана, каракитаи в XII в. завоевали почти всю Среднюю Азию. Они в значительной мере трансформировали действующие при сельджуках социальные институты (ими была отменена «икта»): пожалованный за службу в войске удел и введена подворная подать. Это обстоятельство указывает на довольно высокую общественную организацию общества каракитаев. Обычно кочевники воспринимали государственные формы у земледельческого населения. Возможно, такое положение может служить косвенным свидетельством и сравнительно высокого уровня этнического развития. Неизвестен точно антропологический тип каракитаев. Есть предположения, что они были монголоидами и что начало массовой монголизации населения восточных областей Средней Азии начинается именно с приходом в страну каракитаев. Краниологические материалы, относящиеся к XII в., говорят о большей (по сравнению с предыдущим периодом) монголоидной примеси.

К концу третьего периода этнической истории Средней Азии крупные хозяйственные зоны — кочевники и земледельцы имели ярко выраженную культурную специфику; внутри зон сложились территориальные группы населения, которые имели антропологические различия, некоторые особенности материальной культуры и преимущественно в земледельческих районах — языка. Экономические связи здесь были достаточно прочные. В оазисах определяющее значение имела система ирригации и на ее основе проходило сложение хозяйственно-территориальных коллективов людей, говоривших, как правило, на одном языке. Такие же хозяйственно-куль-

турные общности складывались вокруг городов. Общность хозяйственной деятельности требовала единого языка. Побеждал язык наиболее экономически сильной группы. Так, в городах с ираноязычным населением господствовал язык дари, а в большинстве районов сельской местности говорили на тюркских языках.

В степной зоне экономические связи были менее прочные; они не выходили за пределы небольшого тире. В то же время необходимость защиты пастбищ заставляла людей объединяться в большие группы, кочевавшие в том или ином месте. Такими группами являлись «племена», образованные по территориальному принципу.

Языковая ситуация в степной части была значительно проще, нежели в оазисах. К XIII в. только в некоторых отдаленных от оазисов труднодоступных районах источники упоминают скотоводческие группы, говорящие на восточноиранских языках. К таким районам относилась и «степь на запад от Хорезма». Но основными языками были тюркские. Различные (но достаточно близкие для понимания) языки и диалекты складывались или обособлялись в результате образования локальных групп племен. Возникшие на единстве происхождения (отпочкования в связи с ростом численности населения) и занимаемой территории; такие образования (их в литературе называют союзы племен) в зависимости от конкретной политической и хозяйственной ситуаций, существовали то или иное время. Название такие объединения получали по имени наиболее известного племени, которое не всегда было самым крупным. Примером может служить язырский союз туркменских племен домонгольского периода в Восточном Прикаспии. В «союзы» включались и неродственные племена, приносящие с собой иные диалекты или языки, сложившиеся на других территориях. Большую роль в сложении таких образований играли оазисы, с которыми у этих племен исторически устанавливались тесные торгово-экономические взаимоотношения.

Подвижность кочевого скотоводческого хозяйства, частые перемещения отдельных групп или больших племен, обусловленные различными причинами, способствовали распространению племенных этнонимов на широкой территории. Такие переселения и кочевание в непосредственной близости от оазисов создавали условия для знакомства оседлого населения с племенными названиями и небольшой племенной группы. Будучи непосредственными соседями и партнерами по торговым операциям, эти кочевые группы под названиями больших племен или даже «союзов» попадали в письменные документы и хроники. Поскольку численность скотоводческого населения всегда оставалась неизвестной для земледельцев, даже небольшая группа принималась за целое племя. Зафиксиро-

ванные, таким образом, в письменных источниках племена «расселились» на громадных пространствах Средней Азии.

К XI—XII вв. с образованием территориально-лингвистических объединений или хозяйственно-лингвистических групп в значительных по площади районах Средней Азии, в сложении которых принимали различные (и по большей части общие для всей Средней Азии) народы, заканчивается наиболее продолжительный этап этнической истории — этногенез. К этому времени уже четко обозначились те группы населения в разных частях Средней Азии, из которых сформировались современные народы — узбеки, казахи, киргизы, каракалпаки, уйгуры, туркмены и таджики.

* * *

Четвертый период этнической истории Средней Азии (XIII—XV вв.) определен процессами, вызванными монгольскими вторжениями. Оставляя в стороне детальный разбор всех катастрофических последствий завоевания Средней Азии полчищами Чингизхана, рассмотрим влияние этого события на этнические процессы.

Вслед за разгромленными Чингизханом найманами и меркитами на восточных границах Средней Азии появились и основные силы монголов. Захват монголами Средней Азии повлек за собой монголизацию антропологического типа населения степей и (в меньшей степени) оазисов. Последнее обстоятельство объясняется известным торможением процесса оседания — оазисы были разгромлены, население уничтожено или укрылось в труднодоступных горных районах. Разрушение ирригационной системы подорвало основы экономики земледельцев и сделало оазисы малопривлекательными для кочевников-скотоводов. Наблюдаемая в настоящее время монголоидная примесь у оазисного населения — результат более позднего оседания кочевников и смешения их с земледельческим населением.

В отношении языка влияние монголов не было столь заметным. Довольно быстро монгольязычные племена перешли на тюркские языки, и уже к XV в. монгольязычные группы на территории Средней Азии (за исключением Юго-Восточного Казахстана) источниками не упоминаются.

Победа тюркских языков была в значительной мере подготовлена внутренней политикой Чингизхана. Борясь против племенной автономии, Чингизхан организовывал войска не по племенному принципу, перемешивая в десятках, сотнях, тысячах, туменах представителей различных племен. Забирая в войска покоренные, прежде всего кочевые, народы (Чингизхану нужны были всадники) и перемешивая их с монго-

лами, он способствовал тюркизации монголов и особенно той части, которая не вернулась в Монголию, а осталась кочевать в Средней Азии. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в составе войск Чингизхана еще до завоевания Средней Азии было значительное число тюркоязычного населения, которое представляло покоренных монголами «восточных» тюрок.

Антиплеменная политика Чингиз-хана не принесла желаемого результата. После его смерти в спокойные от войны периоды племена снова возрождались и уже не было силы, способной их разрушить. Образовывались новые, послемонгольские племена, говорящие на тюркских языках, но часто носящие монгольские названия — найманы, керейты и т. п.

В данном случае четко проявился переход кочевого общества от военной организации к мирной, хозяйственной. Племенная организация как единственно возможная в условиях кочевого быта форма политической и хозяйственной организации кочевников заменила военную.

Монгольское нашествие в значительной мере изменило картину расселения кочевых племен в некоторых, в основном восточных и северных, районах Средней Азии. Вовлеченные в завоевательные походы монголов, они не всегда возвращались на прежние места и оставались в новых, завоеванных областях. Это видно на примере южных районов Таджикистана, где до настоящего времени сохранились (теперь уже узбекские) скотоводческие группы, появившиеся там в монгольское время.

Значительно меньше затронуло монгольское нашествие западные окраины Средней Азии. Не имея больших ирригационных систем, за исключением Мешедмиссаррианской, население здесь сумело быстрее восстановить хозяйство. Не оставили существенного следа монголы и среди кочевников Восточного Прикаспия. В частности, антропологический тип населения в западных районах не получил столько монголоидности, как на востоке и в племенной номенклатуре, за небольшим исключением, отсутствовали монгольские названия.

В целом же монгольское нашествие сильно затормозило развитие этнических процессов и формирование более крупных этнических общностей — современных народов Средней Азии. Консолидационные процессы, четко обозначившиеся уже в X—XII вв., получили свое дальнейшее развитие лишь в послетимуридское время.

Во времена Тимура и его преемников, кроме перемещения значительных кочевых групп и насильственного переселения ремесленников из разных стран в Самарканд и некоторые другие города (ремесленники ассимилировались местным населением), никаких новых больших этнических групп на территории Средней Азии не появилось. Наоборот, некоторые

скотоводческие племена покинули пределы Средней Азии, как, например, ушли из Северо-Восточного Прикаспия скотоводы под предводительством Тохтамыша или частично переместились за пределы Средней Азии кочевники, возглавляемые Ногаем.

С XV в. процессы формирования современных народов Средней Азии в заметной мере локализовались и территориальные особенности стали проявляться резче. Тем не менее в контактных зонах у народов с одинаковой хозяйственной деятельностью языковые и культурные различия по существу отсутствовали.

*   *
*

Узбеки. Формирование узбекского народа после XV в. проходило на основе оседло-земледельческого тюркоязычного населения главных оазисов Средней Азии — Хорезмского, Ферганского, Ташкентского (в последних двух этих земледельцев называли сартами) вдоль среднего и нижнего течения Зеравшана и южных районов современного Узбекистана, расположенных в бассейнах рек Кашкадарья и Сурхандарья. Основным направлением этого процесса были постоянное оседание кочевых скотоводов в оазисах, переход их к земледелию и, где позволяли условия, к отгонно-пастбищному скотоводству.

Этимология этнонима «узбек» еще неясна. Впервые это слово упоминается в XII в. как личное имя и в связи с событиями, происходившими в Иране при сельджуках. Позднее оно неоднократно упоминается в ряде исторических хроник. В XIV в. «страной узбеков» называют Золотую Орду (вероятно, по имени золотоордынского хана Узбека), а в XV в. «узбеки» — собирательный термин для большой массы кочевников, занимающей громадные пространства степей Средней Азии. Скорее всего, здесь наблюдается повторение «эфталитской» и «огузской» ситуаций, когда название наиболее сильной группы переносится на все кочевые группы населения. В то же время термин «узбек» объединял кочевые племена, которые больше, чем их западные (территория современной Туркмении) и восточные (восточные районы Казахстана и Киргизии), волею судеб вовлекались во все политические события, происходившие в Средней Азии. Находясь большее время в составе (номинально и реально) различных политических объединений, они утратили существовавшую у других среднеазиатских народов — казахов, киргизов и каракалпаков — организационную форму: деление на «жузы», «крылья» или «отделы».

По генеалогическим преданиям, существовало 92 узбек-

ских племени. Однако, как и у других народов Средней Азии, «каноническое» число не соответствовало действительности и их номенклатура в различные периоды истории менялась в соответствии с положением. Число племен было значительно больше. Наиболее крупные племена, сформировавшиеся в степях Средней Азии, — мангыты, кунграты, кипчаки, канглы, минги, юзы и др., сохранились вплоть до XX в. Большая часть этих племен осела в оазисах, меньшая — сохранила кочевое и полукочевое скотоводство как основу своего хозяйства и в XIX в.

Особенно активно процесс оседания узбекских племен в земледельческих оазисах начался после распада обширного государственного образования Шейбанидов. Царившая в стране разруха, вызванная постоянными межплеменными войнами, разорила не только земледельцев, но и многих рядовых скотоводов, у которых после потери скота не было иного выхода, как перейти к земледелию.

На месте Шейбанидских владений, как отмечалось, сложились в XVI в. Бухарское и Хивинское ханства. К концу XVIII в. они освободились от вассальной зависимости Ирана и восстановили свои границы. В Хивинском ханстве власть захватило племя кунград, в Бухаре — мангыты, и в выделившемся в конце XVIII в. из Бухарского ханства Кокандском ханстве власть принадлежала династии из племени минг.

Границы этих государств, как и отдельных самостоятельных владений, в общих чертах совпадали с границами исторически сложившихся экономических районов, основанных на общих оросительных системах и порядке использования водных ресурсов.

У оседлых жителей Хорезма, Ферганы, долины Зеравшана, Ташкентского оазиса и других земледельческих районов, сложились свои особенности в хозяйстве и культуре. Оседая в оазисах, кочевые узбеки воспринимали их. Одно и то же племя, например юзы, оседая в долине Зеравшана и в Фергане, перенимало культуру земледельцев, которые уже имели определенные отличия. В то же время, сохраняя племенные связи внутри той территории, на которой они поселились, осевшие кочевники способствовали установлению более тесных контактов между соседними земледельческими областями. Первоначально эти связи носили характер «родственных» взаимоотношений, а впоследствии приобрели и характер экономический. На основе хозяйственных связей стали складываться и развиваться и этнические особенности населения этих крупных земледельческих областей. В процессе совместной жизни нивелировались и племенные различия осевших скотоводов. В зависимости от конкретных условий этот процесс проходил с той или иной скоростью. Например, в экономически слабо развитых районах Восточной Бухары оседание

шло не столь быстро, как в Фергане, и этнические различия восточнубухарского населения были более заметны.

Различия, сохранившиеся между оседлым и кочевым и полукочевым узбекским населением, выражались в заметной разности антропологического типа (скотоводы в большей степени монголизированы), в особенностях языка, а также в отдельных элементах материальной культуры, в частности в одежде. В области духовной культуры различия прослеживались, судя по имеющимся немногочисленным источникам, в XVIII—XIX вв. значительно меньше.

Эти различия, не имеющие принципиального этногенетического характера, явились основой для выделения так называемых этнографических групп. Будучи составной частью более крупных этнических массивов той или иной выделенной земледельческой области, они все же некоторое время сохраняли свою специфику.

Процесс формирования узбеков осложнялся существованием на их территории других среднеазиатских народов — таджиков, туркмен, казахов, киргизов и каракалпаков. Внутри каждого из этих народов проходили аналогичные процессы. Включенные в состав узбекских ханств, они вовлекались в процесс формирования узбекского народа. В первую очередь «узбекизировались» оседлые группы. Так, например, значительные группы казахов, которые вынуждены были под давлением джунгаров переселиться в район Ташкента и осесть на свободных землях, были ассимилированы оседло-земледельческим населением. Кочевники-скотоводы сохраняли свою старую «этническую» принадлежность, так как в экономическом отношении были более самостоятельными, а туркменские племена, кочевавшие на окраинах Бухарского оазиса, сохранили свою «туркменскую принадлежность» вплоть до XX в.

Экономическая независимость создавала условия и для сохранения этнической самостоятельности даже в том случае, когда народ целиком оказывался в подчиненном положении. В такой ситуации оказались каракалпаки в Хивинском ханстве. Ведя самостоятельное комплексное хозяйство, в значительной степени отличное от соседнего узбекского земледельческого населения, они сумели в условиях деспотического государства сохранить свою этническую обособленность.

Немаловажное значение имел и уровень этнической консолидации групп других среднеазиатских народов, расселившихся на территории формирования узбеков. Более поздние переселенцы, такие, как туркменские племена в том же Хивинском ханстве (это в значительной степени относится и к каракалпакам), переместившиеся на узбекские земли в значительном количестве из уже сложившейся этнической среды, ассимиляции или «узбекизации» практически не подверга-

лись. Но и здесь влияние узбеков сказывалось довольно заметно. Киргизы, расселявшиеся в восточной части Ферганской долины, еще до присоединения Средней Азии к России восприняли очень много от оседлых узбеков как в хозяйственной практике, так и в материальной культуре.

К концу рассматриваемого периода в составе узбекского народа выделялись три большие группы населения, имеющие различия в материальной и духовной культуре и в образе жизни вообще. Наиболее крупную, определяющую этнический облик народа группу, составляли оседлые земледельцы, которых в литературе называют «узбеками без родо-племенного деления». Вторая группа — недавно (по отношению к каждому конкретному периоду) осевшие скотоводы, сохранявшие в своем быту и хозяйстве много от кочевничества. Третью группу, численность которой постоянно сокращалась, составляли кочевые узбекские племена. В различных частях территории формирования узбеков соотношение между этими группами было неодинаковым. Наибольшей оседлостью отличалась Фергана.

Особое место в формировании узбекского народа занимают таджики. Исторически сложилась ситуация, когда на одной территории в одно и то же время на основе общих культурных традиций происходило складывание двух крупных этнических массивов.

* * *

Таджики. Впервые термин «таджик» применительно к территории Средней Азии встречается в письменных документах в XI в. Полная его идентификация с какой-либо этнической группой этого периода еще далека от окончательного решения. Высказываются самые различные предположения. Одни исследователи считают, что так называли мусульман, проповедовавших в скотоводческих районах ислам, другие предполагают, что таджиками называли вообще грамотных людей. Некоторые историки утверждают, что «таджик» уже в XI в. было самоназванием большой этнической общности в оседло-земледельческих районах Средней Азии и что применительно к X—XI вв. можно говорить о завершении формирования таджикской народности. При этом ссылаются на более широкое, нежели в конце XIX — начале XX в., расселение таджикоязычных групп в оазисах страны.

Много внимания было уделено выяснению происхождения термина «таджик». Его пытались вывести из «тази» — так называли арабов в первое время после завоевания Средней Азии. Предпринимались попытки расшифровать термин как «венценосный», проводя при этом небезынтересные этнографические параллели.

Значительно меньше уделялось внимания очень важному процессу — появлению в южных районах Средней Азии нового языка, входящего, в отличие от сакских и согдийского языков, в западноиранскую языковую группу. Порой высказывались фантастические идеи о «формировании» предшественника современного таджикского языка — дари на территории Средней Азии. Такое прямолинейное решение проблемы далеко от действительности.

Значительные трудности в воссоздании процесса формирования таджикского народа создает источниковедческая база, используемая в подавляющем большинстве исследований. Более частое, по сравнению с другими народами Средней Азии, упоминание таджиков в письменных средневековых источниках определило и характер исследований. Они в основном базировались на письменных свидетельствах, которые чаще освещали жизнь только городского населения. До самого последнего времени представление о всех группах таджиков складывалось по образу жителей крупных городов, таких, как Бухара, Самарканд. Слабая изученность антропологами и этнографами как современных, так и средневековых таджиков, неравномерность обследования археологами различных районов исторической и современной территории расселения этого народа создают большие сложности в решении вопроса.

Формирование таджикского народа нельзя рассматривать и решать в отрыве от этнической истории населения всей южной части Средней Азии и пограничных областей. Вероятно, не следует отождествлять два хотя и взаимосвязанных, но разных процесса — складывания основ таджикского этноса и распространения языка дари. Последний формировался на территории Ирана и сопредельных самых южных районов Средней Азии. В настоящее время наука не располагает источниками, которые фиксировали бы единовременное продвижение каких-то групп населения, носителей языка, в Мавераннахр. Это, скорее всего, было если и не идентичное, то очень близкое по культуре среднеазиатским народам население. Во всяком случае археологически процессы миграции не фиксируются.

«Освоение» западноиранским населением Средней Азии началось задолго до XI в. — время упоминания таджиков в письменных документах. К X в. относятся свидетельства о широком распространении дари в Бухаре и в Мерве. Высказываемое предположение о проникновении западных иранцев вместе с арабами не может быть принято. Средневековые хронисты сообщают, что молитвы в мечетях Бухары с арабского языка переводили на язык дари, понятный местным жителям. Невероятно, чтобы за сто с небольшим лет население такого города, как Бухара, полностью утратило свой язык и перешло на язык недавних пришельцев.

Несомненно, миграция населения, говорящего на дари, началась задолго до арабского завоевания — в эфталитский период Средней Азии. Вероятно, неясная этническая принадлежность населения эфталитского государства обусловлена проникновением в восточноиранскую среду западных иранцев, имевших иной хозяйственный уклад.

Первоначально западные иранцы расселялись в городах. Население сельских местностей говорило на согдийском и сакских языках. Не исключено и какое-то количество тюрков в эфталитском обществе. Наши знания о характере процесса расселения западноиранского (по языку) населения были бы значительно шире и точнее, если бы не арабское завоевание Средней Азии и прилегающих к ней южных областей. Завоеватели уничтожили громадное количество документов, хроник и т. п. письменных свидетельств, относящихся именно к периоду расселения новых групп в Средней Азии. Кушанский и эфталитский периоды истории Средней Азии по существу лишены письменных источников.

К X—XI вв. западноиранский компонент в Средней Азии был уже настолько значителен, что выступал наравне с тюркским и восточноиранским. В то же время, вряд ли можно согласиться с тезисом о завершении формирования в государстве Саманидов таджикской народности. Данная гипотеза требует необходимой аргументации, которая в работах сторонников этой концепции недостаточна. Если признать, что таджики сформировались в народность к X в., то непонятны факторы, остановившие (на протяжении тысячелетия) этническое развитие таджикского народа, который к началу XX в. представлял собой также народность. Такое решение проблемы этнической истории таджиков отрицает исторический прогресс вообще, что противоречит громадному фактическому материалу, накопленному таджиковедением. Сторонники вышеприведенной концепции не объясняют причины, по которым таджики в X в. отделились от населения Хорасана и Ирана. Справедливо отмечая отсутствие экономической общности в Саманидском государстве, они выдвигают тезис, согласно которому таджикская народность формировалась на основе языкового единства. В этом случае также непонятно, почему в народность таджиков оформилась лишь часть населения, говорившего на дари, а его бóльший массив, живущий в Иране, выпал из этого процесса. И тем более странно, что западноиранское население (по языку) как Средней Азии, так и Ирана с VIII по X в. входило в одни государственные образования — Арабский халифат и Саманидскую державу. Объяснения этим вопросам сторонники рассмотренной концепции не дают.

Формирование таджикского народа шло тем же путем, что и формирование узбеков с той лишь разницей, что в этом

процессе роль скотоводов-кочевников, тюрков по языку, выполняли западноиранские земледельческие группы. Кочевники проникали с севера и востока, а население, говорившее на дари, продвигалось с юга и запада. Граница соприкосновения тюркских и западноиранского языка растянулась от Каспийского моря (по оазисам подгорной полосы Копетдага) через Мерв, Бухару, Самарканд, Ташкент, захватывая, вероятно, и более северные оазисы и города южной части Казахстана. На этой обширной территории, наряду с тюркоязычными хозяйственно-территориальными группами, складывались и таджикоязычные.

Последние в большей мере формировались в городах и пригородных округах. Процесс формирования таких территориальных групп в оазисах Средней Азии достаточно полно исследован применительно к современному Северному Таджикистану. Аналогичные регионы образовались в оазисах Южного Таджикистана, в долинах Зеравшана и Кашкадарьи, т. е. в тех же местах, где сложились и основные оседло-земледельческие тюркоязычные узбекские группы. Можно предполагать, что на дари в большей мере говорило городское и, стало быть, преимущественно ремесленное население. Именно ремесло явилось той экономической основой, на которой происходило формирование северных и зеравшанских таджикоязычных групп. В данном процессе нельзя недооценивать и роль земледелия как необходимого условия ремесленного производства вообще. Теснейшая связь ремесленников с сельским хозяйством уже отмечалась.

Расселение части таджикоязычного населения в труднодоступных, малопригодных для жизни горных районах Средней Азии определено также политическими, военными ситуациями, складывавшимися в средние века. Спасаясь от нашествия многочисленных завоевателей, уничтожавших население целых оазисов и городов, таджикоязычное (как и тюркоязычное) население уходило в горы. Население многих горных кишлаков Северного Таджикистана до сих пор сохранило память о местах поселения своих предков — Самарканде, Бухаре, Кулябе и т. п. Подсчет поколений, разделяющих момент прихода предков населения этих кишлаков в современные места расселения и 70-е годы XX в., показывает, что переселения связываются с наиболее тяжелым для страны временем — XIV—XVI вв.

Тюркоязычные кочевники не стремились в горы — там не всегда были хорошие пастбища и не всегда можно было содержать скот круглый год на пастбищах. Таджикское население гор находилось в известной изоляции не только от тюркоязычных, но и от таджикоязычных равнинных групп. Последние в большей мере, нежели горцы, соприкасались не только с тюркоязычными земледельцами, но и с оседавшими

ми кочевниками. Эти «степняки» в заметной мере передали равнинным таджикоязычным группам монголоидные черты. Таджики, расселенные в горах, в большей мере сохранили древний европеоидный антропологический тип. Новейшие антропологические исследования таджиков констатируют чрезвычайно многообразие компонентов, которые явились слагаемыми таджикского народа. Они фиксируют одновременно и чрезвычайно древние черты европеоидов и сравнительно недавно сформировавшиеся антропологические типы. Это хорошо видно на примере Северного Таджикистана, где на небольшой территории выделяются, по крайней мере, три довольно различных между собой антропологических типа.

Расселение таджикоязычного населения по сельским районам и таджикизация согдо- и ферганоязычного¹⁴ населения определили и формирование этнографических групп на основе территориальной экономической общности. Порой формирование таких групп проходило в непосредственных контактах с тюркоязычным населением. Это обстоятельство способствовало выработке схожих стереотипов в материальной, а порой и духовной культуре тюркоязычных и таджикоязычных групп населения. Особенно ярко «одинаковость» прослеживается в Ташкентском, Зеравшанском и Ферганском оазисах. Письменные источники не всегда различают тюркоязычных и таджикоязычных «сартов».

В горных районах, особенно на юге современного Таджикистана и в его центральной части, культурный облик населения был несколько иным. Здесь был меньший контакт с крупными земледельческими и культурными центрами Средней Азии и значительно более низкий уровень развития товарно-денежных отношений. Замкнутость, натуральность хозяйства определяли и замкнутость собственно этнических процессов. Как следствие — особый образ жизни, отличающий горцев не только от равнинных таджиков, но и одну от другой группы горных таджиков. Последние различия были менее значительны. Большое значение, как ранее отмечалось, имели географические условия, которые сильно ограничивали контакты между отдельными группами.

Неясен вопрос об ассимиляции таджикоязычным населением восточноиранских групп, расселенных в горах. По имеющимся материалам, например, в горной части Уструшаны (горы к югу от города Ура-Тюбе) еще в X в. население говорило на согдийском языке. Таджикизация горных восточных иранцев проходила уже тогда, когда оформился в своем современном виде таджикский язык, т. е. не ранее XIV в. Неиз-

---

¹⁴ Сейчас все большее число исследователей истории Средней Азии склоняется к выделению из согдийского языка самостоятельного языка античной и раннесредневековой Ферганы.

вестны случаи сохранения в каких-либо изолированных горных кишлаках архаических диалектов или говоров, отражающих самостоятельное, отличное от равнинного развитие языка дари.

Существующие современные таджикские говоры соответствуют исторически сложившимся экономическим областям: северная группа (Самарканд, Бухара, Фергана, Ура-Тюбе); центральная (верховья Зеравшана, Риштан и Сох); южная (Бадахшан, Куляб, Каратегин); юго-восточная (Каратегин). Более широкое распространение северных говоров отразило и более тесные экономические связи таджикоязычного населения крупных оазисов.

К XIX в., по этнографическим и антропологическим данным, можно выделить южных и северных таджиков. Кроме языковых особенностей сложились особенности в материальной культуре. Северных таджиков (включая Самарканд и Бухару с прилегающими районами) называют равнинными, а таджиков Восточной Бухары — горными. На основе этих групп проходило формирование современного таджикского народа. Наряду со стиранием различий, существовавших между таджикскими группами, шел процесс отаджичивания тюркоязычного населения. В северных районах этот процесс проходил преимущественно в городах, где таджики всегда составляли большинство. На юге Таджикистана отаджичивалось древнее тюркоязычное население — карлуки, «тюрки» (без какой-либо другой племенной принадлежности) и другие «древние» узбекские племена. Процесс шел параллельно с оседанием и переходом к земледелию кочевников-скотоводов.

Несомненно, что западноиранские предки таджиков, имевших определенную культурную общность, переселялись на территорию современного Таджикистана. Расселялись же они в областях, население которых имело заметные различия и в хозяйственной деятельности, и в культурном облике. Судя по материалам, отражающим образ жизни и языки приамирских народов, не исключена и определенная, особенно в Южном Таджикистане, этническая пестрота восточноиранского населения. Смешиваясь и ассимилируя восточных иранцев, западноиранские группы восприняли и те различия, которые наблюдались между отдельными регионами.

Об истории происхождения, расселения и этнических контактах сохранившихся небольших восточноиранских народов на территории Средней Азии известно чрезвычайно мало.

Жившие до недавнего времени¹⁵ в Центральном Таджики-

---

¹⁵ В настоящее время ягнобцы переселились в более удобные для жизни места в Варзобском ущелье неподалеку от столицы республики г. Душанбе.

стане по долине реки Ягноб ягнобцы по языку ближе всего стоят к согдийцам. Время и причины поселения в горах ягнобцев неизвестны.

Также мало мы знаем и этническую историю припамирских народов. Планомерное изучение началось только в самые последние годы. Существует мнение, что народы, говорящие на памирских (восточноиранских) языках — ванчском и саргулямском, на языках шуганано-рушанской группы, язгулямском, ишкашимском и ваханском, являются потомками сакских племен. Сакские кочевые скотоводческие племена, расселявшиеся во второй половине I тыс. до н. э. на Памире, хорошо исследованы археологами. Пока они остаются единственно возможными предками восточноиранских народов Припамирья.

* *
*

Туркмены. История формирования туркменского народа имеет свои специфические черты, отличающие этнические процессы на территории Туркмении от аналогичных процессов к востоку от р. Мургаба.

Этногенез туркмен закончился к X в., ко времени складывания большого кочевого массива в степях Средней Азии. В то же время, расселяясь в самых западных областях Средней Азии, предки современных туркмен в меньшей мере, чем жители восточных областей, испытывали влияние тюркоязычных племен. Свой язык (тюркский) они получили, скорее всего, не непосредственно от тюркских групп, а от тюркизированных иранцев. Последние в большой мере ослабили тюркскую волну, и в туркменском современном языке сохранились корни иранского происхождения.

Предки современных туркмен меньше своих восточных соседей включали в свой состав пришлые группы как кочевые, так и земледельческие. Отсутствие на территории Туркмении крупных оазисов не привлекало к этой части Средней Азии алчных взглядов сильных соседей. Защищенная со всех сторон естественными преградами — горами на юге, пустынями на севере и востоке и морем на западе — область формирования туркмен находилась в определенной изоляции.

Это не означает, что путь формирования туркмен был особым. Все события, происходившие в Средней Азии, затрагивали и население ее западных областей. Однако их влияние на население Восточного Прикаспия было сильно ослаблено. Здесь в большей мере сохранялись старые группы, которые мало смешивались с немногочисленными пришельцами.

Кроме языка, большая древность населения прослеживается в антропологическом типе. На протяжении последних двух тысяч лет он остался почти без изменения. Монголоид-

ная примесь, проявление которой очень заметно в других районах Средней Азии в XII—XIV вв., здесь значительно меньше, и получена она предками туркмен не прямо от контакта с монголоидными группами, а опосредованно, от монголизированных европеоидов. Полную преемственность населения показывают археологические памятники и материальная культура туркмен, которая (в частности, украшения) сохранила много архаических черт.

В этнической истории туркмен выделяются два момента. Первый — это создание Парфянской державы. Культурные традиции на территории Южной Туркмении (в отличие от оазисов восточных районов Средней Азии) сложились на основе одного языка — парфянского. Здесь не было языкового барьера между населением оазисов и степной зоны и в до-тюркское время. Парфянский язык был одинаков как для земледельцев, так и для скотоводов.

Большая близость парфянского и персидских языков, а возможно, и вхождение первого в качестве компонента в язык дари при его формировании способствовало более легкой языковой ассимиляции. Не исключено, что Южная Туркмения как часть более широкой области была местом становления дари как языка на основе достаточно прочной хозяйственной и культурной общности. Расселяясь по южным районам Средней Азии, западные иранцы, как отмечалось, в значительной мере нивелировали культурные различия населения на большей территории.

Вероятно, на этнические процессы в западных районах Средней Азии особое влияние оказало арабское завоевание. Этот вопрос исследован недостаточно полно. В то же время целый ряд факторов обращает на себя внимание.

Во-первых, замена в юго-западных и западных областях Средней Азии одного вида ведущего хозяйственного животного другим. Двугорбый верблюд, которого разводили в Средней Азии в I тыс. до н. э. (изображение саков на Бехестунской скале вместе с двугорбым верблюдом — бактрианом), после арабского завоевания был заменен одногорбым; родина последнего — Аравийский полуостров.

Во-вторых, туркменские племена — ходжа, сеид, ших и т. д., причисляющие себя к «святым» (овляды), ведут свое происхождение от арабов. Также от арабов, по народной традиции, ведут свою генеалогию и небольшие эндогамные группы таджиков и узбеков, имеющие такие же этнонимы — сеид и ходжа. Разница между туркменскими и таджико-узбекскими ходжами и сеидами состоит в том, что последние в условиях оседлости трансформировались в религиозно-социальные группы, а туркменские в условиях кочевого быта сохранили свое племенное деление.

Важный момент в этнической истории туркмен — сельджукское движение кочевников Средней Азии в Иран и Малую Азию. Еще до конца неясны причины переселения больших масс скотоводов из Северо-Восточного Прикаспия в низовья Сырдарьи в IX—X вв. Возможно, что при благоприятных обстоятельствах в этой части Средней Азии скопилось большое кочевое население, и в поисках пастбищ (именно на это указывают письменные свидетельства) для многочисленных стад эти скотоводы двинулись сначала на восток, а потом на юг от Аральского моря. Большое число племен, на базе оставшейся части которых позднее формировались туркмены, ушло со своей родины.

Среднеазиатские кочевники под предводительством сельджуков принесли с собой в Малую Азию и некоторые традиции среднеазиатской степной культуры. Пока это исследовано применительно к погребальным сооружениям.

Место ушедших кочевников вскоре было занято восточными родственными племенами, имеющими значительно больше общих черт со скотоводами, которых позднее стали называть узбеками. С этого времени (XIII в.) стала проследиваться и большая монголоидность в антропологическом типе средневековых предков туркмен. Это обстоятельство определило разницу между домонгольскими и послемонгольскими кочевыми туркменами, которая хорошо проследивается по археологическим материалам.

В оазисах юго-запада Туркмении такой разницы нет; земледельческое население не менялось. Оно пополнялось за счет оседания родственных «по крови» скотоводов.

О большой, а возможно, ведущей роли в формировании послемонгольских туркмен общих, сложившихся в XIV—XV вв., кочевых скотоводческих групп свидетельствует неопределенность этнической атрибуции племен, расселенных в это время на Мангышлаке. «Люди Тохтамыша» одновременно и письменными средневековыми источниками, и современными исследователями называются и туркменами и узбеками. Высказывалось мнение, что предводительствуемые Тохтамышем племена играли определенную роль и в формировании западных групп казахов.

Начиная с XVI на процесс формирования туркмен все большее влияние начинают оказывать оседание в оазисах скотоводов и переход их к земледелию. На основе оседлости складываются экономические общности и происходит разрыв старых племенных связей, которые, как и у узбеков, способствуют созданию более широких связей между земледельческими областями, в которых осели кочевники, принадлежащие к одному племени. Так, например, туркмены-текинцы, заняв Ахальский, Тедженский и Мургабский оазисы, в значительной мере ослабили свое племенное единство. Од-

новременно с этим Ахальский оазис в большей степени объединился в один (с известными оговорками) хозяйственный район. Оседание одного племени в трех оазисах способствовало установлению более тесных связей между этими областями. Аналогичные явления наблюдались и при оседании туркмен-иомутов в Хорезме, где экономические интересы земледельцев вытеснили более слабые племенные связи, основанные на интересах кочевого скотоводства. Осевшие в Хорезме иомуты довольно быстро утратили связи с оставшимися в Восточном Прикаспии кочевыми группами иомутов. То же самое произошло в районе среднего течения Амударьи, где к XIX в. сложилась пестрая по племенному составу экономико-территориальная общность.

Создание на основе оседлого земледелия широких и прочных этнотерриториальных групп проходило на базе наиболее сильных племен. Так, например, консолидационные процессы в Ахале шли в виде «текезации» более мелких, дотекинских, племенных групп. К концу XVIII—XIX вв. в Туркмении сложилась ситуация, не отличающаяся от таковой у узбеков; пополнение оседлого земледельческого населения и формирование народа шли за счет оседания кочевников.

Сложившаяся у туркмен в XIX в. «племенная» ситуация по существу уже ничего не отражала и сохранялась лишь там, где совпадала с территориально-экономической общностью. Племенная структура была формой политической организации. Только этим можно объяснить постоянное изменение племенной номенклатуры у туркмен, которое фиксируется источниками.

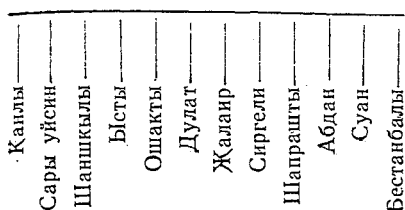
К моменту присоединения Туркмении к России туркмены представляли собой народ, состоящий из нескольких территориально-хозяйственных групп оседлого и кочевого (в значительно меньшей мере) населения. Объединение этих групп, как у узбеков и таджиков, привело впоследствии к сложению крупного этнического массива — туркменской нации.

Что же касается истории формирования отдельных туркменских племен, чему посвящена обширная литература, то это не что иное, как воссоздание динамики образования политических объединений туркмен. Понятной она становится только на фоне общих для всей Средней Азии событий.

Казахи. Скотоводческие группы, на основе которых проходило формирование казахов, еще до монгольского завоевания в большей мере испытали влияние восточных соседей Средней Азии — тюркоязычных центральноазиатских групп. Расселяясь в восточной части Средней Азии, предки казахов ассимилировали пришлые племена и являлись своего рода передатчиком своим западным сородичам языка, некоторых особенностей антропологического типа и культурных традиций пришельцев. Постоянно пополняясь центральноазиатски-

КАЗАХИ

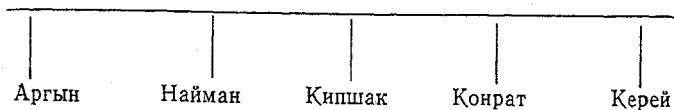
Старший жуз

Младший жуз

Средний жуз

Племенная структура казахов

ми и южносибирскими кочевыми скотоводческими группами, эти среднеазиатские племена в большей степени регенерировали кочевнические традиции. Они в большей мере, чем племена центральной и юго-западной частей Средней Азии, восстанавливали кочевническую часть своего состава, которую последние, расселенные ближе к оазисам, теряли за счет оседавших хозяйств.

До определенного времени это обстоятельство нивелировалось общими для Средней Азии этногенетическими процессами и стало заметным лишь к концу этногенеза — X—XII вв.

После XII в. формирование казахского народа как наиболее восточного из среднеазиатских приобрело некоторые особенности, которые были связаны в первую очередь с монгольским нашествием. Племена, жившие в восточной части Средней Азии, были первыми вовлечены в завоевательные походы Чингизхана и продвинулись дальше — на запад и юг страны. Их места, прилегающие к улусу «великого хана», были заняты собственно монгольскими группами. Территория Юго-Восточного Казахстана после монгольского нашествия носила название «Моголистан». Монгольские племена были ассимилированы тюркоязычным населением. Их влияние сказалось в большей мере на антропологическом типе. Что же касается культурного облика кочевников, то старые, среднеазиатские традиции взяли верх. Монгольские названия тюркских

по языку племен отражали лишь политическое господство. Археологические материалы, как и в других регионах Средней Азии, не фиксируют смены культурных традиций. Аналогичную картину дает и этнография. Расселенные на громадных расстояниях, казахи чрезвычайно монолитны в своей культуре, имеющей, бесспорно, древнюю среднеазиатскую основу. В частности, об этом хорошо свидетельствует орнамент казахов, сохранивший, по мнению специалистов, очень много от древних иранцев — скифов.

В XV в. племена Центрального Казахстана были номинально включены в состав Узбекского ханства. После его распада на историческую арену выступают уже собственно казахские политические объединения кочевников, основывающиеся на оазисах среднего течения Сырдарьи.

К концу XVI в. оформляются казахские жузы — Старший, Средний и Младший. Кочевники Старшего жуза, расположенного в Юго-Восточном Казахстане, тяготели к оазисам Семиречья, населенным родственными народами. Здесь процесс оседания и переход кочевников к земледелию не были столь активными, как в Фергане, Хорезме и других оазисах. Вероятно, сказалась слабая восстановленность разрушенной монголами ирригации. Приняв на себя первый удар полчищ Чингизхана, семиреческие оазисы не смогли в необходимой мере восстановить земледельческое хозяйство. Большинство городов было разрушено до основания, а земледельческое население или истреблено, или увезено в рабство. Тем не менее сложившиеся издревле экономические связи между кочевниками и земледельцами явились основой для группировки племен в Старший жуз. На этой же основе сложился и южный диалект казахского языка.

Аналогичные процессы проходили и в других частях современного Казахстана. Вокруг оазисов среднего и нижнего течения Сырдарьи сложился Средний жуз со своим диалектом — северо-восточным.

Племена, вошедшие в Младший жуз, экономически тяготели к оседлому и полуседлому населению Южного Урала, бассейнов Яика и Эмбы. Они уже с начала XVII в. поддерживали постоянные экономические связи с Русским государством. В Младшем жузе также сложился особый, западный диалект казахского языка.

Четкой границы между жузами не было, как не было таковых и между «казахскими» и «неказахскими» племенами. Например, казахи Букеевской орды, образовавшейся в XVII в., мало отличались от соседних туркменских племен. То же самое было и в пограничных районах Северной Туркмении, где туркмены-чаудоры по многим признакам стояли ближе к казахам, нежели к южнотуркменским племенам.

На ход объединительных процессов отрицательно сказались нашествие джунгаров в середине XVIII в., которое нанесло большой урон казахской экономике.

Одновременно с оформлением жузов как территориально-экономических образований появляется в XVI в. и этноним казах. В русской литературе и официальных документах казахов называли киргизами вплоть до образования КазАССР.

Таким образом, формирование казахского народа произошло (так же, как туркмен и узбеков) на основе населения исторически сложившихся экономических районов. При этом не столь существенным оказалось то обстоятельство, что земледельческие районы, к которым тяготели кочевые скотоводы, не всегда были населены казахами. Оазисы как магниты стягивали к себе скотоводческое население независимо от их племенной принадлежности, создавая тем самым условия для образования крупных этнических массивов, из которых и сложилась впоследствии казахская нация.

* * *

Каракалпаки. История формирования каракалпакского народа тесно связана с историей формирования соседних родственных народов — казахов, туркмен и узбеков. Материальная культура каракалпаков, племенные этнонимы, фольклор свидетельствуют о том, что они сформировались на основе тех же кочевых групп населения степной части Средней Азии, что и остальные народы.

В литературе неоднократно высказывалось мнение, что каракалпаки как отдельная этническая общность существовали уже в XII в. и именно о них сообщают русские летописи, называя каракалпаков «черными клобуками». Кроме чисто лингвистического созвучия — каракалпак переводится на русский язык как «черная шапка», никаких других аргументов в пользу этой гипотезы не приведено. Достоверные письменные свидетельства о каракалпаках относятся к XVI в., когда они жили на средней Сырдарье около г. Сыгнака.

Исследования последнего времени показали, что формирование каракалпаков проходило на территории Ногайского ханства и они сложились в самостоятельную этническую общность в XV—XVI вв. Вероятно, что в числе кочевых групп, явившихся основой формирования каракалпаков, было больше северных — кыпчакских племен, которые определили каракалпакский язык.

Организирующим экономическим центром процесса складывания каракалпакского народа были оазисы среднего течения Сырдарьи, которые в XVII в. подчинялись Бухарскому эмирату. Скорее всего, из этих районов часть каракалпакских пле-

мен откочевала в более северные и западные районы Ногайского ханства и дошла до реки Яика (Урала) и Волги, о чем свидетельствуют русские документы XVIII в. К XVII в. относятся сведения о каракалпаках в долине Зеравшана. В письменных источниках последующих столетий упоминаний ни о зеравшанской, ни о яйцкой группах каракалпаков нет.

В первой четверти XVIII в. земли по среднему течению Сырдарьи были захвачены джунгарами и каракалпаками, которые спасаясь от завоевателей, разделились на две части и откочевали в низовья Сырдарьи и в ее верховья. Первых называли «нижними», вторых — «верхними». Нижние каракалпаки и составили основу современного каракалпакского народа. Те черты материальной и духовной культуры, которые наблюдались у каракалпаков к началу XX в., оформились уже на новом месте — в низовьях ныне пересохшей Жаныдарьи. Здесь каракалпаки создали хорошо организованную ирригационную систему и превратили пустыню в оазис. В начале XIX в. жанадарьинские каракалпаки были насильно переселены хивинским ханом в низовья Амударьи, где и живут по сей день.

История формирования каракалпаков наглядно демонстрирует тяжелые последствия для этногенетических процессов войн как со «своими», так и с пришлыми группами соседнего населения. Крупная этническая общность XVI в., расчлененная политическими событиями на отдельные «островки», к концу XIX в. сохранилась лишь в виде сравнительно небольшого народа. Одновременно такая живучесть основных черт культурного наследия, какую наблюдают этнографы у каракалпаков, находившихся в неблагоприятных условиях, свидетельствует о том, что к моменту выхода каракалпаков на историческую арену они уже представляли отличную от узбеков, казахов и туркмен группу племен. Объединительные процессы в среде каракалпакских племен зашли настолько далеко, что уже ничто не могло их остановить.

* * *

Киргизы. История формирования киргизов по сравнению с другими народами Средней Азии наименее изучена. В письменных источниках она почти не нашла отражения, и на территории Киргизии недостаточно исследованы позднесредневековые археологические памятники. Во многом осложнило положение то обстоятельство, что науке известны сразу два народа под названием киргизов. Первый был расселен в верховьях Енисея и засвидетельствован письменными источниками уже во II в. до н. э. О енисейских киргизах сообщают Орхонские надписи VII—VIII вв. Русские землепроходцы

столкнулись с киргизами на Енисее в XVII в., и сведения о них доходят до XVIII в.

Второй народ под названием «киргизы» упоминается на Тянь-Шане в XVI в. Долгое время в науке дискутировался вопрос о времени переселения киргизов с Енисея на Тянь-Шань, так как многие исследователи истории киргизского народа считали енисейских киргизов прямыми предками тянь-шаньских. История этнонима подменяла историю народа. Отход от этой теории большинства историков Киргизии произошел после введения в научный оборот новых материалов, добытых археологами. Было установлено, что до XIII в. на территории современной Киргизии был иной антропологический тип — европеоидный. Далее, археологические материалы показали, что многие элементы материальной культуры жителей Тянь-Шаня второй половины первого и начала второго тысячелетий н. э. имеют прямые аналогии в материальной культуре киргизов XIX — начала XX в. Культурная традиция сохранилась, и изменился лишь антропологический тип населения — домонгольское европеоидное население сменилось сильно монголизированным. Ход этого процесса пока неизвестен, так как могильники послемонгольского времени на территории Киргизии изучены недостаточно.

В середине 60-х годов нашего столетия была высказана гипотеза, согласно которой формирование киргизов в послемонгольское время проходило следующим образом. На общую для всех тюркоязычных народов Средней Азии этническую основу (в большей мере, чем на племена центральной и западной частей Средней Азии) оказали влияние сначала каракитай, а затем и собственно монгольские племена. По сравнению даже с казахской большая монголоидность киргизов объясняется тем, что кочевники юго-восточного угла Средней Азии находились в большей изоляции от общесреднеазиатских этногенетических процессов. Их родственные, более северные племена, на основе которых формировались казахи, «размыли» в послемонгольский период свою монголоидную примесь, смешиваясь с западными племенами. Возможно, что некоторая обособленность в хозяйственной и культурной сферах населения Киргизии началась несколько раньше — в X в. при династии Караханидов, когда территория Киргизии была в значительной мере изолирована от остальных районов Средней Азии. Эту горную страну почти не затронуло сельджукское движение. В послетимуридское время изолированность населения Киргизии не смогло ликвидировать и переселение на Тянь-Шань каких-то кочевников, входящих в объединение скотоводов, возглавлявшееся Ногаем и его преемниками.

Не прошло бесследно для формирования киргизов близкое соседство с монгольскими племенами в XV—XVI вв., ког-

да территория Киргизии включалась в понятие Моголистан. Можно полагать, что в это время и появляется на Тянь-Шане этноним «киргиз». Он выступает на историческую арену в связи с оформлением какой-то этнической общности на Тянь-Шане и формированием территориально-хозяйственной группы кочевников Старшего жуза казахов. Возможно, что последнее обстоятельство сыграло главную роль в обособлении скотоводов Тянь-Шаня от их северных соседей. В то же время культурная близость, как и схожесть антропологического типа, продолжали сохраняться.

В отличие от других народов Средней Азии, к концу XIX — началу XX в. киргизы представляли собой более разобщенное этническое образование, чем, например, казахи. Причиной тому служило отсутствие на территории Киргизии крупных оазисов и городов — экономически объединительных центров. Это обстоятельство определило значительную устойчивость племенной организации и слабость территориальных связей, основанных на общности экономических интересов. Слабое развитие собственно киргизского земледелия и процесса оседания кочевников тормозило консолидацию всех крупных групп киргизских племен, внутри которых экономические связи были очень слабыми. Немало способствовали разобщенности природные условия Киргизии — труднопроходимые горные хребты разделяли страну.

В целом же процесс формирования киргизов проходил теми же путями и в то же время, что и у других среднеазиатских народов.

* * *

Уйгуры. На границе Казахстана и Синьцзяна, в Семиречье, живет сравнительно небольшая по численности группа уйгуров. Основная их масса проживает за пределами Средней Азии — в КНР.

Предки уйгуров — кочевые тюркоязычные племена в первых веках н. э. расселились далеко на востоке в степях Монголии. Вовлеченные в общие для Тюркского каганата политические события, они приняли какое-то участие в тюркизации населения восточных районов Средней Азии, о чем свидетельствует этноним «уйгур» в названиях некоторых племенных групп у казахов.

После распада Тюркского каганата уйгуры в VIII в. образовали свое государство, и часть кочевых скотоводов перешла к оседлости. Наибольший расцвет государства уйгуров приходится на IX — начало X в. Государственной религией уйгуров становится манихейство, развиваются города и торговля. Уйгурские правители оказывали большое влияние на соседние, в том числе и Саманидское, государства. Письменными источ-

никами засвидетельствована большая оседлость уйгуров и одновременно наличие кочевых уйгурских племен. Самостоятельность уйгурские правители потеряли в X в., когда территория этого народа была в составе государства каракитаев. На новой родине — в Восточном Туркестане — на основе оседло-земледельческого хозяйства и сложился тот этнический субстрат, на базе которого в последующие столетия формировался уйгурский народ. Этот процесс у них так же, как и других народов Средней Азии, проходил в результате образования территориально-хозяйственных групп вокруг земледельческих оазисов и оседания в них скотоводов. Монгольское нашествие нарушило естественный процесс консолидации. Тормозились объединительные тенденции и в последующие периоды истории. Включение территории уйгуров в состав Китайской империи лишь усилило национальный гнет и не способствовало ни экономическому, ни культурному развитию народа. Расселенные в оазисах Восточного Туркестана, уйгуры не имели ни общего названия, ни общего самосознания. Оседлое древнее тюркоязычное население Восточного Туркестана называли по топонимам тех мест, где оно жило, — кашгарцы, яркендцы, и т. п. Этноним «уйгур» утвердился в Средней Азии только после установления Советской власти и позднее был воспринят зарубежными группами уйгуров.

* * *

К моменту присоединения Средней Азии к России вышеотмеченные процессы в различных частях страны проходили неодинаковыми темпами, но нигде не получили своего завершения — сложения большого этнического массива на основе прочных хозяйственных связей. Наоборот, экономическая замкнутость отдельных районов и политические границы, разделяющие исторически сложившиеся территориально-этнические области, разобщали население Средней Азии. Ни Хивинское ханство, ни Бухарский эмират, ни Кокандское ханство не имели в своей основе прочных экономических связей и не могли в том виде, в каком они находились к концу XIX в., служить основой для формирования крупных этнических образований.

Влияние российского капитализма на отдельные районы Средней Азии было неодинаковым. В Хивинском ханстве и Бухарском эмирате оно ощущалось очень слабо, и там сохранялись старые порядки. Что же касается населения территорий, непосредственно включенных в Туркестанское генерал-губернаторство, то здесь социально-экономические отношения претерпели заметные изменения, что отразилось и на этнических процессах. Наступил новый этап в этнической истории Средней Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркс К. Британское владычество в Индии. -- Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9.
- Маркс К. Предисловие к «Критике политической экономии». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I.
- Ленин В. И. О государстве. — Полн. собр. соч., т. 39.
- Абдураимов М. А. Очерк аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Ташкент, 1966.
- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, вып. I. 1953; вып. II, Сталинабад, 1958.
- Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей взаимодействия и развития орошаемого земледелия). М., 1969.
- Андрианов Б. В. К вопросу о классификации форм орошаемого земледелия в Средней Азии. — В кн.: Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973.
- Бартольд В. В. Соч., тт. I—IX. М., 1963—1977.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Ю., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. М., 1973.
- Бромлей Ю. В. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
- Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., тт. I—V. Алма-Ата, 1961—1969.
- Винников Я. Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969.
- Востров В. В., Муканов М. С. Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968.
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Гуляммов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. М., 1957.
- Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX в. — «Труды Института этнографии АН СССР, новая серия», т. IX. М.—Л., 1950.
- Жданко Т. А. Специфика этнических общностей Средней Азии и Казахстана (XIX — начало XX в.). — «Расы и народы», 1974, № 4.
- Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.

- Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.—Л., 1936.
- Кондауров А. И. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940.
- Мамедов А. И. Развитие ирригации в Узбекистане. Ташкент, 1967.
- Марков Г. Е. Очерк истории формирования северных туркмен. МГУ, 1961.
- Марков Г. Е. Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей.— «Расы и народы», 1974, № 4.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. МГУ, 1976.
- Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. Л., 1973.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М., 1939; т. 2. М., 1938.
- Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX—начале XX в. (историко-этнографический очерк). М., 1975.
- ✓ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962; т. 2. М., 1963 («Народы мира»).
- ✓ Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977.
- Поляков С. П. Этническая история Северо-западной Туркмении в средние века. МГУ, 1973.
- Рассудова Р. Я. Издольные отношения в некоторых районах Средней Азии (конец XIX—начало XX в.).— В кн.: Социальная история народов Азии. М., 1975.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.
- Ставицкий Б. Я. Между Памиром и Каспием. М., 1966.
- Ставицкий Б. Я. Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Сухарева О. А. Бухара в XIX—начале XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966.
- ↓ Токарев С. А. Этнография народов в СССР. М., 1958.
- ↓ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
- ↓ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1971.
- ↓ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. МГУ, 1973.

* *

*

Иллюстрации в книге даны:

Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. (Рис. 1, 2, 3 наст. изд.).

Рис. 4 — фотографии из архива Института этнографии АН СССР.

Рис. 13 — авторский.

Остальные рисунки, карты и схемы даются по книгам: Народы мира (этнографические очерки); Народы Средней Азии и Казахстана. Под редакцией С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова. Т. 1. М., 1962; Т. 2. М., 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
География Средней Азии	5
Современное население	9
Языковая классификация	14
Политико-административное деление Средней Азии	16
История изучения	17
Хозяйство населения Средней Азии	23
Земледелие	25
Орошаемое земледелие	25
Высокогорное земледелие	33
Богарное земледелие	34
Скотоводство	43
Кочевничество	44
Отгонное скотоводство	51
Стойловое скотоводство	54
Полуоседлое хозяйство	56
Домашние промыслы и ремесло	59
Домашние промыслы	61
Ремесленное производство	66
Торговля	75
Социальная организация у народов Средней Азии	81
Общественные отношения у земледельческого населения	82
Общественные отношения у кочевников-скотоводов	93
Община	107
Община у земледельцев	108
Община у недавно осевших кочевников	108
Община у древних земледельцев	112
Община у кочевников-скотоводов	115
Общественная организация ремесленников	118
Этническая история народов Средней Азии	123
Список литературы	166

Сергей Петрович Поляков

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Хозяйство

Социальная организация

Этническая история

Заведующая редакцией Н. М. Сидорова. *Редактор* В. В. Белугина. *Обложка художника* А. А. Куценко. *Художественный редактор* М. Ф. Евстафьева.
Технический редактор В. И. Овчинникова.

Тематический план на 1980 г. № 59

ИБ № 861

Сдано в набор 25.01.80. Подписано к печати 12.05.80. Л-23328 Формат 60×90¹/₁₆
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Уч.-изд. л. 11,72.
Тираж 2230 экз. Заказ 152. Изд. № 585. Цена 40 коп.

Издательство Московского университета. Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография № 8 Управления издательств, полиграфии и книжной торговли
Мосгорисполкома, Москва, Товарищеская ул., д. 4

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
стр. 16	19 строка снизу	Туркестанская	Туркменская
стр. 16	3 строка снизу	Таджикская и Киргизская	Таджикская, Туркменская и Киргизская
стр. 100	2 строка снизу	монтеистической	монотеистической
стр. 162	8 строка сверху	и каракалпаками	; каракалпаки,

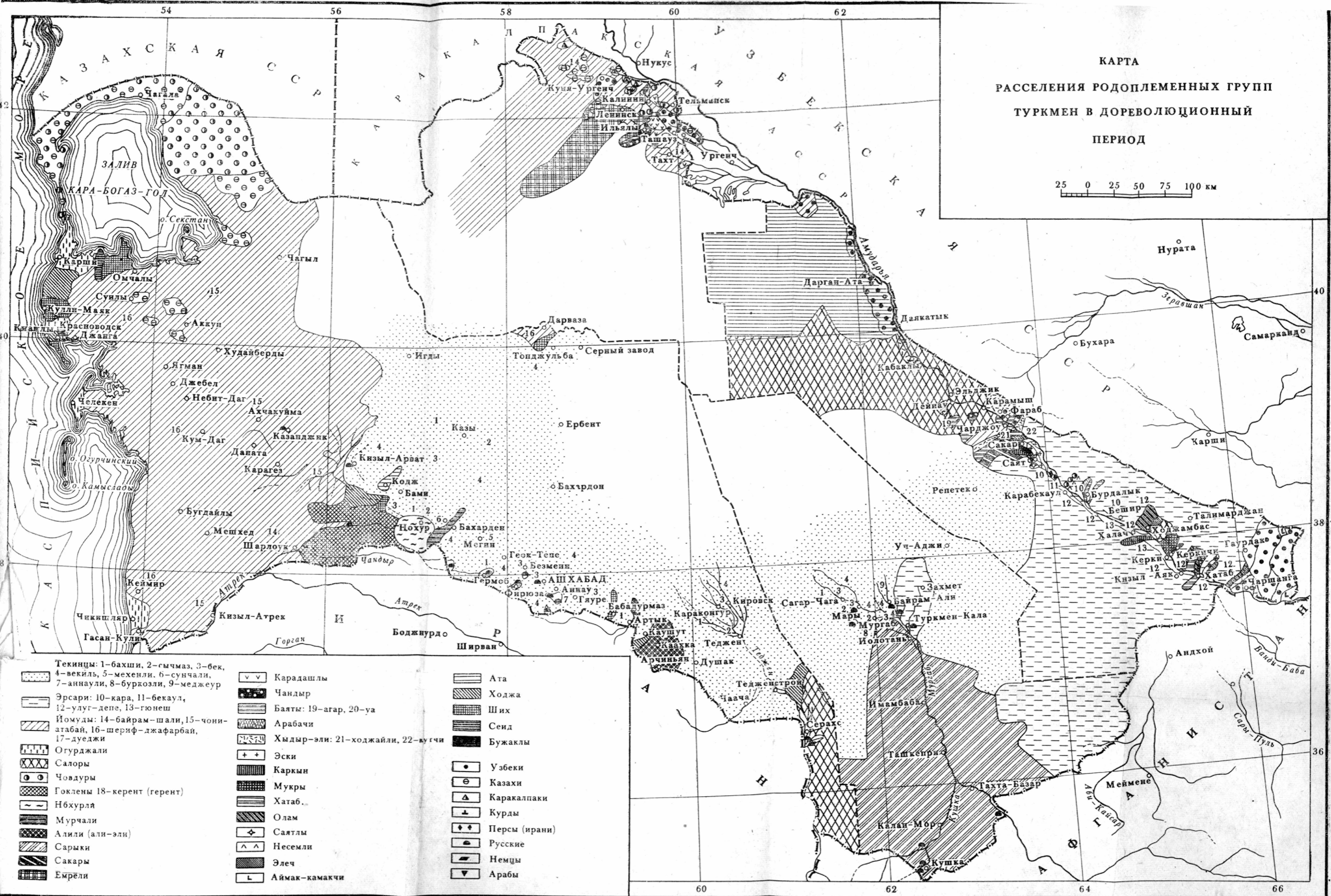

Рис. 14. Карта расселения племенных групп туркмен в дореволюционный период

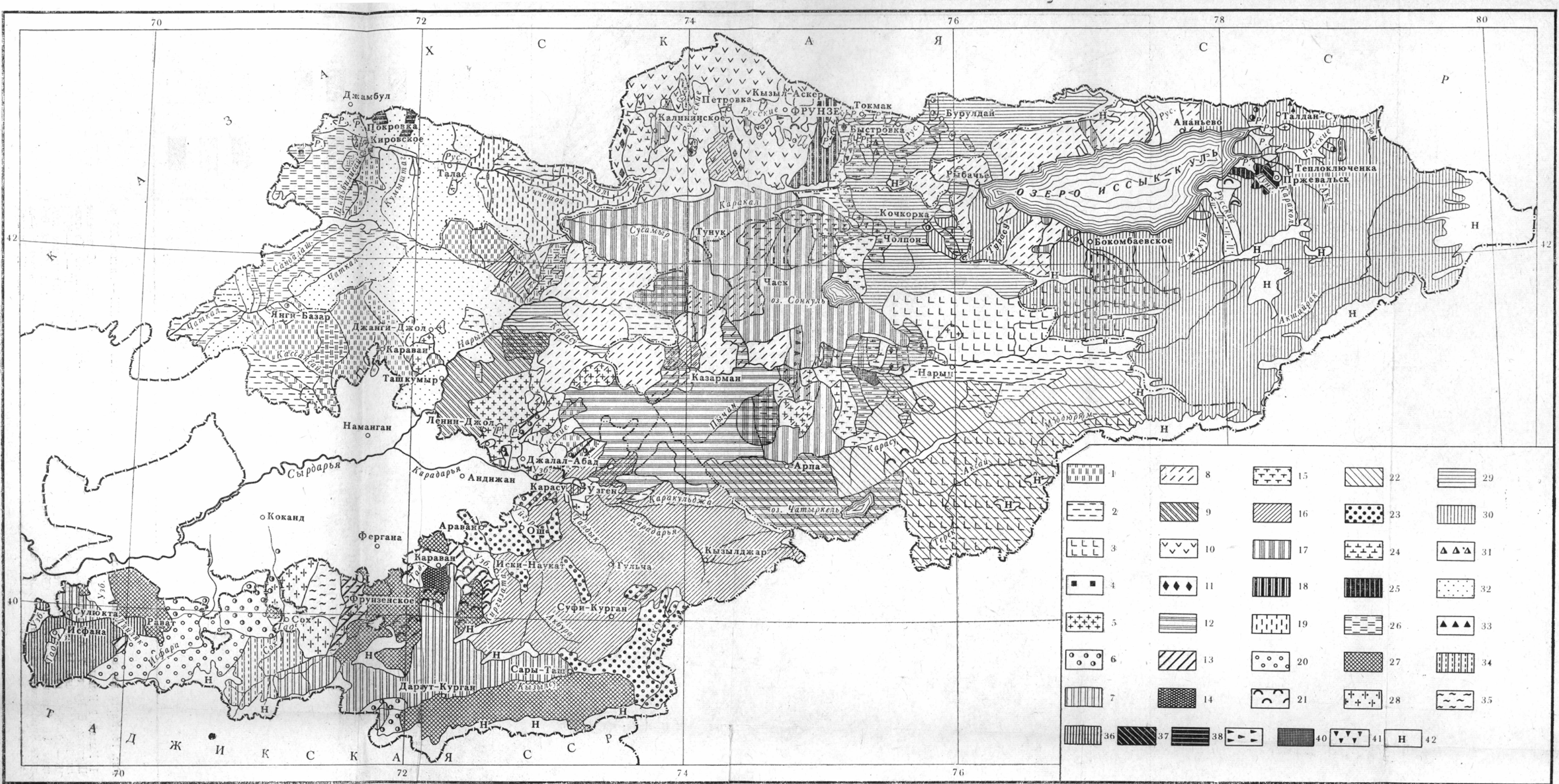

Рис. 16. Карта дореволюционного расселения племенных групп киргизов.
 1. Багиш. 2. Монголдор. 3. Тынымсейит. 4. Куркуроо. 5. Мундуз. 6. Кылчак.
 7. Тейит. 8. Саяк. 9. Жедигер. 10. Солто. 11. Тобой. 12. Басыз. 13. Канды.
 14. Оргу. 15. Азык. 16. Адигине. 17. Чекир-Саяк. 18. Суу Мурун. 19. Кушгу.
 20. Ават. 21. Дооло. 22. Черик. 23. Мунгуш. 24. Жетыген. 25. Конгурат.
 26. Кытай. 27. Найман. 28. Бостон. 29. Сары багыш. 30. Бугу. 31. Баарын.
 32. Саруу. 33. Чон багыш. 34. Нойгут. 35. Жоокесек. 36. Кесек. 37. Сарт-
 Калмык. 38. Чала-казак. 39. Калмак. 40. Курок. 41. Келдике. 42. Незаселенные территории

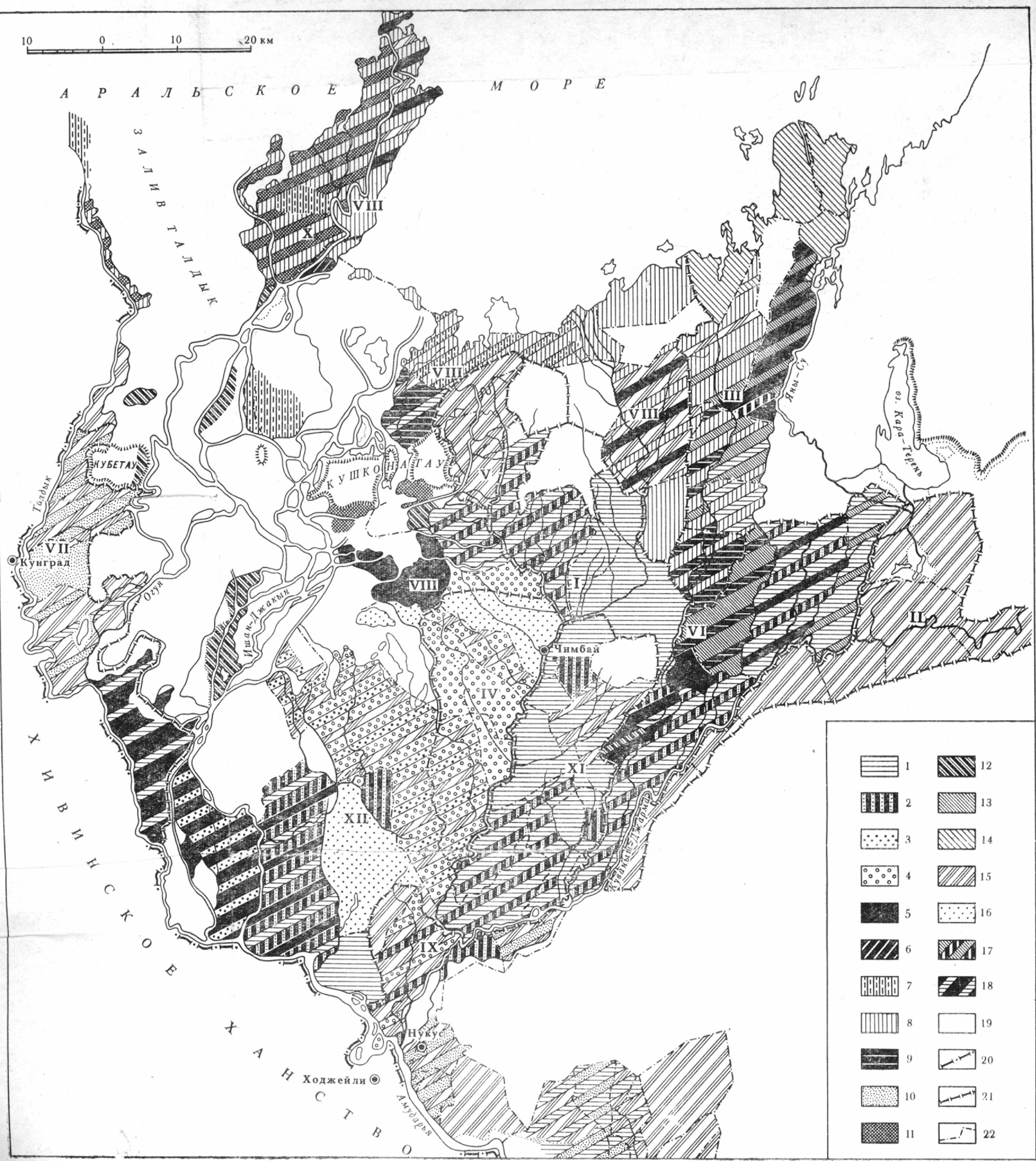

Рис. 18. Карта дореволюционного расселения племенных групп каракалпаков в XIX—начале XX в. Арыс-Он-торт-уруу.

1. Кытай. 2. Кыпшак. 3. Кенегес. 4. Мангыт. Арыс Конгырт. 5. Отделение Жауынгыр. Отделение Шуллак. 6. Кыят. 7. Ашамайлы. 8. Колдаулы. 9. Костамгалы. 10. Узбеки. 11. Балгалы. 12. Кандекли. 13. Карамойын. 14. Муйтек. 15. Казахи. Территории заселенные: 16 — свыше 50%; 17 — 20—50%; 18 — 10—20%; 19 — незаселенные территории. 20. Государственная граница России и Хивинского ханства. 21. Границы волостей Чимбайского участка Амударьинского отдела. 22. Границы общин. Волости Чимбайского участка: I Бешябская, II Даукаринская, III Ишимская, IV Кегейлинская, V Коккульская, VI Кок-узьянская, VII Кунградская, VIII Наупырская, IX Нукусская, X Талдыкская, XI Чимбайская, XII Яныбазарская